

РЕНЕ
— ВСЕГДА

МИРОМ
ПРАВИТ
ЛЮБОВЬ

МОЙ БОСС

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

— Что это?

Смотрю невидящим взглядом на небрежно раскинутые бумаги.

— Документы на лечения твоего отца от израильской клиники.

Внутри все сжимается.

Он пожирает взглядом. Колючие изумруды царапают шею, раздирают горло.

— Но у нас нет таких денег. Как?

Издавательски смеется. Вытрясает всю стойкость.

— Конечно, нет, — грубые пальцы по-хозяйски сжимают мой подбородок. — Я оплатил лечение. Считай это договором купли-продажи.

В ушах нарастает гул.

— Чего?

— Кого, — усмехается, отчего в груди холодеет. — Тебя.

Мы познакомились в университете.

Невзрачный парень в огромных очках. Бегал за мной по пятам, выполнял каждую прихоть.

Пока я жестоко не обошлась с ним.

Он исчез на долгие годы.

А теперь вернулся красивым и успешным ради одной цели.

Забрать меня себе.

Мой босс. Без права на ошибку

Рене Эсель

Глава 1

— Воробьева, ты просто бомбита! — восклицает Дегтярев, давний приятель Женьки Лазарева.

Напрягаюсь и оборачиваюсь при упоминании фамилии подруги. Прислушиваюсь сквозь грохочущую музыку. От этого типа жду все что угодно. И не только от него. Слишком хорошо знаю тех, с кем мы сегодня проводим время.

Вечеринка превращается во встречу однокурсников. Прошедших лет обучения вполне хватило, чтобы познакомиться с их тараканами. Тревога за подругу не позволяет остаться в стороне. Катя слишком вежливая и скромная, поэтому не даст отпор наглецам, вроде Дегтярева. Привыкла прятаться за спиной Лазарева, а с этим психом никто не связывался лишней раз.

Вздыхаю и встряхиваю волосами. Пот струится между лопаток, любое колебание воздуха остро ощущается на теле. Жаль уходить. Играет классный сет. Диджей сегодня старается на славу, а от бесконечных танцев подкашиваются ноги. Даже грудь тяжело вздымается, потому что кислорода отчаянно не хватает.

Торопливо пробиваюсь сквозь беснующуюся толпу, сжимая бокал с недопитым коктейлем.

Откуда звучит голос? Волнение дергает нервы, запускает цепную реакцию по телу. Периодически меня кто-нибудь останавливает, чтобы поговорить о жизни. Делаю вид, что не замечаю. Сегодня я просто расслабляюсь и выгуливаю свою лучшую подругу, Катю Воробьеву. А то она со всеми страданиями превращается в бледную тень самой себя. Помешалась на работе и бывшем парне, Женьке. Новый грохот дезориентирует. Каким чудом я вообще что-то слышу? Картина того, как Дегтярев грязно лапает Катю, стоит перед глазами. Злюсь. На него и на нее. Нет, почему она настолько беспомощная? Порой не понимаю, как она дожила до своих лет.

Хотя... Будь Лазарев моим парнем, я бы тоже все проблемы скинула на его плечи.

Трясу головой. Нет. Я точно не стану такой, невзирая на подарки судьбы. Нужно стоять за себя и напоминать зарвавшимся козлам, где их место.

Замечаю в толпе знакомую макушку и облегченно вздыхаю. Тревога отступает, скованные мышцы расслабляются. Дуреха. Напряжение уходит следом за паникой. Обнимаю оглядывающуюся по сторонам подругу, а она испуганно вздрагивает. Невольно смеюсь, потому что в крови бушует алкоголь.

Катя все-таки такая милаха.

— Куда ты пропала? — прислоняется ближе, словно ищет опору.

— Забыла? Миссия, Воробьева! Морщит нос. Ну да, ну да, куда святым до моих проблем? Я наплела целую историю про поиск богатенького мужика, чтобы вырвать Катю из панциря тоски и одиночества. А она, конечно, поверила.

— Не поняла?

— Где-то здесь ходит мой потенциальный спутник жизни. Страдает, мучится. Думает, где Леночка потерялась, — подмигиваю на ее смех. — Нет, ты точно эгоистка! Развлекалась без меня? Кивает в сторону смеющихся парней.

— Не то слово.

Замечаю, как Олег практически растянулся на столе. Пока его приятель что-то кричит

склонившемуся официанту. Неужели я рассчитываю на приличное знакомство здесь?

— Дегтярев, как всегда, — касаюсь губами бокала и удивляюсь прохладе стекла. — Фух, духотища.

Катя кивает и цепляется за мой локоть. Только сейчас замечаю, что ноги заплетаются. Жара и алкоголь не лучшие товарищи. Она тянет на воздух, чтобы немного проветриться. Я не против. Курить хочется. Поганая привычка прицепилась с тех пор, как заболел отец. Но даже от подруги скрываю ее, потому что это ниже моего достоинства.

Очередь в гардероб огромная. Катя замирает, косится на меня с сомнением. Равнодушно машу рукой.

— Пошли так. Очень душно.

— Вспотевшие, — говорит несмело. — Простынем. Какая зануда, господи. Смех рвется наружу. Иногда Катя напоминает строгую училку. Простынем. Ага. Скорее задохнемся, пока в очереди простоим.

— О, раньше тебя подобное не беспокоило, — не сдерживаю колкость.

Подруга непреклонна. Включает старшую сестру.

— Я постою, — упрямо выдает она. Пожимаю плечами. Пусть ждет, почему нет? Не мне слишком жарко, хочу на воздух. Только выходить с коктейлем не стоит, там же идет дождь.

Благо, что затуманенный алкоголем разум еще соображает. Прикрыв глаза, опрокидываю бокал. Чувствую, как нетрезвая туша влетает в меня на полной скорости. Не успеваю опомниться, как остатки напитка летят в лицо. Оторопело замираю и оглядываю себя. Капли стекают вниз, желтыми пятнами оседают на жилетке. А ведь я собралась ее выгулять перед продажей.

Жар опалает лицо. От злости сжимаю кулаки и несусь в сторону уборной, отпихнув оторопело бормочущего парня.

Плевать, что он там говорит. Я искала покупателя на эту тряпку целую неделю. Если срочно не замыть, то все пропало.

В голове проносится новый счет, пришедший из больницы. Никогда с нами такого не было. Если не продам чертову жилетку, то не покрою и четверти долгов.

Останавливаюсь. В женский туалет огромная очередь.

— Мне к раковине! — рычу и пытаюсь прорваться сквозь возмущенную толпу.

— Там тоже занято! — перекрывает дорогу рыжая стерва. — Ты одна, что ли, такая.

Смотрю на нее. Кудряшки прилипают ко лбу, руки расставлены в стороны. Ярость подстегивает наброситься на сучку и выдрать ей патлы. Но потом.

— Пошли. Чья-то тяжелая рука ложится на плечо и толкает в сторону двери с замысловатой фигурой. По мнению дизайнеров, она изображает мужчину. Инстинкт самосохранения срабатывает вмиг. В ногах появляется твердость. Вырываюсь из хватки, разворачиваюсь с лицом разъяренной фурии и прожигаю взглядом своего противника.

— Что тебе надо, дорогуша? — шиплю, чуть не уткнувшись носом в широкую грудь.

Запрокидываю голову, чтобы увидеть его лицо. И сразу тону в изумрудной глади нахальных и чертовски красивых глаз.

Электрический импульс проносится по нервным узлам, приподнимает каждый волосок на теле. Что за новости? Откуда такая реакция? Таю, как сыр в микроволновке.

Только приплясывающим мурашкам плевать на мои размышления. Незнакомец улыбается, тянется ко мне и скидывает со лба налипшую прядь. Замираю от ощущения

внезапной прохлады, подавляю порыв прижаться щекой к мужской ладони.

— Похоже, Леночка, я испортил твою одежду.

Глава 2

Голос мне знаком. Да и глаза... Они словно светятся в едва освещенном коридоре. Гипнотизируют.

Чувствую, что меня тянут. Трясу головой, упираюсь каблуками в скользкую плитку. Ноги ватные. Возмущаюсь, скорее, по привычке. Не хочется сопротивляться. Давно забытое ощущение покоя опутывает с головой.

Очень необычно, ведь я все решаю сама. Обычно.

Жмурюсь, когда яркий свет бьет в глаза. Вокруг все белое. Можно приступ эпилепсии получить. Обычно в клубах туалеты плохо освещены.

— Дай сюда, — спокойный и твердый голос незнакомца ласкает слух.

Прикосновение исчезает. Теперь ухо щекочет горячее дыхание и очень возбуждает. Проглатываю ком, когда мужские ладони ложатся на талию. Инстинктивно напрягаю ноги, потому что тепло расползается по всему телу сладкой патокой.

Невероятно! Меня лапает озабоченный придурок, а я, как малолетка рядом с кинозвездой, вот-вот грохнусь в обморок от восторга!

Мысль придает сил и трезвости. Выпрямляюсь до хруста в позвоночнике, вскидываю подбородок. Взгляд мельком цепляет ослепительную улыбку. Возмущение застрекает в горле. Незнакомец ловко убирает руки, оставляет после себя только пульсирующие следы на коже.

— Кто ты такой? Что тебе от меня нужно? — остервенело тру веки. Про себя молюсь, чтобы не размазался уставший за день макияж. Но согнать морок необходимо, а то через минуту станет непонятно, к чему приведет встреча.

— Мне от тебя? — усмехается наглец.

Подворачивает рукава, затем склоняется над раковиной с жилеткой.

Ищу в памяти нужный образ, но разум отказывается помогать. Я точно знаю этого гиганта, который притащил меня в мужской туалет. Он вроде моего возраста, но кажется взрослее.

— Отдай жилетку, и я пойду, — обхватываю ладонями предплечья.

Жутко. Почему прикосновения такие знакомые? И дыхание... Аромат свежий, но с табачной перчинкой. Будто бы раньше он был другим. Приглядываюсь внимательнее. Делаю шаг вперед, затаиваю дыхание. Незнакомец не двигается. Расслаблен. На ум приходят тигры из цирка и обманчивое впечатление абсолютной безопасности от зверя за решеткой. Вот он лежит, но стоит дрессировщику отвернуться, как в одно мгновение острые когти разрывают бедолагу на части.

Парень дает мне возможность рассмотреть его со всех сторон. Подметить двигающиеся под черной футболкой стальные мышцы, коротко стриженный русый затылок.

— Кажется, тебе интереснее здесь, — хмыкает и косится на мое отражение в зеркале.

Подавляю желание скрыться за дверью и никогда не вспоминать об этом дне. Воинственно выпячиваю грудь. Мне нечего стесняться.

А на парня приятно смотреть. Сплошной секс. Даже свисающие на лицо растрепанные пряди делают незнакомца только привлекательнее.

— Стирай, не отвлекайся, — язвлю. — Раз уж взялся.

Смеется. Его смех вводит в ступор. Нет, я бы не забыла такого красавчика! Мне же

никто не стирал память. В каждой черточке проскальзывает что-то знакомое, но картинка все равно не складывается.

— Слушаю и повинуюсь, принцесса, — замираю от нежности в бархатистом голосе. — Тебе так обычно отвечают, да?

Сталь в интонации режет и попадает в обескураженное сердце. Не понимаю как, но металл в его словах бьет прямо по больному. Замечаю безумный блеск в зеленых радужках... Как все исчезает. Передо мной вновь привлекательный парень. Который улыбается так, словно не резал словами душу минутой назад.

— Чего ты? — нежный шёпот бальзамом льется на раны, и я недоуменно моргаю. — Не вспомнила, да?

Его ладонь касается моего лица. Убирает локоны, гладит щеку. Делает все так, словно мы знакомы тысячу лет. Внутри что-то откликается, поэтому тянусь навстречу. Шампанского больше нет — это настоящая магия. Иначе как объяснить притяжение между нами?

То, как он смотрит, как касается... Волшебно. Словно я принцесса в изумрудном замке его глаз. Напор, с которым его язык вторгается в рот, вызывает стон. Все невысказанные противоречия испепелились под жаром столкнувшихся тел. Обнимаю своего таинственного незнакомца за шею, подпрыгиваю и обхватываю ногами.

Прекрасно.

Такое уже было. И не один раз. Тело пылает от прикосновения его кожи к моей. Нагло и беспринципно он залезает рукой под топ, сминает грудь.

Здесь чертовски неудобно. Несчастливая раковина скрипит под моим весом, будто сейчас обвалится на пол. Смеситель упирается в спину, когда незнакомец отстраняется. А я по инерции тянусь к нему, как к магниту

Он прячет под маской безразличия огоньки безумия. Но его выдает реакция тела: от красных пятнышек на скулах до тяжело вздымающейся груди.

Почему нас никто не заметил?

— Сумасшествие, — шепчу и снова тянусь к нему.

Он хватает мои запястья, прижимает к себе. Поднимает за подбородок так, чтобы смотреть прямо в глаза.

Его маска вмиг слетает с лица, разбивается вдребезги под нашими ногами.

Незнакомец открывает рот, чтобы что-то сказать. Но я не слышу слов. Только вижу, как знакомо поджимаются губы. По щелчку ко мне приходит осознание.

Не может быть.

Только один человек в мире так делал, когда жутко нервничал. В далеком прошлом.

Округляю глаза и немного отклоняюсь в сторону, чтобы получше разглядеть его.

Если представить изумрудные радужки за толстым слоем стекла от очков, убрать несколько килограммов мышц, добавить на белоснежную улыбку брекеты и повесить длинные патлы вместо идеально растрепанной прически. Или снять дорогое тряпье и засунуть его в одежду типичного неформала, обвесить всего цепями. Никаких сомнений. Я знаю этого человека.

— Олег? — хватаюсь за его предплечья и растерянно оглядываюсь по сторонам. — Сколько лет, да?

Смятение рябью проходит по телу. Не знаю, куда деть взгляд. Все перемешивается: шампанское, прошлое, возбуждение.

Олег Шершневу?

Не верю. Тот добрый и немного язвительный парнишка из университета. Он, положив руку на сердце, всегда привлекал меня только мозгами. Но не сводил с ума. Никогда.

С трудом нахожу опору под ногами. Подошвы норовят заскользить по влажной плитке.

Олег...

Аж мурашки по коже. Стоит как замороженный. Лицо каменное, взгляд затуманен. Слово не здесь. Почему в таком ступоре? Даже не реагирует, что цепляюсь мертвой хваткой.

— Неловко вышло, — бормочу и сама себя обрываю.

Кто меня за язык тянул? Все вышло. Даже лучше. Он же ненастоящий незнакомец. Мы практически бывшие.

«И как же ты его „бросила“?» — напоминает внутренний голос.

Трясу головой. Чувство неловкости возвращается. Обнимает за плечи, стремиться в середину живота. Тугим комком дискомфорта падает.

Это случилось давно. Он же понимает, что между нами ничего не было?

— Сильно изменился? — вздрагиваю, когда Шершневу очаровательно улыбается.

Куда делась каменная статуя? Сверкает своими тридцатью двумя, галантно придерживает за руку.

Опешив, смотрю вверх. Пробегаю взглядом по колючему подбородку, цепляю кончик когда-то крючковатого носа. Вроде все нормально. Только изумрудное пламя в глазах странно полыхает. Неблаго. Сыплет искрами и жалит кожу как бенгальский огонь.

— До неузнаваемости, — осторожно поднимаю с пола жилетку.

Воздух искрит. Чувствую, как электризуются волоски на руках. Поддавшись первобытному инстинкту, оглядываюсь, но... Все спокойно.

Шершневу поправляет прическу и улыбается отражению.

Что происходит? Виновато шампанское или коктейли? Вроде приличное заведение, но мне явно что-то подмешали. Или старые добрые однокурсники подсыпали? Иначе как объяснить тот факт, что я с удовольствием и упоением щупала Шершневу? Еще глюки: то холодно, то жарко. Так и до больницы недалеко.

— А ты все такая же, — он оборачивается, а по моей спине проходит холодок. — Только стала еще краше.

— Спасибо, — растерянно лепечу, наблюдая за расслабленными движениями.

Или его уверенность меня дестабилизирует, или это зрительные галлюцинации от выпитого. Второй раз человек, который без задней мысли помогал мне с любой просьбой в университете, внезапно напоминает хищного зверя.

Я словно в океане, плаваю посреди ледяной воды. Смотрю по сторонам, кажется, вижу акулий плавник. Он или обман зрения?

Шершневу замирает неподалеку. Засовывает руки в карманы и смотрит. Слишком устало для своего возраста. Выдыхаю с облегчением.

Сонная тяжесть наваливается на плечи. Давлю зевком, покрепче перехватываю жилетку.

— Слушай, мне надо найти Катю, — оглядываюсь впопыхах.

Все чисто. Странно, ведь сумочка валялась на полу, но ничего не выпало. Вздыхаю и скрещиваю пальцы. Очень надеюсь, что жилетка не сильно пострадала. Казалось, Олег знал, что делал, когда ее застирывал.

— Лазареву? — хмурится, отчего на лбу собираются морщины.

Знакомо. Из-за плохо зрения Олег всегда хмурился и шурился одновременно. Выглядело странно со стороны, но в этом была вся прелесть. Оно цепляло меня в прошлом.

Будь во мне поменьше стереотипов и не слушай я всяких дураков, точно с Шершневым сложилось. Чего не хватало? Красоты?

Мне ли не знать, что это наживное.

Сердце тоскливо стонет.

Предательница...

— Она Воробьева, — не замечаю, как улыбаюсь. — Ты никогда не помнил.

Безразлично пожимает плечами.

— Девушка Лазарева, — отворачивается чересчур резковато для равнодушного человека. — Остальное не имеет значения.

Виновато вздыхаю. Да, похоже, я знатно испортила ему жизнь. Шершневу дружил с Лазаревым в университете. Даже, по-моему, поддерживал контакт некоторое время. После ухода Олега почти сразу отчислился и Женька.

А потом Шершневу прекратил общение с единственным другом, который у него был.

— Она там осталась одна, — потупив взор, вздыхаю. — Нам домой пора.

— Я видел Лазарева, — внезапно выдает Олег и движется к выходу. — Так что Катя твоя давно дома. Поехали.

Недоуменно моргаю, затем злюсь. Волны ярости паутиной окутывают тело.

— Ты не понял, — говорю с нажимом. — Они больше не вместе, и я ее здесь не оставлю.

— Если она еще там, то подвезу вас обеих, — чеканит каждое слово. — А если нет, то ты не умеешь выбирать друзей, малыш.

— Я в состоянии решать без тебя, — повышаю голос и быстро приближаюсь. — Не трожь Катю? Наличие денег и красоты не дает тебе права судить людей.

— Конечно, нет, — он смеется и поворачивается, затем наклоняется ко мне близко-близко. — Такое право дано только избранным при рождении, верно?

Обжигает взглядом. Слова застревают в горле.

Естественно, он все помнит.

Весь запал пропадает. Смотрю под ноги, растираю ладони.

Момент истины.

— Олег, тогда неловко вышло, — поднимаю голову. — Прости... Никогда не думала, что те отношения ты воспринимал всерьез. Мне очень стыдно. Следовало сказать это раньше. Представляю, что ты сейчас думаешь. Но... — запинаюсь.

Потому что Олег прячет за улыбкой настоящий ящик Пандоры, внутри которого бушующий шквал эмоций. Всего на мгновение приоткрывает крышку, затем захлопывает. Эффект исчезает, а он распахивает дверь.

— Спокойствие, малыш. Сегодня я не узнал о тебе ничего нового.

В машине с Шершневым находится комфортно, уходит вся неловкость. Ночью нет пробок, поэтому едем быстро. Но и здесь Олег не нарушает правила. Ведет спокойно и уверенно, не поддается на провокации со стороны всяких гонщиков.

Ловлю себя на мысли, что невольно люблюсь им. Давненько никто не вызывал во мне такой интерес.

Легкий поток воздуха приятно щекочет кожу и слегка остужает голову.

— Красивая машина, — разбавляю голосом арию Баха из динамика и повисшую между нами тишину.

— Безделушка, — морщит нос, затем поглаживает большим пальцем руль. — Один из многих атрибутов успешного человека.

Киваю. Что здесь скажешь? Встречают по одежке. Актуально во все времена. Часы ювелирные изделия, дорогие иномарки.

— Я ничего в них не понимаю, — жму плечами.

Сколько вещей, которые раньше не трогали, становятся важными. В этом есть своя прелесть. Замечаешь мелочи и ценишь то, что раньше казалось незначительным.

— Но ты понимаешь, сколько она стоит, — скептически приподнимает бровь, а я закатываю глаза. — Остальное тебя мало интересует.

— Хватит, Шершнев, — цыкаю и откидываю за спину длинные волосы. — Я не меркантильная тварь, как тебе видится.

— Не-е-ет, ты что. Как можно подумать? — хмыкает, сверкает белыми зубами.

Злопамятный. Хочется ответить колкостью, но передумываю. Пусть побесится. У него быстро проходит. Попыхтит и перестанет, а мне ругаться с ним не с руки. Мне действительно интересно, как у него дела. Да и воспоминания о случившемся в туалете клуба будоражат воображение.

К лицу приливает краска. Чувствую, как щеки пылают, и отворачиваюсь.

Ох, Леночка, ты с удовольствием пощупала, нижнюю часть тела Шершнева.

Откидываю козырек, делаю вид, что поправляю макияж. Судорожно забываю выступивший пот и красноту пудрой.

Спокойствие, Леночка, только спокойствие.

— Почему зацепилась за машину?

— Ты притих, а меня тянет на разговоры, — убираю пудру и ногтем расколупываю отлетающий от сумочки страз.

Починку этой «безделушки» не себе позволить в ближайшее время. Хотя зарплата у меня вполне достойная, но с болезнью отца все деньги уходят на его лечение.

Мысль остужает. Но я по-прежнему чувствую, как резво отстукивает сердце.

Такие самцы, как Шершнев, на дороге не валяются.

— Я знаю о твоём отце, — внезапно говорит Шершнев, и я замираю. — Мне жаль.

— Мне не нужна жалость, — выплевываю резко.

Не понимаю, почему завожусь на ровном месте. Слова больно ранят. Словно папы уже нет. Уверена, что Олег говорит искренне, но его сочувствие ужасно бесит.

Отец всегда был опорой. И будет снова. Как только переживет кризис.

— Папа справится, — сжимаю кулаки. — Он сильный.

— Сильным людям тоже нужна поддержка и любовь, — Олег задумчиво смотрит перед собой. — Иногда необходимо побыть слабым.

— Такое не про него. Папа не умеет ни отдыхать, ни расслабляться. Когда ты управляешь крупной фирмой, слабость равна смерти.

— В этом он прав.

Тема неприятна. Не нравятся ни рассуждения Шершнева, ни моя вынужденная оборона. Папа не нуждается в защитниках. Ежусь, ищу удобное положение. Прежний комфорт испаряется. Теперь уверенность собеседника раздражает. И машина, и голливудская улыбка.

— Ты хотела поговорить, — словно читает мысли Шершнева. — Лучше сменим тему.

Бесит. Я еще и виновата.

— Откуда все это? — развожу руками. — Ты грабишь банки?

— Все белее белого. Нечего рассказывать. Стартап. Провал. Второй стартап. Снова провал. Найм, накопление, поиск инвестиций. Стартап, выход на окупаемость и стремительный взлет. Технологии сейчас в цене, акции растут, компания тоже. Смотрю на другие сферы, чтобы расширить сетку.

— Быстро ты, — поджимаю губы. — У нас так только Лазарев поднялся. Благодаря папе.

— Про него знаю, — обрывает Олег, и я недоуменно оборачиваюсь. — Там своя мотивация уйти в бизнес. Но моя оказалась сильнее.

Кидает взгляд. Подмечаю в нем непонятное осуждение, невольно сжимаюсь. Слово меня в чем-то обвиняют. Нет, я не из робкого десятка. Все дело в странном влиянии Шершнева.

— Как твоя мама? Во рту скапливается слюна при воспоминании воспоминаний о пирожках Татьяны Ивановны.

— Отогревается в Турции после Сибири. Восхищается местным колоритом, подседа на их сериалы и с упоением пересказывает мне каждую новую серию, — интонация Шершнева смягчается, в салоне становится теплее. — Голосовыми.

— Весело тебе, — смеюсь, представляя, с каким лицом успешный бизнесмен сидит вечерами и слушает истории про турецкие страсти.

Болтаем о какой-то ерунде. Про бывших однокурсников, цены на бензин и новые фильмы. Разговор идет легко и невесомо. Я не замечаю, как Шершнева останавливается возле моего подъезда.

Не желаю уходить. С неохотой отстегиваю ремень и поворачиваюсь к Олегу.

Смотрит, щурится. Настоящий хитрый лис. Знает, о чем я думаю.

Губы растянуты в улыбке. Мягкие на вид, но в реальности жесткие. Горячие. Такие же, как его язык, который мучительно сладко терзал мой рот.

Трясу головой.

Все, Леночка. Подбери себя с пола.

Вздергиваю подбородок, пальцем щелкаю растерявшегося на секунду Шершнева.

— Давай, мачо. Счастливо оставаться.

Поцеловав воздух возле его щеки, резво выскакиваю из машины. Короткое уведомление на телефоне тормозит на середине пути.

«Шершнева Олег подписался на вас. Подписаться в ответ?»

Смеюсь, запрокидываю голову к ночному небу. Жму подтверждение.

Под раздавшийся рев мотора иду к воротам.

Некоторым людям не свойственно чувство такта. Просыпаюсь на следующий день под разрывающийся телефон. Режим вибрации не спас воскресное утро. Проклинаю себя и неспособность выключить его вовсе.

Все из-за новостей о папе. Вдруг позвонят из клиники?

Тяжело моргаю, прогоняю яркие всполохи сна. Через секунду не вспомню, что снилось, однако ощущения приятные. Потягиваюсь, ловлю улыбку на лице в зеркале.

Встреча с Олегом оставила неизгладимое впечатление. Кто бы подумал, что он станет таким? Кажется, что все произошедшее вчера — просто сон. Только разливающееся в груди тепло намекает на правду.

— Слушаю, — скриплю в трубку, обдираю голосом стенки горла.

На часах семь утра. Я не выспалась. В голове гудит.

Вопрос, который не дает покоя: кто в выходной день просыпается раньше десяти?

— Елена Владимировна, вы спите? — тонкий писк помощницы моего начальника, Павла Андреевича, раздается в динамике.

Обреченно вздыхаю.

— Рита... — чувствую, как на зубах скрипит ее имя.

Что за бестолковая девчонка?

— Елена Владимировна, у нас здесь такое! — перебивает дрожащим голосом. — Это не могло ждать.

— Аудит? — напрягаюсь и подскакиваю на кровати. — Они совсем озверели? Скоро ночами ходить начнут.

Судорожно ношусь по комнате. Нужно ехать. Без вариантов. Постоянные косяки в отчетах сошли на нет за последнее время, но по-прежнему оставались. С учетом того, что выловить в воскресное утро практически некого, никто ничего не найдет.

Торможу возле зеркала. Прodelки папиных конкурентов. Точно. Используют ситуацию. Всевозможные инспекции водят вокруг нас хороводы. А теперь, видимо, нашли слабую точку.

Только бы Галина Петровна подъехала. Нашего главного бухгалтера все боятся как огня. Стоит зыркнуть из-под очков-половинок, как два-три здания налоговой инспекции закрываются на ремонт. И обновление в системе вместо четырех часов проходит за пять минут.

— Звони Галине Петровне, — скидываю пижамные штаны, прижимаю телефон к плечу. — Если она на своей метле не покинула пределы Московской области, то у них просто нет шансов. За испорченный вечер с внуками она их вместе со всеми папочками сожрет...

— Нет, нет. С этим все в порядке, — лепечет Маргоша совсем тихо. — Не в этом дело.

Молчит. Чувствую, как придавший сил адреналин превращается в ярость. Единственный выходной. Полноценный. И не проверка.

Бешусь.

— Рита-а, — протягиваю, и до мысленного треска сжимаю телефон, — или ты объяснишь, что происходит, или Галина Петровна покажется тебе ангелом небесным.

— Завтра срочное собрание акционеров, — выпаливает Маргоша на одном дыхании. —

Утром. Все загадочные, никто ничего не говорит. Павел Андреевич блее белое. Молчит, бегаёт, трясётся. Глаза бешеные. Вам звоню, потому что велел под страхом смертной казни.

Недоуменно хмурюсь.

Что за цирк с конями? Паша всегда спокойный как удав. Непокосимый, как монолитная несущая стена! Какая паника?

Если вечером объявят конец света, он все равно невозмутимо напомнит про отчет и дедлайны. Такие мелочи, как апокалипсис, Павла Андреевича не волнуют.

Что его пошатнуло?

Оседаю на кровать, сжимаю в руках черную наволочку.

В нашей фирме «собрание акционеров» — что-то из разряда «сверим все календари, коллеги».

Срочное — обычно в рамках двух недель. Но вот так, чтобы всех собрать за один день?

Нехорошее предчувствие оседает в горле. Или кто-то умер, или мы банкроты. Нет. Все умерли, и мы банкроты.

— Не спрашивайте, — выдает Маргоша и всхлипывает в трубку. — Сама ничего не понимаю. С утра грозит уволить.

— А он где?

— В архиве заперся с юристом. Матерится, — вой переходит в рыдания.

Морщусь. Ненавижу, когда люди теряют профессиональное лицо.

Но, признаю, сама в шоке.

Лишний повод не впасть в панику, а собраться.

— Кофе ему отнеси, — настойчиво намекаю на то, как разведать информацию. — Мне тебя учить?

— Отнесла уже, — спокойно выдает Маргоша. Резкой переменой вводит в ступор, — Ничего не говорят. Только шуршат да переписываются.

— Матерится?

— Просто в воздух, — вздыхает, — или на меня. Что всех еще не обзвонила. Елена Владимировна, подтверждаю завтра ваше присутствие?

— Конечно, — киваю, словно меня видят. — Будет информация — пиши.

Разговор заканчивается так же внезапно, как и начался. Последняя нервная клетка отплясывает танго в районе пульсирующего от перенапряжения виска.

Забавно, Леночка. Родилась в приличной и успешной семье. Живи да радуйся. Родители все сделали.

Только не успеваешь вылупиться, как все: то червяка не разжевали, то из гнезда рано выкинули.

С другой стороны, грех жаловаться.

У Шершнева таких звонков по десять штук в день. С его-то размахами.

Укол зависти застревает в ребрах. Трясу головой, даю мысленный подзатыльник.

Нашла кому завидовать. Бедный парень зубами место под солнцем выгрызал. Теперь гадкий утенок превратился в лебедя со всеми положенными кубиками пресса. Чудеса эволюции. А я на червей жалуюсь.

Вибрация телефона отвлекает. Тянусь, прижимаюсь щекой к шелковой подушке.

Незнакомый номер становится сюрпризом. Волнение смешивается с предвкушением. Короткий вдох. Сглатываю набежавшую слюну.

Это же он?

«Доброе утро, малыш. Тебе еще нужен миллион долларов?»

Не верю в то, что вижу. Каждое слово, как удар под дых. Глаза режет. Больно.

Невозможно дышать.

Он же несерьезно?

Ошалело смотрю на экран не в силах ответить.

Сомнений нет. Автор сообщения точно Шершнеф.

«Не смешно».

Набираю ответ на автомате, потому что не по себе от его едкой шутки. В другое время я бы не обратила внимания, мол, пусть резвится. Слова, сказанные мной в прошлом, оставили на нем след.

Я пожалела о них в тот момент, когда не увидела Шершнева поблизости. А потом узнала, что Олег бросил университет. Но всегда гнала мысли, что это произошло по моей вине. Тогда я была пьяна и толком не соображала.

Только могли ли наши ненастоящие отношения так повлиять на него?

Вновь погружаюсь в прошлое.

Злосчастная вечеринка по случаю дня рождения кого-то из Лазаревских дружков. Громкая музыка, целующиеся парочки, что еще вчера едва друг друга знали, а завтра забудут.

Черт меня дернул туда пойти?

Но я пьяна, мне весело. Рядом крутится чей-то перспективный и вполне симпатичный сын. Не помню, как так вышло. Бокал, а следом пошел второй. Вот изумруды моего ненастоящего парня переливаются от бешенства за толстыми стеклами очков в тусклом свете комнаты.

— Она моя девушка, — рычит Шершнев на поднятого над полом блондинчика.

Уверена, если промедлю минуту, Олег порвет этого мажора. Тот уже синий в его огромных лапищах. Хочу кинуться к нему.

Ничего не было. Мы просто разговаривали. Да, этот урод утащил меня в уголок, но ты пришел вовремя.

Вокруг слишком много людей. Никто из них не знает про наши фальшивые отношения с Шершневым. А я так и не определилась, что с ними делать. Колеблюсь ровно минуту. Под звучный треск под ребрами давлю болезненную улыбку. Собственный смех кажется нервным. Думаю, все видят, что я вру.

Они смотрят. Раздаются ехидные смешки, шепот разносится по помещению. В этом обществе не принято дружить с такими как Олег. Тем более встречаться с ними. На Шершнева все закрывают глаза только из-за Лазарева. А здесь такой скандал: у королевы курса парень — нищий урод.

— Шершнев, ты обкурился? Ты себя в зеркало видел? — фиксирую взгляд на застывшем Олеге.

Он белеет. Краска уходит с лица, а глаза превращаются в щели. Смаргиваю слезы, закусив щеку изнутри. Больно. Жажду подойти и успокоить его. Скрыться от посторонних, которые стали свидетелями разыгравшегося скандала.

— Лазаревский щенок совсем с цепи сорвался, — проносится по толпе.

— А Ленка, что ли, с этим нищесбродом? — чей-то знакомый голос врывается в воспаленное сознание.

— Фу, он такой стремный, — вторит другой.

Не понимаю, как сохраняю лицо. Выразительно смотрю на Шершнева.

Мы потом поговорим, Олег. Не сейчас. Не при всех.

Пойми меня, пожалуйста.

— Я не встречаюсь с теми, у кого на счету меньше миллиона долларов, — подхожу и

щелкаю пальцем по его носу.

Поворачиваюсь к захрипевшему блондинчику. Кажется, что Шершневу вознамерился выдрать у него кадык. А я не замечала никогда, насколько у него сильные руки.

Со мной он всегда был предельно нежным.

— У него их, кстати, тоже нет. Так что расслабь булки, зая...

Выныриваю из воспоминаний под вибрацию телефона. В груди противно тянет, во рту словно нагадили кошки. Хочется прополоскать внутренности с мылом.

Прошлое остается прошлым, чтобы ты не сделал. Вариантов немного: или страдать, или принять.

Выбираю второе.

Но до сих пор ненавижу избалованных мажоров. Потому что сама была такой.

Обычно я не обращаю на них внимания. Но слова Шершнева задевают за живое.

Он знает, что с моим отцом. Кто так шутить? Неужели я заслуживаю подобного отношения?

«А мне кажется вполне забавным. Общее прошлое — это очень романтично».

Не понимаю, почему не отрываю взгляд от экрана телефона.

Он издевается?

Невидимая струна напрягается, заставляет выпрямить спину. Сейчас ее разорвет от напряжения.

«Лен, я шучу. Ты чего?»

Слышу, как кровь отбивает в ушах барабанный ритм. Не верю. Что-то не дает покоя. Не понимаю, что ответить, лишь пялюсь в экран. Облегчение прокатывается по телу, но внутри что-то гложет. Словно ложное чувство безопасности меня обманывает. Сама себя успокаиваю, будто все хорошо.

Трясу головой. «Неуклюжая попытка. Извини. Я по делу. Сегодня встретимся в пять вечера?»

Новое сообщение перебивает предыдущее. Глажу пальцем экран.

Жмурюсь.

Просто я очень впечатлительная. Отец, проблемы с деньгами, новые приключения на работе. Такое кого угодно превратит в параноика. Даже меня. Пора заняться терапией.

Если разобраться, то Олег не написал ничего плохого. Вспомнил неловкий случай, ничего больше. Кто из нас так не делает при встрече с давними знакомыми? А то, что не подумал про ситуацию с отцом... Он и не должен.

Неприятно, да. Но кто я ему? Ненастоящая бывшая девушка?

Он не обязан ради моего спокойствия взвешивать слова. У каждого давно своя жизнь. Теперь Олег — успешный бизнесмен, уверенный в себе мужчина, настоящий красавец. У него нет отбоя от девушек. Поэтому та ужасная ситуация для него давно превратилась в шутку.

Моя жизнь тоже круто изменилась. Проблемы с отцом, сплошные недосказанности в отношениях с Павлом Андреевичем.

Вздыхаю. Романы на работе — зло. Особенно с шефом. Ни к чему хорошему такие истории не приводят.

Даже не замечаю, как мыслями ухожу далеко от сути переписки.

Только нынешний Шершневу не привык ждать. Ладонь щекочет вибрация.

«Лена?»

Усмехаюсь, прижимаю ладонь к губам. Какой настойчивый. Приятно.
Вывожу пальцами по тачпаду ответ.
«Да, в пять могу. Где?»

Отбрасываю телефон в сторону и недоуменно пялюсь в потолок. Катя в третий раз скидывает мой звонок. Именно тогда, когда мне нужна подруга, она занята своими делами. Понимаю, что так думать — эгоизм. Но ничего не попишешь

Мне нужен не совет... А ее голос.

Наша дружба, несмотря на все эмоциональные качели, продержалась кучу лет. За это время Воробьева стала мне настоящей сестрой. Я привыкла заботиться о ней, но сейчас требовалась ее поддержка.

Червячок совести тревожно ворочается в груди. Я до сих пор не рассказала ей о проблемах с отцом и бизнесом. Жду, как маленький ребенок, что та выпытает.

Какая глупость.

Подбираю телефон. Достаточно детского поведения на сегодня. Скоро встреча с Олегом, а я до сих пор не поняла, что чувствую и чего хочу.

С одной стороны, заинтригована и очень заинтересована. Поражаюсь своей реакции на бывшего парня. Мне все нравится. Но с другой... Сколько раз уже так было? Я слишком легко и быстро очаровываюсь.

Пальцы бегут по сенсорным кнопкам. Прежде чем успеваю написать Кате, вижу ее поступившее сообщение.

«Прости, ученик попал в реанимацию. Не могла говорить. Что-то случилось?»

Мысленно ударяю себя по лбу. Нет, я точно эгоистка. Новая работа Кати мне нравится. Особенно то, с каким трепетом она к ней относится. Дети делают ее счастливее.

А здесь такое.

«Оу, не знала».

Волнение не дает покоя. Набиваю следом два сообщения.

«Ты в норме?»

«Можешь говорить?»

Она не отвечает. Волнение щекочет горло.

Позвонить? А если она занята? Поток переживаний прерывает знакомая мелодия. Поджимаю губы. Воробьева страдает синдромом то спасателя, то жертвы. И это не дает мне покоя. В итоге поднимаю трубку.

— Кать, — тревожусь, — точно можешь?

— Давай не об этом, пожалуйста, — едва узнаю ее голос, настолько тусклый и безжизненный. — Звонила?

— Да-а-а, — тяну, прислушиваясь к ее дыханию.

Меня разрывает спросить, как она. Или сесть на такси и примчаться к ней. Сердце сжимается от осознания, насколько ей плохо. Но ничего не поделать. Когда-то давно я приняла решение не лезть в ее жизнь без спроса. Сейчас именно тот случай. Не говорит о себе, значит, отвлечемся на меня. Делаю пару вдохов и натягиваю привычную улыбку. Маска ложиться, словно влитая.

— Воробьева, сидишь? — весело пропеваю.

Что еще делать? Нужно переключать Катю с ее упаднических мыслей.

— Лучше. Лежу.

— Короче, ты помнишь Олега? — от того, как звучит в моих устах его имя, звенит

тревожный колокольчик.

Надо, Ленчик, тебе бы тормозить в своих размышлениях. Он же сказал, что встреча по делу.

— За два дня не забыла. Дегтярев жег, — буквально вижу, как Воробьева пожимает плечами.

Не понимает. Впрочем, я тоже не думала о Шершневе до недавней встречи.

— Я не про него, — из груди вырывается нервный смех. — Олега Шершнева. Он учился на курс старше. Музыку писал, помнишь? Группа у него была. Господи, как же называлась...

Треклятое название кажется чем-то важным, но в голове белый шум. Вернее, там только его музыка.

Всегда нравилось, как он играл на гитаре.

— Я заинтригована, — перебивает Катя. — Помню. Патлатый такой. В очках.

Хохочу.

Патлатый и в очках.

Все помнят его внешность, а я — музыку.

Сама идея нашей встречи кажется абсурдной. Мы с ним из разных вселенных: что тогда, что сейчас.

— Лена-а-а, Олег же за тобой хвостом четыре года ходил. Если правильно помню, Шершнев не в твоём вкусе. Ты сказала, чтобы подкатывал, когда заработает пару миллионов долларов.

— Эм, — мнусь, не зная, что ответить.

Катя права. Но больше цепляет, что она помнит тот случай.

Неужели все так плохо?

— Он заработал, — выпаливаю на одном дыхании. — У него растущая IT-компания.

Катя молчит, и я теряюсь. Больше не жду ничего хорошего от нашего диалога. Настроение летит в трубу.

— Мы встретились. Вчера. Парень, который в нас врезался. Помнишь? Олег очень изменился, — говорю, сама не зная зачем.

Словно оправдываю, только не пойму, кого именно: то ли Шершнева, то ли себя.

— Сначала тоже не узнала! Поболтали, потом вы втроем влетели. Я быстро ему телефон дала, — складно вру. Становится тошно. — Сегодня позвал на свидание. Не знаю, что и думать...

— И у тебя сразу любовь проснулась?

Слова Кати обжигают лицо, будто добротная пощечина. Во рту противно жжет, следом накатывает гнев.

Какого черта она так со мной разговаривает? — Теперь Олег нужен? Лена, отстань от парня. Пусть строит жизнь с нормальной девушкой.

Хватаю ртом воздух. Чувствую, как дрожат руки. Только бы не сорваться. Катя говорит... Правду. Неприятную. Которая мне не нравится. Но правду.

— Прости, — шепчет подруга, поняв, что ляпнула. — Лен, я не хотела...

— Потом созвонимся, — быстро обрываю ее. Надо подумать. Без нее. Встретиться с Олегом и расставить все точки над *i*. Он же серьезный парень, а я в очередной раз поддаюсь эмоциям.

— Лен, я правда не хотела.

— Олег Дегтярев дал Жене твой новый номер. Понятия не имею, откуда он у него. Этс

так, чтобы ты знала, — перехожу на другую тему. Решаю ее предупредить о вероятном звонке от бывшего. — Воробьева, забей. Я не злюсь. Возможно, ты права.

Скидываю вызов раньше, чем она отвечает. Ее помощь не нужна. Теперь я знаю, как пройдет разговор с Олегом.

Выбранное Шершневым место удивляет. Ресторанчик находится недалеко от офиса нашей компании, так что я много раз в нем обедала. Даже проводила корпоративы.

Почему же сейчас не по себе?

Недоброе предчувствие рождается в груди, но я списываю все на разговор с Катей.

Она права.

Но от осознания сего факта легче не становится.

— Это была ошибка, — проговариваю вслух, остановившись возле прозрачной витрины.

Получается правдоподобно. Верю себе.

Вижу свое отражение. Миндалевидные глаза в обрамлении пушистых ресниц смотрят строго, как и нужно. Длинные светлые волосы собраны в высокий пучок на затылке. Синий брючный костюм не оставляет намека на флирт. Только черные босоножки — единственная деталь, которая намекает на легкомысленность и романтичность.

Нервно поправляю выбившийся локон: не девушка, а неприступный бастион. Делаю два вдоха и вхожу в распахнувшиеся двери.

— Добрый день. Знакомый администратор приветствует с порога.

— Здравствуйте, — улыбаюсь, — у меня здесь...

— Встреча, — подсказывает парень и напряженно машет головой в сторону. — Да, да. Ваш спутник ждет. Я провожу.

Чуть ли не срывается с места, заставляет меня недоуменно распахнуть глаза.

Что происходит?

Поведение администратора настораживает. А он останавливается и оборачивается.

— Елена? — его взгляд бегаёт.

— В чем дело? — хмурюсь и расправляю складки на пиджаке.

Мнется. Кажется, будто жаждет что-то сказать. Оглядывается по сторонам, затем подается вперед.

— Это не мое дело, — сдувается и бурчит себе под нос. — Извините. Пойдемте.

— Да что случилось? Сдерживаюсь, чтобы не схватить парня за рукав. А он сама невозмутимость. Рассекает поток из редких посетителей, точно заправский ледокол, и приветливо улыбается им. Ничего не остается, как пойти следом.

Напряжение нарастает, вокруг сгущаются краски. Словно через минуту на головы людей обрушится ливень с грозой. Но этого не происходит. Только вспыхивает и ослепляет молния. Настолько яркая, что от ее света жжет глаза.

В белых брюках и такой же рубашке за столом сидит Шершнев. Что-то увлеченно печатает на ноутбуке. Вспоминаю, что скорость света быстрее скорости звука, и через несколько секунд грянет гром.

Администратор подходит и хватается за стул.

— Можете идти, — не поднимая головы, бросает Шершнев.

Парня сдувает, словно ветром. До меня донеслось только бормотание про хороший вечер. А я стою возле столика и недоумеваю.

Что за хамство?

— Присяду? — с усмешкой указываю на выдвинутый стул.

— Секунду, — говорит по-английски в ноутбук и поднимается с места.

Замечаю наушник у него в ухе.

Это демонстрация? Его Высочество слишком занят для встречи с простыми смертными?

Злюсь. Чувствую, как ярость течет по венам и захлестывает сознание. Шершневу же, не глядя на меня, отодвигает стул и жестом приглашает присесть. Только я не двигаюсь с места.

— Пожалуй, нашу встречу лучше перенести, — поджимаю губы и поправляю на плече сумку. — У меня мало времени.

— У меня тоже, — устало смотрит, и я врастаю в пол. — Сядь, Лен.

— У тебя переговоры...

— В которых ты заинтересована в первую очередь, — осекает на полуслове и цедит сквозь зубы: — Сядь на место. По-жа-луй-ста.

— У тебя минута, — тряхнув головой, падаю на предложенный стул.

Игнорируя меня, он возвращается на место. Наблюдаю за ним, почти не вслушиваясь в суть разговора.

Притягательный засранец. Специально ли был тот спектакль, но сейчас Шершневу увлечен по-настоящему. Внешне спокоен, но все равно замечаю, как он барабанит пальцами по столу.

Старая привычка. Он и раньше так делал, когда придумывал мелодию на паре. Или решал сложную задачу.

Настолько увлекаюсь наблюдением, что не замечаю, как Шершневу закрывает ноутбук и отодвигает его в сторону. Прихожу в себя от бархата его голоса.

— Прости, заставил тебя ждать.

Фокусирую на нем взгляд. Шершневу тепло улыбается. Даже как-то... Смущенно, что ли.

У меня глюки. Разве он способен на смущение? Впору самой провалиться под землю. Гнев испаряется, словно его и не было.

— Это были важные переговоры, Лен.

Смотрит прямо на меня, отчего в горле застревает ком. Не понимаю, как реагировать. Слишком быстро мы сменили одну плоскость на другую. Виновата, конечно, наша страстная встреча. Общайся мы подольше, у нас нашлось бы что-то общее.

«Отстань от парня. Пусть строит жизнь с нормальной девушкой».

— Успешные, надеюсь? — отдергиваю руку от его ладони.

Не знаю, куда деть взгляд. Катя права. Это просто ностальгия. Приключение. А то я себя не знаю. Олег здесь абсолютно ни при чем.

Сейчас я уставшая и разбитая. Жду, что в моей жизни появится кто-то красивый и обеспеченный. Потом взмахом руки решит все проблемы, затем куда-нибудь растворится.

— Вполне, — усмешка Шершнева режет слух. — Закажем что-нибудь? Здесь, говорят...

— Олег, — обрываю его, а во рту становится сухо, — я ошиблась. Прости, мне очень неловко перед тобой, но нам не по пути. Ты серьезный человек. Раз позвал по делу, я пришла.

— Обычно я не обсуждаю важные вопросы на голодный желудок, — от ледяного тона волоски на руках приподнимаются. — Но ради тебя сделаю исключение. Пока изучаю меню, прочти документ. Читиво тебя заинтересует.

Смотрю на заострившиеся черты лица Шершнева. Ноль эмоций. Как в замедленной съемке, он кидает папку, и все содержимое валится на стол.

— Что это?

Смотрю невидящим взглядом на небрежно раскинутые бумаги.

— Документы на лечения твоего отца от израильской клиники.

Внутри все сжимается. Шершневу пожирает меня взглядом. Колючие изумруды царапают шею и раздирают горло. Изменения в нем столь очевидны, что даже пугают.

Почему-то только сейчас понимаю, что все остальное было ложью. Кажется, наша встреча в клубе не такая уж и случайная.

Перед глазами все плывет. Сумма на бумаге настолько огромная, что не влезет ни в чей банковский счет.

— У нас нет таких денег. Как?

Он издевательски смеется. Вытрясает всю стойкость. Понимаю, почему администратор убежал, словно испуганный зверек. Кожа покрывается ледяной коркой.

— Конечно, нет, — грубые пальцы по-хозяйски сжимают мой подбородок. Не могу пошевелиться.

Шершневу перегибается через стол и шипит в лицо:

— Я оплатил лечение. Считай это договором купли-продажи.

В ушах нарастает гул.

— Чего?

— Кого, — усмехается, отчего в груди холодеет. — Тебя.

— Руку, — дергаюсь, словно змея, — убери.

Губы кривятся в усмешке, а в глазах сияет победоносный блеск. Думает, что обставил меня. По довольному выражению лица все видно. Он даже не пытается его скрыть. Но пальцы все-таки оставляют в покое подбородок.

— Не вижу счастья, драгоценная моя. Разве не об этом ты всегда мечтала? Пришел мужик, богатый и красивый и говорит: «Я все решу». Где объятия и слезы облегчения? Твой папенька практически спасен, принцесса.

— Заткнись, — скриплю зубами. — Боже, Шершневу, какая пошлятина.

Рот наполняется кислотой. Жажду ее выплюнуть и воспользоваться ополаскивателем. Противно даже отвечать. Любое мое слово вызывает усиленное выделение слюны у лощеного гада.

— О, прости, милая, — разводит руками. — Совсем забыл, что есть пошлятина. Только уточни, а секс в туалете клуба в эту категорию входит или нет?

— Входит. Но на большее ты не годишься. Но у тебя же другие планы?

Шершневу удивленно приподнимает бровь. Едва сдерживаюсь, чтобы не подобрать со стола бумаги и не отхлестать ими самодовольную рожу.

ОН воспринимает за поражение, потому что дальше выдает:

— Где гневная тирада из разряда: «Кем ты себя возомнил»?

Подбираю со стола салфетку. Адский зуд охватывает тело.

Как я приняла его за нормального парня? Он же конченный псих.

Игнорируя косметику на лице, тру места, где кожа соприкасалась с его пальцами. Еще не хватало подцепить какую-нибудь дрянью.

— Ее не будет, — откидываю в сторону бумажный клочок. — Выслушаю твое предложение до конца.

— Заинтриговал? — шурится, затем косится в развернутое меню.

— Пытаюсь понять мотив. Зачем все это? — сцепив пальцы в замок, наклоняюсь. — Прости, но в спектакль про внезапно проснувшуюся любовь не верю ни на грамм.

Кивает, затем перелистывает страницу. Словно уже отыграл свою партию и вытащил главный козырь. Но я знаю, что это не так. Вижу по тому, как он безотрывно смотрит на глянцевые страницы.

Пазлы в голове нашли друг друга и послушно складываются в картинку. Осталось мелкие детали.

— Правильно делаешь. Ты у меня умная девочка, — скалится, отчего к горлу подступает тошнота. — С чего бы начать?

Недовольно морщит нос.

— Шершневу, ты решай быстрее. Потом сверни в трубочку бумаги и засунь в одно место. Единственная причина, почему я здесь — банальный интерес. Ничего больше.

— Здоровье папеньки тебя уже не волнует? — приподнимает голову и хлопает ресницами

Закрываю глаза. Удар достиг цели.

Боже, почему я такая дура? Поверила в сказку о принце. Переживала, что вновь причину ему боль.

Шершневу изменился. Пора воспринимать его новую личность и не оглядываться на прошлое.

— Тогда тебе будет интересно, как обстоят дела в его бывшей компании.

Будь передо мной кто-то другой, я бы подскочила с места и трясла проклятого подлецца за грудки. Потому что компания отцу дороже жизни. Он вложил в нее все.

Сдерживаюсь с огромным трудом. Не понимаю, зачем Шершневу нарываться на скандал, но я не поддаюсь на провокацию. Только до боли сжимаю кулаки.

У меня дергается веко.

Шершневу, оторвавшись от меня, внимательно смотрит на меня. Вновь происходит метаморфоза. Я не успеваю за сменой его эмоций. Тень усталости падает на лицо Олега, но через секунду исчезает.

— Лен, пятьдесят пять процентов акций теперь у меня. Твой отец продал мне половину из своего пакета. Тридцать достанутся тебе в ближайшее время.

— Он бы никогда... Шершневу смахивает со лба налипшие волосы.

— Он уже это сделал. Его дела хуже некуда. Поэтому он обеспечивает будущее тебе и компании. С первым я пообещал помочь, если по второму вопросу Семен Вениаминович доверится мне. Все так и вышло. Но теперь я, как абсолютно новый человек в управлении, рискую напороться на левые теневые схемы. С которыми, если честно, нет времени возиться. А тебя все знают. План таков: выйти с тобой под руку и объявить, что акции — подарок тестя на нашу свадьбу.

— Уволь всех, в чем проблема? Посади своих людей. Не верю, что тебя беспокоят чужие судьбы. Остальные акционеры тебе больше не указ.

— Дура, — бормочет Олег куда-то в сторону, и я вспыхиваю от ярости. — Пока я устрою свои порядки, конкуренты отождрут львиную долю рынка. Нет, ты права. Я все верну, но это деньги. Большие, драгоценная моя. И планы на них есть не только у меня.

— Оу, так у тебя будут большие проблемы, — расплываюсь в улыбке и, скрипнув стулом, поднимаюсь с места. — Все ясно, Шершневу. Нашелся кто-то позубастее тебя в океане? Боишься, что откусит хвостик, пока ты наматываешь круги?

Он пожимает плечами, отбрасывает меня и разваливается на стуле.

Меня задевает его спокойствие. Если рассказ — правда, то ему лучше не расслабляться.

Вариантов всего два: или он врет, или уверен, что у него все под контролем.

— Твой отец умрет, Лен. Вам никто не поможет, кроме меня.

— Покупаешь меня в услужение? — хватаюсь за спинку стула и давлюсь смехом. — Это ты называешь помощью? Шершневу внезапно вскакивает с места и срывается. Его аромат бьет по рецепторам, когда он оказывается вплотную ко мне. Голова идет кругом, ноги не держат. Почти благодарна, что его рука сжимает мою.

— Прочисти свои прелестные ушки! Я предлагаю безбедную жизнь, долю в процветающей компании и шанс на спасение отца. А взамен прошу счастливое лицо для сотрудников, прессы и родителей. Еще парочку наследников.

— Засунь себе в жопу это предложение! — выплевываю ему в лицо и разворачиваюсь на каблучках.

Аромат жженой сосны ударяет в ноздри и парализует рецепторы. Не понимаю, зачем втягиваю пьянящий запах. Сжимаю пальцы на сумочке, усердно моргаю.

Олег близко. Теплый воздух скользит по волосам. Чувствую, как жадно он втягивает носом воздух. Рваное дыхание сбивает с толку, поэтому до меня не сразу доходит смысл сказанного:

— Ты привыкла к красивой жизни, Лена. Но все закончилось, — летит в затылок.

Жесткие губы цепляют волосы. Горячие ладони прожигают пиджак на плечах. Сейчас упаду. Просто не выдержу адского пламени, в котором меня сжигает Шершнев. Со стороны мы выйдем, как страстная парочка. Только в реальности я — кролик перед удавом. Его слова бьют между лопаток сильнее ножа.

— Не торопись с ответом, — ладони опускаются ниже. Сумочка летит на плитку, царапает стразами пол.

Шершнев цепляет костяшки моих пальцев, разворачивает меня к себе. Вжимает в твердое тело. Все резервы уходят на то, чтобы не раствориться в его мощи.

Бесит! Ярость придает сил. Дергаю руку, но освободиться не получается. От каменной хватки больно. Отступаю в попытке увеличить расстояние между нами. Удивлена, что еще на ногах.

— Время есть. Операция через полторы недели. Подумай, — изумруды блестят. — Твой отец больше не имеет веса в компании. Контрольный пакет акций у меня. Судьба семьи зависит от тебя.

— Я уже дала ответ.

— А я его не принял.

Шершнев внезапно наклоняется и тянет мою ладонь к себе. Глядя в глаза, мерзкий гад проходится губами по костяшкам, затем вжимается в жестком поцелуе. Прикосновение настолько интимное, что меня бросает в жар. Он даже не намекает, а откровенно показывает: я — его территория.

Выпрямляется и наклоняется к моему уху.

— Ты не эгоистка, любимая. Я знаю тебя. Придешь ко мне сама.

— Шантаж и угрозы называется «сама»?

— Это деловое предложение, малыш. Не драматизируй.

— Какой же ты козел, — шиплю я и, освободившись, нервно провожу рукой по волосам. — Счастливо оставаться.

Его запах преследует меня. В такси нечем дышать. Жалею, что дала слабинку и не поехала на общественном транспорте. Денег и так нет.

Постоянно оборачиваюсь. Несусветная глупость, но мне повсюду мерещится его взгляд. Колкий и жесткий. Парализующий. Шершнев, словно огромная змея, ждет своего часа. Весь подобрался, чтобы вонзить ядовитые клыки в жертву. Слышу его шипение. Оно у меня в ушах.

Врываюсь домой и запираюсь на все замки. Несколько раз дергаю ручку. Наворачиваю круги, подхожу к двери снова и снова. Чувство безопасности, кажется, покинуло меня. Не помогают ни запертые двери, ни окна. Личное пространство безнадежно нарушено.

Кидает то в жар от воспоминаний, то в холод от равнодушных слов.

Никто и никогда не вызывал во мне столько противоречивых эмоций, сколько Олег Шершнева.

Он же не дьявол! Человек из плоти и крови.

Становится легче. Только сейчас понимаю, что все время невидимая рука сжимала горло. Тру шею, разгоняю кровь. В голове проясняется, и сразу просыпается аппетит.

Плетусь на кухню. В холодильнике точно осталось съедобное.

Лучше не демонизировать Шершнева. Так и до психушки недалеко.

Внутренний голос настойчиво подсказывает, что с ним что-то не так. Он явно недоговаривает. Понять бы, что именно.

В ближайшее время поговорю с отцом наедине. Если кто и скажет мне правду, то только он. Папа никогда не умел врать, и вряд ли этому научился за время болезни.

При мыслях о папе сжимается сердце. Лист салата больше не вызывает аппетит. Лениво гоняю по тарелке половинку черри.

«Вам никто не поможет, кроме меня».

Куча людей живет без любви. У многих ситуации похуже. Богатый и красивый парень предлагает решить все проблемы. Что еще нужно? Да и Шершнева постоянно работает. На разговоры у него нет времени, значит, дома появляется редко.

Вдруг оно не страшно?

Поджимаю губы и задумчиво смотрю на телефон.

А как же любовь? Мои родители поженились по любви, вместе прошли огонь и воду. В этом весь смысл. Расти и развиваться вдвоем, поддерживать друг друга. Семья — это тихие и уютные вечера у камина. Хочется такого же счастья. Я с детства представляла себе идеальные отношения на примере родителей, а здесь... С кем сидеть у камина в холодном террариуме Шершнева?

Неужели я всерьез рассматриваю его предложение?

Уже поздно, поэтому в голову лезет всякий бред. Нужно отвлечься. К этой мысли я прихожу в час ночи, когда все попытки уснуть заканчиваются провалом.

Написать Паше?

Палец висит над диалогом двухдневной давности. Тогда он отправил свое дежурное: «Перезвоню позже». Наши недоотношения уже надоели. Постоянные эмоциональные качели и, как следствие, никакой четкости.

Вот и сейчас. Мы расстались, но я знаю, что Паша напишет снова.

Только мне совсем не хочется с ним общаться. Звонить Кате тоже. Я не готова к новому разговору с подружкой.

Уведомление отдается в руке легкой вибрацией. Похоже, кто-то прочел мои мысли. От имени отправителя становится не по себе.

«Я у твоего дома».

Закатив глаза, падаю со стоном на подушку. Он меня преследует?

Ничего не отвечаю. На дворе ночь, а на сумку мне плевать.

«Горящий свет — способ избавиться от кошмаров?»

От сообщения Шершнева просыпается притихший гнев и выжигает панику. Поджав губы, печатаю одно слово:

«Уезжай».

Новое сообщение не заставляет ждать.

«Ты забыла сумочку».

«Оставь себе».

Ответ улетает мгновенно.

Сижу и смотрю на скачущий карандашик в заголовке чата. Шершневу пишет долго.

Минуты две, может, дольше.

Готовлюсь к чтению поэмы, но его сообщение оказывается гораздо короче:

«Спокойной ночи».

Приподняв брови, отбрасываю телефон в сторону.

Что ты писал, Шершневу?

Сегодня хороший день. Такой теплый, бархатный и золотой — настоящее бабье лето. После бесконечных ливней появляется яркое солнышко, и весь мир ненадолго оживает перед зимней спячкой. Даже папа. Его отпустили гулять. Он давно не передвигается самостоятельно, но на коляске, увитый трубками, все равно выглядит здоровее на фоне пожелтевших листьев.

— Хорошо так, — папа прикрывает глаза и глубоко вздыхает. — Какой запах.

В груди щемит. Это всего лишь иллюзия. На лице отца красуется кислородная маска, поэтому он не слышит запахов.

— Да, — сжимаю его плечо. — Зря мама не пошла с нами.

— У нее много дел, — успокаивающе похлопывает по руке. — И мне показалось, что ты хочешь поговорить наедине.

Улыбка растягивает губы. Папа все также проницателен. Болезнь не лишила его остроты ума и наблюдательности.

— Хочу. Про Олега Шершнева.

Замолкаю. Мне нужна реакция папы. Встаю напротив и впиваюсь взглядом в знакомые черты. Уверена, что Шершнев запугивает его. Или шантажирует чем-то. Всю ночь перебирала хранящиеся дома документы, потом звонила юристам. Но без показаний отца ничего не решить. Сделка оформлена по всем правилам.

Жду испуг или смущение. Даже ледяное безразличие. Но улыбка, которая трогает уголки синих глаз, вводит в ступор.

— Олег, — тянет отец с усмешкой. — Ты уже в курсе.

— Зачем ты продал акции? — сажусь перед ним на корточки. — Пап, я не знаю, какой Шершнев человек, но... Он продолжает улыбаться, и я нервно беру его за руку.

— Олег из тех людей, с кем лучше дружить. Хваткий парень. Я бы не хотел стать его врагом.

— Он тебя шантажировал?

Смех отца поражает. Отодвинув кислородную маску, он шумно втягивает воздух и надевает ее обратно.

— Кто? Олег? Дочь, ты пересмотрела детективов? Поднимаюсь на ноги и скрещивают руки на груди.

— Ты сказал, что не хотел бы стать его врагом. Почему у тебя такое мнение?

— Потому что я видел, как рушатся компании и летят в бездну репутации людей с именами более громкими, чем наше, — серьезно говорит отец, и я напрягаюсь. — Лена, пойми, Олег — друг. Доверяй только ему.

— Раз он друг, то почему не займет денег на операцию?

Слова вылетают раньше, чем до меня доходит их смысл. Отец хмыкает, и внутри рождается невысказанное возмущение.

Что здесь смешного? Друзья же помогают друг другу.

— Олег Шершнев никогда и никому не дает денег в долг, Лена. Это его принцип, и я уважаю его позицию. Он всегда помогает делами. Поверь, такая помощь важнее любых денег.

— Немыслимо, — заламываю руки в порыве эмоций. — Папа, он тебя

загипнотизировал? Клянусь богом, я вызову экспертизу. Проверим твою дееспособность и здравомыслие! Олег...

— Ты забываешься, — от грозной интонации замираю, словно перепуганная мышь.

Гневно вздернутые брови порождают страх. Никогда не видела отца таким взбешенным. Уж точно не по отношению ко мне. Инвалидное кресло, пиканье аппаратов, маска — все тускнеет за мощной аурой, что давит на меня.

— Пап, ты не знаешь его, — опускаю взгляд на ботинки.

— Я болен, но не выжил из ума, Лена. В бизнесе всю жизнь. Строил его в девяностые. Когда страна разваливалась на части. Думаешь, я отдал бы акции компании первому встречному?

— Прости, — поджимаю губы, отворачиваюсь и глотаю обиду. — Но мне непонятно. Зачем? Что предложил Шершневу, раз ты отказался от своего детища?

— Он ничего не предлагал, Лена, — отец тяжело вздыхает, а я замираю и с недоумением смотрю на него. — Это я попросил у него помощь.

— Отобрать компанию? Глаза лезут из орбит. О чем говорит отец? Все напоминает сцену из дурацкого фильма. Он со спокойным видом и я, которая ничего не понимает.

Закрываю лицо ладонями и трясу головой.

— Доченька, родная моя, — голос папы, нежный и вкрадчивый, пробивается сквозь выставленную защиту. — Я бы рассказал тебе больше. Ты бы поняла, что Шершневу можно доверять. Но Олег очень скромн. На все мои условия он выставил только одно — не обсуждать нашу сделку с тобой.

— Зачем выставлять такое условие, папа? Если он весь белый и пушистый, как ты утверждаешь.

Давлюсь воздухом, руки дрожат. Хочется рассказать отцу все подробности: про шантаж операцией и остальное. Но я молчу. Невысказанные обиды оседают тупой болью в легких и мешают кислороду поступать в достаточном количестве.

Не хочу, чтобы папе было больно. Лучше ему не знать, что человек, которому он доверяет, настоящий монстр.

— Добрый день, Семен Вениаминович, — бархатный бас ударяет в спину, и я инстинктивно выпрямляюсь. — Не помешаю?

Шершневу обходит меня и чуть не цепляет плечом. Не будь тропинка такой узкой, я бы решила, что он сделал это специально. Наклоняется к отцу для рукопожатия, затем поворачивается ко мне и приветствует кивком. Отвечаю на автомате. Неожиданная сцена. Никогда не думала, что увижу папу и бывшего парня вместе. Они слишком разные. Для меня.

— Олег, рад тебя видеть, — отец вежливо улыбается. — Уважил старика.

— Семен Вениаминович, какой же вы старик, — Шершневу поворачивается ко мне и окидывает внимательным взглядом. — Встанете на ноги, дадите жару рыбешкам, как я. Отец смеется, затем жадно глотает воздух.

— Твои слова да богу в уши.

Невольно кошусь на часы. Мы гуляем долго, а папа уже отвык от нагрузок. Забываю про Шершневу. Быстро подхожу к коляске, сажусь на корточки и игнорирую возвышающегося надо мной Олега.

Пусть делает все, что хочет. Сейчас важен только папа.

— Пойдем в палату? Олег Константинович там с тобой поговорит.

Отец разочарованно вздыхает.

— Так и норовит запереть меня в четырех стенах, — папа шутливо похлопывает Шершневу по руке.

— При чем здесь это, — закатываю глаза на такое несерьезное поведение. — Тебе противопоказаны большие нагрузки. Потом вообще никто не выпустит, если прогулка плохо скажется на твоей динамике.

Шершневу внимательно смотрит на меня. Чувствую его взор на коже: он скользит и ласкает одновременно. Не выдерживаю и резко оборачиваюсь к нему. Запрокидываю голову. С вызовом смотрю вглубь сверкающих изумрудов. Так, чтобы стало понятно, что его гляделки уже достали. Мы же не в музее. Хочет посмотреть? Есть куча заведений. А так откровенно пялиться на девушек просто неприлично.

— Олег сказал, что я молодым фору дам, — папа трет лоб дрожащей рукой. — Или ты только льстить горазд?

— Ваша дочь права, — Шершневу не отрывает взгляда. — Вы устали, а силы потребуются для обсуждения дел.

Отец вскидывает брови, затем хмурится. Словно не верит тому, что слышит. Обращаюсь вслух. Реакция очень интересная: скользит между сомнением и восхищением. Это напрягает.

— Уже? — в папином голосе звенит сомнение.

— Да, — Шершневу равнодушно жмет плечами и перехватывает ручки коляски. Отец одобрительно кивает.

— Превосходно. Рад, что не ошибся в тебе. На лице Шершневу появляется такое выражение, будто он жует целый лимон. Морщится, поджимает губы, затем недовольно цыкает.

— Рано о чем-то говорить. Хочу обсудить с вами пару моментов. Меня не устроил последний финансовый отчет. И после собрания акционеров я заметил несоответствие в транслируемых цифрах от финансистов и бухгалтерии.

Отец сцепляет пальцы. Он всегда так делает, когда ищет внутри себя равновесие.

А я кошусь на Шершневу.

«Какую игру ты затеял?» — проносится в голове отчаянная мысль.

Уверена, что проблемы нет. Дело в собрании акционеров, которое проводили в срочном порядке, и всех предупредили за день. Потому данные разошлись. Такое бывает. Но отец принимает озвученные слова за серьезную проблему.

— У Галины Петровны все под контролем, — встаю на ноги, скрещиваю руки на груди и смотрю на Шершнева.

«Зачем ты пудришь мозги моему отцу?! Тебе мало, что он в этом кресле?» — яростный крик застревает в глотке, и я сглатываю его с вязкой слюной.

Раздражает. Но главное — Шершнев словно не замечает моего настроения. Слушает внимательно, вдумчиво. После чего прикладывает ладонь к глазам и трет, словно вспоминает что-то.

— Галина Петровна — это...

— Главный бухгалтер, — цежу сквозь зубы.

Немыслимо! Глава компании до сих пор не выучил, как зовут его ключевых сотрудников!

— Грозная дама, — подтверждает мои слова отец. — Знаю ее больше двадцати лет. Но если ты считаешь нужным, Олег...

— Ошибка может быть и на стороне финансов, — Шершнев жмет плечами, а я вспыхиваю от злости. — Лучше провести аудит. Для нашего с вами спокойствия. Вжимаю ногти в ладони.

— Я же сказала, что все под контролем, — рычу.

Совсем не слышит, что ему говорят. Как с ним работать? Понятно, что он где-то сверху. Знаю, что с моей колокольни не все видно. Но у Павла всегда цифра к цифре.

— Акционеры так не считают, и я тоже.

— Это их проблемы.

— Нет, Леночка, — голос Шершнева твердеет. — Это наши проблемы. Наши с тобой в первую очередь, — он с шумом втягивает воздух.

— Тогда почему меня не было на вчерашнем собрании акционеров? Почему ты сообщил обо всем только вечером? — поддаюсь вперед и перехожу в нападение. — Или вы обсуждали, что не касается младшей Соловьевой?

Не понимаю, как ему отдали в руки семейный бизнес. Он же все развалит! Специально! Назло мне уничтожит дело папиной жизни, пока тот видит в нем мессию.

— Лена, ты раскидываешься пустыми обвинениями, — вклинивается отец, но я игнорирую его и разворачиваюсь на каблуках. — Лена!

— Мне нужно в офис, чтобы подготовиться к аудиту. Прошу меня простить.

— Я тебя отвезу.

— Нет, — поворачиваю голову и ехидно улыбаюсь, — меня ждут.

Внезапно то, о чем я утром жалела, становится козырем. Счастлива, что приехала с «правильным» сопровождением. Паша, поправляя черное пальто, вышагивает по больничной тропинке.

— Лена, мы едем? — низкие ноты ласкают слух. — Добрый день, Семен Вениаминович, Олег Константинович.

Отец кривится, а на лице Шершнева застывает такое выражение, что впору доставать телефон и делать селфи на память. Думаю, так выглядит оглушенная рыба. Только оно исчезает за секунду: красивые черты каменеют на глазах, твердая челюсть напрягается.

— Павел Андреевич, какой сюрприз.

Паша подходит ближе и обдает ароматом нового парфюма. Запах непривычный, неприятный. Слишком кричащий. Смотрите, мол, кто здесь самец. Всегда казалось, что таким пользуются неуверенные в себе мужчины. Он словно подтверждает сей факт. Едва касается моей руки и тут же отпускает.

Сдерживаю разочарованный вздох. Рассчитывала на большее, чтобы позлить Шершнева. Чувств в нем ни на грамм, зато инстинкта собственника хоть отбавляй. Но невинного прикосновения хватает, чтобы он негромко цыкнул. Слышу даже скрип его зубов. «Ничего, ничего. Не разоришься на стоматологах. Так тебе и надо, рэкетир».

— Мне пора в палату, — внезапно выдает отец и оглядывается на проходящую мимо медсестру. — Устал я. Извините, коллеги.

— Пап, — обеспокоенно хмурюсь. — Ты в порядке?

— Конечно, дорогая. Просто утомился. Приезжайте с Олегом завтра, закончим наш разговор.

— Давай отвезу. Спыхватившись, срываюсь с места, но отец качает головой.

— Идите. У вас работа. А меня доставят в лучшем виде. Не сомневайся.

К нам спешит медсестра в белом халате. Распрощавшись с отцом, остаемся на своих местах и смотрим ему вслед. Ровно до тех пор, пока Шершнев не открывает рот.

— Не ожидал от вас, Павел Андреевич, — его злая усмешка режет слух. — Отношения с подчиненной.

Атмосфера вокруг нас сгущается, воздух наполняется озоном. Будто перед грозой. Теплое осеннее солнце начинает нещадно палить, отчего тянуть содрать верхнюю одежду и укрыться в тени.

Нервно потираю ключицу и мельком смотрю на Пашу. Он спокоен. Золотистые глаза излучают мистический свет, который совсем не греет. Потому что холодный и искусственный. От него веет тоской, поэтому я сжимаюсь. Вмиг становится неуютно рядом с ним.

— Хотите быть на моем месте? — язвительно интересуется и приобнимает меня за талию. Шершнев жутко смеется, затем разворачивается к нам.

— На каком?

Прирастаю к земле и невольно жмусь к Паше, который, кажется, отступает на шаг. Я не осуждаю, ведь Шершнев сейчас не походит на уравновешенного бизнесмена. Больше на кобру, готовую к прыжку. Пиджак подчеркивает напряженные стальные мышцы. Чуть дернется, и ткань черной рубашки затрещит, а пуговички полетят в разные стороны. Блеск изумрудных глаз безжалостно режет на части: от него не скрыться и не спастись. За разглядыванием упускаю момент, когда Шершнев срывается с места и оказывается напротив Паши.

Мамочка, хочу домой! Одна!

Находится подальше от этой парочки — лучшее решение. Выплески тестостерона вызывают чесотку и паническую атаку.

— Ты, Паша, запомни. Место у тебя есть, пока я не отобрал его. Поэтому не зли меня. Мой кавалер выпрямляется, затем стискивает зубы.

— Как быстро ты почувствовал себя главным.

С трудом обретаю способность двигаться и сразу отступаю в сторону.

— Я и есть — главный. Неплохо бы тебе запомнить, — Шершневу тычет пальцем в грудь

Паши. А тот цепляется за лацканы пиджака своего противника и выкрикивает с заминкой:

— А не пойти ли тебе... Ты кто такой, мать твою?!

— Сейчас объясню, кто, — раздаётся в ответ рычание.

Чётко представляю, что произойдет дальше: Шершневу замахивается, расквашивает Паши нос. Начинается драка, за которой следует немедленное увольнение нашего финансового директора. А потом выходит скандальная статья с отвратительными фотографиями.

Плевать на Шершневу, но репутация компании может пострадать.

Это мой личный тумблер, который щелкает внутри. Я, наконец, обретаю голос:

— Прекратите оба! Мы не на работе, дорогие руководители. Ведете себя, как два барана. Я не позволю вам разрушить отцовское дело из-за каких-то предрассудков!

На плечи давит тишина. Вижу, как раздуваются ноздри Шершневу, и дыхание рвется из мощной груди. Не уверена, что мои слова сработают.

Ненависть, которую вижу в его глазах, пугает.

А Паши не отступает. Цепляется крепче.

Уже неясно, кто ударит первым.

Внезапно Шершневу поднимает руки в примирительном жесте.

— Пиджак отпусти, — ледяным тоном чеканит каждое слово. — Порвешь — не расплатишься.

Паши тяжело дышит, вплотную подходит к Шершневу. А у того выдержка почти на нуле. Скоро вспыхнет.

— Есть что сказать? — усмехается. — Я не привык к такой мужской близости.

— Ну ты и муд...

— Паши! — прерываю его, подпрыгнув на месте. — Тебе работа надоела?

— Плевать, — хрипит и с яростью смотрит на довольного Шершневу. — Никому не позволю так нагло раздевать тебя взглядом.

А этот гад усмехается, после чего наклоняется ближе к покрасневшему Паши.

— Дружок, когда я захочу, то раздену ее. И использую для этого руки, а не глаза, — мерзко смеется. Вспыхиваю от злости.

— Не слушай его. Он специально тебя провоцирует, — цежу сквозь зубы, чувствую, как дрожат пальцы. — Отпусти его, Паши.

Паши медленно убирает руки, затем отступает.

Смотрю в глаза Шершневу, ловлю наглый и надменный взгляд. Больше не сдерживаюсь: подлетаю к нему, и пощечина обжигает ладонь. Он хмурится, после чего подносит руку к стремительно краснеющей щеке.

— Козел, — плюю в лицо злые слова и разворачиваюсь на каблуках.

Картинка смазывается, превращает прекрасные виды золотой осени в грязное размытое пятно. Внутри все горит от обиды, гнева и чего-то еще.

Я не вещь.

Тот надменный взгляд, брошенный Шершневым, оставляет глубокий след. Его ничем не оттереть. А слова отбивают барабаном в ушах. Слышу чьи-то шаги, разворачиваюсь и поднимаю руку для нового удара. Слишком взвинчена, чтобы себя контролировать.

Паши перехватывает запястье и мило улыбается.

Не Шершнеv.

Бесит.

— Поехали, Лен.

— Я сама доберусь, — вырываю руку из хватки. — А ты запишись на курсы по управлению гневом.

— Короче, этот Петя...

Маргоша, закинув ногу на ногу, подается вперед и щурится. Будто сейчас расскажет одну из главных тайн вселенной. Признаю, что ее приключения на любовном фронте и часто бывают очень интересными. Покруче любого турецкого сериала. Только персонажей многовато для моего восприятия.

— Нет, ты представляешь, — вырываю из контекста громко сказанную фразу и округляю глаза, чтобы сымитировать удивление. — Вот как тебе такое, а?

Ее ярко-красный маникюр мелькает передо мной, как и открытое больше положенных офисных норм декольте.

Отхлебнув кофе, заинтересованно киваю, бросаю взгляд в сторону кабинета Паши.

Не вижу его второй день. Только мелком пересекаемся по рабочим вопросам. Встреча в больнице окончательно надломила наши отношения. Но не понимаю его поведения, он ведь вступился за меня.

Почему не ищет встречи?

Закусив губу, опускаю чашку на расписное блюдце. Сама заказывала этот набор к нам в отдел. Мелкие детали всегда отвлекают от напряженной работы.

Что с ними будет, когда Шершнев активизируется?

От мыслей о нем становится неуютно. Передергиваю плечами и поднимаюсь на ноги. Нервно поправляю классическую юбку-карандаш, затем смотрю на часы. Через три минуты совещание в малой переговорке, а Паша все не выходит.

Злость холодной волной возвращается в тело, отчего я невольно сжимаю кулаки. Он специально выбрал самую маленькую комнату для проведения собрания? Столько народа! Мы все там задохнемся, как кильки в банке. Или Шершнев делает это специально, чтобы я ощутила собственную ничтожность рядом с ним.

— Ты меня не слушаешь, — бурчит Маргоша и равнодушно машет рукой. — Ладно, потом расскажу.

— Прости, — давлю улыбку. Но выходит, скорее, кривая ухмылка.

Неужели волнуюсь? Было бы из-за кого. Один никак не определиться чего хочет, а второй не стоит даже упоминания. Но дрожь все равно пробивает тело. Чувствую себя школьницей, которая не выполнила домашнюю работу, и теперь стоит в ожидании приговора от учителя. Странные ощущения. Сплошная неизвестность и какое-то... предвкушение?

— Рита, я на совещание к Шершневу. Для всех умер, хорошо?

Паша показывается из-за двери и, поправив галстук, уверенным шагом идет ко мне. Издаю вздох облегчения, когда его ладонь касается локтя.

— Все хорошо? — наклоняется ближе и задевает дыханием волосы за ухом.

Киваю. Ноги обретают устойчивость. Несмотря на все наши разногласия, рядом с ним чувствую себя увереннее. Чувство сохраняется вплоть до момента, как за минуту до начала совещания вижу Шершнева. Стоит ему зайти в переговорку, и я стыдливо замираю.

Он пересматривает какие-то файлы на ноутбуке. Спина прямая, взгляд безотрывно устремлен в экран. Сравниваю свои внутренние ощущения и понимаю, что сегодня в нем что-то изменилось. Шершнев другой. Сосредоточенный и вовлеченный. С удивлением

отмечаю, что таким он внушает не страх, а интерес. Хочется знать, что сейчас крутится в его голове.

Слишком занят, потому не замечает, что все присутствующие выбрали себе места. Я устраиваюсь на свободном стуле рядом с Дашей, руководителем операционного отдела. Паша прижимается к другому боку, и я ему за это благодарна.

По левую сторону от Шершнева расположилась Галина Петровна. Она, словно коршун, склонилась над ним и пальцем показывает на цифры в таблице. А он вместо того, чтобы ее осечь, напряженно кивает.

Его поведение настолько не сходится с тем Шершневым, которого знаю. Поэтому теряюсь и не сразу понимаю, что совещание уже началось.

— Коллеги, у нас ограничено время. Буду краток. Многие из вас знают, что я — новый владелец компании. Заверять в чем-либо не собираюсь. За все время моего участия в качестве акционера Семен Вениаминович вел себя профессионально и всегда давал стабильный результат. Моей главной задачей является выведение компании на новый уровень. Если у вас есть вопросы, то смело задавайте их. После чего перейдем к повестке, — Шершнев отодвигает ноутбук в сторону и откидывается на спинке кресла. С таким видом, словно происходящее не имеет никакого значения.

Первой подается руководитель HR-службы, Наталья Александровна. Выпрямляюсь и переглядываюсь с Пашей в ожидании шоу. Эта мать всех кадров не даст спокойно наводить свои порядки какому-то там Шершневу.

— Планируются ли сокращения в ближайшее время? HR-службы неплохо бы о подобном предупредить. У нас есть план, поэтому необходимо рассчитать ресурсы...

Натали выпячивает вперед грудь четвертого размера, утянутую рубашкой. Как бы показывала, что никого из своих птенцов она в обиду не даст. Только Шершневу плевать. Он перебивает ее практически сразу:

— Вполне, — Натали краснеет, а из ушей сейчас повалит пар. — Что вы хотите, чтобы я ответил, Наталья? Вы задали глупый вопрос. Я же сказал, что не собираюсь никого успокаивать. Мы не в детском саду. Если все отлично работает, никто не пострадает. А вот если выявятся критичные нарушения, то я не закрою на них глаза.

Вздыхаю. Похоже, нас ждут нелегкие времена.

— Олег Константинович, так нельзя работать. У нас все согласовывается заранее и...

— Наталья, вы меня не слышите, — Шершневу подается вперед, и я понимаю, что невольно прислушиваюсь к его словам. — Всем, кто свою работу выполняет добросовестно и охотно вовлекается в новые задачи, опасаться нечего. За всех остальных, кажется, ваша душа болеть не должна. Здесь работают на бизнес, и вы в том числе.

Удивляюсь, когда Натали кивает и оседает на место.

— Идеалист, — едва слышно шепчет на ухо Паша, пока внимание Шершнева переключается на следующий вопрос. — Его быстро разорвут.

— Мне так не кажется, — прикрываю рот и маскирую слова под кашель. — Что-то в нем есть.

Внезапно рука Паши оказывается на моем колене. Горячая волна проходит по телу, нервно оглядываюсь. Жар приливает к лицу, когда ладонь движется выше и цепляет край юбки.

— Расслабься, — в голосе Паши пробивается хрипотца. — Ничего важного сегодня обсуждать не будут. Только треп его величества.

Сжимаю пальцы на мужском запястье. Торможу на безопасном расстоянии и не знаю, куда деть глаза. Неуютно. Не привыкла мешать рабочее и личное. А Шершневу, словно понимая, что происходит, бросает в нашу сторону испепеляющий взгляд.

— Прекрати, пожалуйста, — шепчу, разжимая цепкие пальцы. — Нас увидят.

— Павел Андреевич, — громом звенит голос Шершнева, и я вздрагиваю. — У финансового директора моей компании вопросов нет?

Вездесущая рука исчезает. Невольно выдыхаю с облегчением.

— Мы все обсудили, — уверенно говорит Паша и разваливается на стуле.

— Да? — Шершневу удивленно приподнимает брови.

Вокруг становится тихо. Галина Петровна смотрит на него слишком победоносно, а я поворачиваюсь к Паше.

— А мне кажется, подозрение в денежных махинациях неплохо бы развеять в присутствии всех наших коллег. Руководителю отдела финансовой аналитики тоже будет интересно. Неправда ли, Елена Семеновна?

От шока чувствую, как челюсть едва не падает на пол. Фигурально. А Шершневу усмехается, глядя, как отчаянно я кошусь то на него, то на Пашу.

Что он сказал?

Вскидываю брови и вытаращиваю глаза.

Паше спокойно поправляет белый воротник. Ни словом, ни жестом не подтверждает обвинения Шершнева. Тот смотрит пристально. Ловит каждое движение, малейшее изменение мимики. Уж не знаю, где потом учился Шершневу, но ответ рассчитывает получить по взгляду.

— На самом деле, Олег Константинович, я всерьез подумал над вашими словами. — Паша складывает перед собой руки и с вызовом смотрит на него. — Потом перепроверил отчеты. Склонен с вами согласиться. Где-то под моим носом работает хитрый умелец. Так что считаю предложение об аудите совершенно обоснованным. Более того, настаиваю, чтобы его провели как можно скорее.

Шершневу замирает. Ярость неуловимой тенью проскальзывает по лицу, искажает красивые черты. После чего губы растягивает довольная ухмылка, а колкий взгляд изумрудов обжигает меня.

«Чему ты радуешься?» — поражаюсь его поведению и с сомнением смотрю на Пашу.

У нас кто-то проводит махинации? Как подобное проскользнуло мимо меня?

В голове носится тревожный кабанчик. Мысленно перебираю все выполненные нами отчеты. Я лично проверяла практически каждый. Неужели что-то упустила? Становится дурно. Шею сжимает страх, в горле встает комок.

— Вот и прекрасно, — внезапно выдает Шершневу и откатывается в сторону. — Верное решение. Продолжим, коллеги...

Весь остаток совещания не нахожу себе места. Как такое произошло? Рисую план. Нужно успеть до аудита поднять отчеты. Посмотреть, что пошло не так.

Вдруг Шершневу ошибается? Почему же я уверена в его правоте?

Ситуацию усугубляет и то, с какой легкостью Паша предположил, что преступник среди его команды. А не на меня ли он намекнул?

Трясу головой. Бред какой-то.

— Елена Семеновна?

От упоминания своего имени подпрыгиваю и возвращаюсь к реальности. Шершневу смотрит в упор, коллеги переглядываются и недоуменно косятся в мою сторону.

— Вы хотите что-то добавить? — подсказывает. — Или не согласны с тем, что мы все обсудили?

— Нет, нет, — трясую головой и сжимаю колени. — Все в порядке, Олег Константинович.

— Тогда все могут идти, — Шершневу разваливается в кресле, и я подпрыгиваю с места. — Кроме вас, Елена Семеновна. Обсудим пару моментов по проведению аудита в вашем отделе.

Страх возвращается и топит по самую макушку. Жду, что в кабинете останется еще кто-нибудь. Задать вопросы или обсудить какие-то проблемы. Но все исчезают так стремительно, что не успеваю глазом моргнуть.

Божечки, неужели это происходит со мной.

— Ничего не хочешь мне сказать? — голос Шершневу пропитан ядерной смесью эмоций, которая превращает меня в дерганого ребенка.

Тяжело вздыхаю. Не съест же он меня?

— Олег, я правда ничего не знаю про махинации, — слова вырываются сами собой.

Шершневу поднимается и стремительной походкой движется в мою сторону. За секунду преодолевает расстояние между нами. Встает рядом, парализует, придавливает своей аурой. Кладет руку на спинку кресла, затем резко разворачивает вместе со мной.

Хватаюсь за подлокотники, чтобы не улететь, и сталкиваюсь со сверкающими изумрудами. Аромат жженой сосны забирается в легкие и будоражит воображение.

Он невероятно близко. Как тогда в туалете. Даже в той же самой рубашке.

— Я тебя не про махинации спрашиваю, Лена, — шипит и склоняется ко мне.

Зеленые глаза превращаются в щелочки, ладонь ложится на подбородок. Сжимает и дергает голову вверх. Цепляет кончиком своего носа мой. Смотрит жадно. Словно желает поглотить собой.

И мне это нравится.

Дергаюсь от внезапного понимания. Вырываюсь, но пальцы сильнее стискивают подбородок. Блокируют любую попытку сопротивления.

— Скажи, Лена. Какого черта этот урод лапает тебя у меня под носом?!

Смех рвется из груди, и я не сдерживаю его. Плевать. Пусть Шершнев видит все, что вызывает во мне. Презрительно приподнимаю бровь и подаюсь вперед. Так близко, что дыхание смешивается.

— Неужели так сильно ревнуешь, что тебе плевать на собственную компанию? — вожу губами в миллиметре от его рта. — Да ты просто жалок, Шершнев.

Его зрачки расширяются. Чернота заливает изумрудную радужку. Резкое движение, и пальцы с подбородка уже лежат на моей шее. Сдавливают ее, поэтому готовлюсь к медленной и мучительной смерти. Но неожиданно понимаю, что по-прежнему дышу. Только чувствую пульс, который бешено бьется о его горячую кожу.

Шершнев, словно раскаленная лава, окутывает с головой и не дает времени скрыться. Поглощает все вокруг.

— Говори что угодно, любимая, — теперь его губы цепляют мои, и я судорожно вздыхаю. — Но компания, этот грёбаный кабинет, твой урод Павлик и даже ты — все принадлежит мне.

Кончик языка появляется между белоснежных зубов, затем стыдливо исчезает. Ловлю себя на мысли, что внимательно слежу за ним. Ярость с возбуждением обжигают вены. Стискиваю зубы.

Это все неправильно. Нужно уйти. Сейчас же. Быть где угодно, только не с ним.

— Пошел ты, Шершнев! Ты и мизинца моего не стоишь, — шиплю ему в лицо.

Упираюсь ладонями в стальную грудь и замираю на секунду от стука его сердца. Этот звук набатом отдается в ушах. Кажется, что сейчас оно прорвет ткань. Выскочит наружу и зальет здесь все кипящей кровью.

Глаза удивленно распахиваются, когда Шершнев дергает меня на себя сильнее.

— Сука, — рычит зло.

Жесткие пальцы оставляют в покое шею, затем зарываются в волосы. Тянут на себя до болезненного стога. Не успеваю закричать. Жалящий поцелуй сминает губы, а грубый язык проникает в рот.

Он похож на искры фейерверка. Беспощадные, яркие, высекающие пламя одним махом.

Не соображая, что происходит, вовлекаюсь в безумный танец.

Наш поцелуй похож больше на борьбу. Едва перехватываю инициативу, как Олег недовольно мычит и возвращает ее. Сейчас он — ураган. Ему плевать на чужое мнение. И я исчезаю под его стихийным напором. Не замечаю, как прижимаюсь крепче. Обхватываю руками твердые плечи, толкаюсь грудью в его жесткое тело.

Он слишком далеко. Хочу ближе, чтобы чувствовать его всего.

Все происходящее — ужасно неправильно. Но я не в силах это прекратить.

Наши поцелуи, словно наркотик. С каждым разом становится все сложнее оторваться от властных губ. Воздух разлетается на мелкие частицы, отчаянно собираю его носом, чтобы не задохнуться.

Хочу его.

Он неожиданно отстраняется, и я инстинктивно подаюсь вперед. Разочарованный стон вырывается из груди, пока я отчаянно смагиваю наваждение.

— Ненавижу тебя, — цежу с трудом и охаю.

Рывок. Я на столе. Ему хватает мгновения, чтобы переместить меня сюда. Раздается какой-то грохот. Похоже, что несчастное кресло все-таки перевернулось.

— Черт с ним, — словно читает мои мысли Олег.

Хрипотца в голосе доводит до восторженного сжатия сердца. От желания, что плещется в изумрудном взоре, внутри все переворачивается. Сама тянусь к нему и довольно стону, когда он вновь целует меня.

Слишком мало. Хочется больше.

Хватаю край рубашки, вытаскиваю из-под ремня и забираюсь под нее ладонями, чувствую рельефные мышцы.

Вскрикиваю, когда его рука лезет под юбку. Резко, не давая шанса на отступление. Одним движением Олег сдирает колготки до колен вместе с нижним бельем. Уверена, что слышу треск, но мне плевать.

Прикосновения, жесткие, но в то же время нежные, заставляют прогнуться в пояснице. Ловлю ртом воздух, сжимаю ногтями плечи в плотной рубашке. Хочу, чтобы на нем тоже остались отметины. Такие же, как те, что появляются внутри меня.

Его язык касается мочки уха, зубы скользят по нежной коже. Опускаются ниже, к ключицам. Треск пуговиц, после чего вздымающаяся грудь полностью занимает все внимание Олега.

— Ты моя, — выдыхает, и с моим визгом растягивает меня на столе.

От ласк вибрирует тело, кружится голова. Они порочные и дикие, как бы намекают, что я теперь в их власти. Сладкие и болезненные спазмы сжимают внутренности.

Здесь возможен только один конец. Мы оба должны получить то, чего желаем.

На краешке угасающего сознания в судорогах бьется мысль, что нам лучше остановиться. Офис, переговорка. В любой момент сюда может кто-нибудь войти. И от осознания подступающей опасности ощущения становятся слаще.

Наслаждение горячими волнами спускается книзу. Где моим телом сейчас правит Олег.

Новый рывок. Лежу на животе с задранной до талии юбкой. Гладкая ткань брюк встречается с оголенными бедрами. Закусываю губу, рву до крови податливую и незащищенную плоть.

Он тоже хочет.

Сносит башню, все преграды устранены. Первый спазм сводит мышцы до щемящей боли, затем до ласковой щекотки под ребрами.

Не-ве-ро-я-тно. Все так банально и просто?

Распахиваю глаза и оглядываюсь.

Взываю к голосу разума. Олег Шершнеф, которого я терпеть не могу всеми фибрами души, доводит меня до финальной точки своими волшебными пальцами. Бессовестно погружает в пучину безумия. Я скоро воспламенюсь в его руках. Утону в океане восторга, где тону последние несколько минут.

— Шершнеф, — ерзаю, пытаюсь выбраться. — Олег!

Его ладонь давит на поясницу, вжимает в лакированную поверхность. Горячее дыхание скользит по уху.

— Нет, Лена, — низкий бас бьет точно в цель, тело скручивает новый спазм. — Никуда ты не пойдешь.

Крепкие зубы впиваются в тонкую кожу над пульсирующей жилкой. Вскрикиваю, полностью теряю контроль. Всхлипы вперемишку с протяжными стонами бессвязно

вырываются изо рта, комната перед глазами плывет и меркнет. А потом вспышкой приходит осознание произошедшего.

Меня довел до оргазма мой злейший враг.

Звук расстегивающейся ширинки быстро приводит в чувство. Переворачиваюсь и, вскочив на ноги, судорожно натягиваю колготки.

— Козел! — выкрикиваю, наспех расправляя юбку. — Какой же ты козел, Шершнев.

Перед затуманенным взглядом все качается. Замечаю шок на лице Олега.

Или мне показалось?

Потому что сейчас его глаза разъяренно сверкают, словно два драгоценных камня.

Предупреждающе выставляю руку и ору, точно ненормальная:

— Не подходи ко мне!

— Лена, — Олег делает шаг вперед.

Недолго думая, замахиваюсь. Звон пощечины разлетается по душевной переговорке.

— Никогда, — цежу сквозь зубы. — До конца недели я в отпуске! За свой счет!

Счастливо оставаться! — выкрикиваю последние фразы на бегу и уношу оттуда подкашивающиеся ноги.

Неделю спустя

— Все хорошо, милая, — отец кашляет и сжимает мою руку. — Поправлюсь, куда денусь?

Киваю. Разве можно иначе?

Но ни капли себе не верю. Слишком давно он лежит здесь, весь обвитый бесконечными трубками. Теперь каждый вдох папы контролируют аппараты.

— Ты обещал погулять на моей свадьбе. Помнишь?

— И станцевать танец отца и дочери. Конечно, милая, — морщинистая рука дрожит.

У папы кончаются силы. А у меня в груди сжимается болезненный комок.

Белые стены палаты давят похлеще узкой кабины лифта. Клаустрофобия, которая началась с одного имени. Олег Шершнев.

Мой личный кошмар из прошлого.

И, похоже, последний шанс на спасение родного человека.

Неужели так бывает? Трясу головой.

Мы в двадцать первом веке. Способов получить деньги гораздо больше, чем один.

Мама кладет ладонь на плечи. Из нас всех она держится лучше всего. Иногда кажется, что у нее совсем атрофировались чувства.

Ничего удивительного. Я бы на ее месте давно сошла с ума.

— Пойдем, дорогая, — золотой перстень проносится перед глазами. Единственное украшение, оставшееся у мамы после оплат по счетам. — Папе нужно отдохнуть.

Как она все это тянет? Особенно сейчас?

Болезнь отца прогрессирует давно. Рак играет с нами в догонялки: то исчезает ненадолго, то вновь появляется и нападает с утроенной силой.

Когда-то я думала, что удачно выйду замуж и избавлю отца от напасти. Потому что карьерные успехи мне никогда не светили. Но что-то пошло не так, идеальный план рухнул.

Точнее, я даже не приступила к его исполнению.

Выходим в коридор. Мама осторожно прикрывает дверь и опускается на кушетку. Тяжелый вздох жестко контрастирует с брючным костюмом цвета стали. От него веет уверенностью, силой. А их у нее больше нет.

— Я продала дом, — внезапно говорит, смахнув со лба светлую прядь. — Заложила. Но мы же понимаем, что нам нечем отдавать долг банку?

— Да, — сглатываю, после чего кошусь на дверь палаты.

За ней прячется гробовая тишина. Знаю, что отец нас не слышит. Но почти уверена, что все понимает. В нашей семье невозможно иначе. Мы все на одной волне.

— А Лазарев? — спрашиваю без всякой надежды.

Мама качает головой.

— Александр Самуилович одолжил нам столько денег, что мы вовек не рассчитаемся. Правда, он и назад ничего не потребовал.

И я за это ему безумно благодарна.

— Фонды?

— Ребята направили собранную сумму, — мама грустно улыбается, отчего щемит в сердце. — Как ты понимаешь, там жалкие крохи.

— Но они же собирают еще?

— Конечно, — кивает и поправляет волосы, — но время поджидает.

Болезненно жмурюсь. Как так вышло? Несколько недель назад у нас все было под контролем, а сегодня катится к чертям?

Почему жизнь несправедлива именно к нам?

Никто из моих знакомых, кроме Женьки, не в курсе отцовских проблем. А он в курсе, потому что его отец — Александр Самуилович.

С Лазаревым-младшим не горю желанием общаться. Последнее время он ведет себя странно. После того как выплыли наружу его измены Кате, моей лучшей подруге, наши приятельские отношения совсем разладились. Для нее их расставание стало болезненным ударом. И я полностью на ее стороне.

Только поговорить мне не с кем. Всем не до чужих проблем. Остальные же...

Мама не хочет, чтобы люди знали. Ее беспокоит престиж семьи, который пошатнется. Все то, над чем они с отцом долго работали.

Она запрещает мне продавать одежду. Но я нарушила общение и выставила на торги некоторые брендовые вещи, после чего сдала в ломбард украшения. Однако ситуацию оно не исправило. Все копейки ушли на оплату бесчисленных долгов.

— Дорогая, если есть варианты... — смотрит с мольбой.

Дыхание перехватывает. Мама в курсе, о чем или, точнее, о ком я думаю. Потому что знает про Олега.

Оно и понятно. Вчера я видела, как Шершневу отъезжал от нашего дома. Даже не поговорил со мной.

А ведь мог. После того, что было.

Мать молчала, словно воды в рот набрала.

Только по выражению лица ясно, что решение, каким бы оно ни было, дается ей очень сложно.

Как и мне.

Ком душит, горло распирает. От едкой горечи печет глаза.

Она предлагает пойти на сделку? Ее зрачки лихорадочно блестят.

— Послушай, тот мальчик...

— Олег не мальчик, мама! — вскрикиваю и яростно тру глаза, наплевав на макияж. — Совсем не мальчик. Взрослый и опасный мужчина, который считает, что может купить целый мир.

— Думаю, ты слишком строга к нему, — прокашливается, чтобы вернуть себе выражение невозмутимости.

Прячет под привычной плотным коконом панику.

Понимаю. Сейчас от нее требуется вся выдержка. Твердость. Но я тоже человек. Неужели заслужила такое? Шершневу... Одному богу известно, чем занимается! Разве в его возрасте реально достичь таких высот? Очень сомневаюсь. Шершневу купил компанию отца и даже глазом не моргнул. А ведь он старше меня всего на год, а по отношению к жизни на все пятьдесят лет. Между нами пропасть похлеще Большого каньона в Америке. Только мама ничего не замечает. Да и я не поняла, когда мы встретились впервые после выпуска.

Как дура попала на его крючок.

Признаю, он умело очаровывал. Такой красивый, статный, успешный. С легкостью вскружил голову, чтобы позже положить ее на гильотину.

Ноги сводит от воспоминаний нашей близости в переговорке.

Я все еще чувствую его горячие прикосновения.

— Мам, ты не понимаешь. Олег...

— Что «Олег»? — знакомый бас ударяет по нервным клеткам и сбивает с языка всю фразу.

Захожусь кашлем, когда слова обжигают горло. В чертовом коридоре становится слишком тесно. С каждым долбящим шагом чувствую, как стены сдвигаются сильнее. Они забирают из помещения последний кислород.

Не поворачиваюсь к нему.

Но волоски предательски приподнимаются, когда кожа ощущает обжигающую ауру за спиной. Лопатки сводит судорогой, и меня буквально пригвождает к месту. Ледяной пот струится вдоль поясницы наперегонки с мурашками. Тело бросает в разные состояния за долю секунды. Хочу исчезнуть. Сжаться до мизерной точки, чтобы он не заметил и прошел мимо.

И одновременно хочу, чтобы он просто не двигался.

Неужели мама ничего не замечает?

Похоже, что нет.

Приветливо улыбается и протягивает ладонь. Но вместо ответного рукопожатия пальцы Олега пересчитывают мои позвонки.

— Олег, мы так рады вас видеть, — мама излучает чрезмерный позитив. Аж тошно.

— Не старайтесь, — чертова конечность Олега оказывается на моем плече. — Все рады меня видеть из-за денег.

Мама замирает и недоуменно косится в мою сторону.

— Ираида Васильевна, будьте добры, оставьте нас. Подождите в машине, она стоит у входа.

Открывает рот, но сразу закрывает. Интонация Шершнева намекает, что здесь ни у кого нет права голоса, кроме него. Словно загипнотизированная, мама разворачивается и семенит к выходу. Тем самым оставляет меня наедине с чудовищем.

Разочарованно вздыхаю, представляю его взгляд. Два колючих изумруда, которые впиваются в кожу до фантомной боли.

Недолго ты прятался за маской обаятельного парня, Олег Шершнев.

— Правда, Леночка? — сводящий с ума шёпот ядовитой змейкой забирается в ухо. — Тебе же нужны деньги?

Глава 18

Разворачиваюсь на каблуках и утыкаюсь взглядом в натянутую на груди черную рубашку. На плечах сверкают серебром капли дождя. Как и на брюках. Образ такой подобрал. Весь из себя опасность, посмотри на него.

На улице холод, а ему хоть бы что.

И это не странно. Кажется, что внутри он сплошной камень. Разве за твердой породой живут чувства?

— Нужны, — киваю.

Собираю руки за спиной. Сцепляю пальцы в замок, чтобы найти опору. Внутри — мечется в стороны ураган. Хочется встать на носочки и плюнуть в самодовольную рожу.

А она именно такая. словно слепленный скульптором, Олег сплошное анатомическое пособие, которое давит уверенностью.

Острый, как края изумрудов, взгляд впивается в меня с невероятной силой. Чувствую их прикосновения к коже, как будто он трогает меня пальцами. Какая же я дура, когда в первую встречу решила, что это влюбленность.

О нет.

Олегу далеко до каких-то там низменных эмоций. В его мире теперь правят деньги. А те, у кого они есть, реализовывают свои желания.

Там, где его величеству угодно. Хоть в переговорке.

Не на ту попал.

Из головы выветриваются все мысли. Не хочу ему поддаваться. Только...

Найду ли я способ достать деньги?

Со временем — да. Но сейчас...

Слова матери вновь всплывают в голове.

— Давай пообедаем, — внезапно бросает взгляд на часы стоимостью с весь мой гардероб. — Здесь недалеко есть приличный ресторан.

Проводит пятерней по волосам. Невинный жест. Для кого-то и вовсе символ неуверенности. Такой горящий знак, сообщающий о слабости противника. Только не его.

Иногда банан — просто банан. В случае с волосами пример работает так же.

Олег слишком идеален по сравнению со мной.

Гнев искрится на кончиках пальцев. Тянет вцепиться ему в шею и выбить самодовольство с лица.

Что он о себе возомнил?

Только Шершневу плевать на мое негодование. Строит истукана, сам смотрит в глаза.

Меня ударяет волной безразличия. Вот как, Шершнев? Хочешь успеть все и сразу? И поест, и потешить больные фантазии?

Не выйдет.

Трясу головой, расправляю по плечам волосы.

— Поговорить о деньгах можно и здесь, — скрещиваю руки на груди.

Поджимает губы. Превращает их в тонкую полоску, в глазах плещется злость. Королю мира не нравится, когда с ним спорят.

Плевать с высокой колокольни.

— Ты ела?

Он меня не слушает. Ну да. Кто я такая, чтобы считаться с моими желаниями?

Он всегда получает то, что хочет.

И то, что между нами было, бесит еще больше.

— Тебя не касается.

— Лена, ты испытываешь терпение, — цедит сквозь сжатые зубы.

Теперь они идеально ровные. В институте, помнится, выступали передние клыки. Брекетты? Виниры? Все вместе?

Неважно.

Сотворил себе голливудскую улыбку. Судя по идеальному телу, от которого кружится голова, подружился со спортзалом и пластическим хирургом.

Овец цепляй на внешность, Шершневу.

Для меня надо поработать мозгами.

Бессовестное подсознание язвительно хмыкает и подбрасывает сцену из переговоров. Вздрагиваю, мотаю головой, чтобы прогнать чертово наваждение.

«Ты моя».

— Разве мой ответ имеет значение?

Олег сжимает челюсти, отчего на лице напрягаются мышцы. Чувствую его ярость так же, как свою. Она клочками вызывается, словно лава из жерла вулкана, и наполняет коридор красным дымом. Кто-то чиркнет спичкой, и все взорвется.

— Ты права, — плюет ядом и хватает за руку. Тянет к выходу. Вжимаюсь шпильками в плитку, но это не помогает. Просто еду на скользкой подошве ботфорт следом за ним.

— Я в состоянии идти сама! — выдираю рукав с такой силой, что, кажется, кусок ткани останется в его ладони.

Отпускает резко, и я заваливаюсь назад. Хватаю руками воздух в попытке поймать равновесие, но ничего не помогает. С криком заваливаюсь на спину в ожидании твердой посадки. Но этого не происходит.

Олег оказывается рядом в мгновение ока. Не успеваю испугаться, как его руки обхватывают талию и прижимают меня к себе. Вишу вниз головой, недоуменно вглядываюсь в сияющие изумруды.

— Пусти меня! — рявкаю, едва ноги обретаю почву.

— Ты упадешь, — усмехается и тянет на себя, заставляя выпрямиться. — Какая же упрямая.

— Сам такой.

На наши выкрики отвлекается медицинский персонал. Медсестры, что до момента сверлили Олега взглядом, оживают. Стягиваются к месту событий.

Наивные дуры. Даже не представляют, кто перед ними.

Тем не менее сила его очарования влияет и на меня. Такая мощная, всепоглощающая. Она давит и подчиняет себе. Олег весь соткан из сплошного обмана. Искусственное тело, голос, зубы. Даже карьера. Ловушка для девушек, вроде этих медсестер.

Меня тоже, что скрывать. Только мои глаза открылись гораздо раньше.

Отталкиваю его. Пытаюсь не думать об аромате жженой сосновой коры, скользящем по рецепторам. С примесью добротного коньяка. Понятия не имею, где он нашел подобный парфюм, но мысленно аплодирую.

Браво, Шершневу. Ты нашел способ обыграть судьбу.

— Не трогай меня без согласия.

Выразительно приподнимаю брови.

Да, Шершневу, у меня нет амнезии.

Поправляю задрывшуюся юбку, одергиваю полы укороченного пальто. В отличие от Олега, мне не плевать, что на улице осень. Мне еще деньги зарабатывать. Если заболею, то папу никто не вытащит.

Едва успеваю за торопящимся к выходу Олегом. Он реактивный ранец на спину пришил? В университете только ногами шоркал, а сейчас... Посмотри на него. Сплошная статья.

Замираю возле зеркала и поправляю волосы. Растрепались. От дождя белоснежные пряди, доходящие до поясицы, завиваются на концах.

Никогда не любила кудряшки.

— Ты прекрасно выглядишь.

Комплимент, сказанный внезапно, обезоруживает. Теряю связь с реальностью ровно до того, как Олег оборачивается.

— На курсах пикапа ты был двоечником, Шершневу?

Он усмехается и разворачивается спиной. А я с обидой отмечаю, что покорно иду следом.

В одном Шершневу прав. Все бегает за ним как собачки, пока им что-то нужно.

Много лет назад эти знания ему в голову вложила именно я.

Ресторан и правда неплох: небольшой и уютный, в итальянском стиле. Меня всегда привлекают подобные места. Здесь можно провести приятный вечер, насладиться атмосферой, едой и музыкой. В подходящей компании, разумеется.

Сейчас же не тот случай.

Отодвигаю приборы и подхватываю бокал с вином. Белое, сухое. Что-то неприлично дорогое, но на вкус как самое обычное. С приятным цветочным флером и ягодным ароматом. Такое я не пробовала и не заказала бы, потому что люблю все привычное и знакомое.

На мой отказ выбрать что-нибудь из меню, Олег отреагировал просто. Взял на свой вкус. Теперь он сидит и пережевывает карбонару. Изо всех сил изображаю непробиваемую стену. Пусть видит, что мне все равно.

Шершневу ест спагетти, словно участвует в одном из глупых конкурсов на время. Морщусь и брезгливо отворачиваюсь. Выглядит так, будто их у него отберут сейчас. Ужас. Зрелище не из приятных. И этот человек крутится в высшем обществе? Сколько бы лоска на себя не пускай, безвкусица прет из всех щелей.

— Ты хотел поговорить, — ставлю бокал на столешницу и закидываю ногу на ногу.

На нашу прошлую встречу я шла с завышенными ожиданиями. Сейчас за них стыдно. Как только сразу не поняла, кто такой Олег Шершневу?

— Так что будешь делать с лечением отца? — говорит и, оставив приборы беспорядочно лежать на тарелке, выпрямляется.

— Это тебя не касается, — пожимаю плечами, расправляю невидимые складки на юбке.

— Я дам денег.

— В долг?

— Нет. В долг я не даю. Мои условия ты знаешь.

Знаю. В прошлую встречу, пока я прокручивала в голове фантазии нашего совместного будущего, Олег выложил правду-матку. Прямо в лоб. Одним ударом выбил романтические глупости из мыслей и чувства из сердца.

«Ты привыкла к красивой жизни, Лена. Но она закончилась. Твой отец больше не имеет веса в компании».

Это ложь. Я помню, как Шершневу пришел к нему за советом. И помню, с каким уважением отнесся к каждому его слову. Шершневу лукавит — отец все еще принимает ряд решений.

Только одного я понять не могу — зачем это Шершневу?

— Я не возьму.

Тогда я чуть не рухнула у его ног. Благо, что подошва у обуви оказалась устойчивой.

«Контрольный пакет акций у меня. Как сложится судьба твоей семьи, зависит только от тебя».

Контрольный пакет — да. Но тридцать процентов все еще принадлежат мне.

И, кажется, я уже знаю, что с ними сделаю.

— Лена, это бессмысленный спор, — усмехается и складывает на груди руки.

Уверен в себе, козел. Твердые мышцы растягивают ткань рубашки, оголяют кусочек кожи у ключиц. Загорелой и жесткой, как у акулы. Стоит провести пальцами, она окажется

ледяной и шершавой. Будто наждачная бумага.

— Если тебе так нравится поиграть в обиженную гордость, то без проблем.

Закатывает глаза и, не дожидаясь моего ответа, опустошает стакан с соком.

Странно. Всегда считала, что у него аллергия на цитрусовые.

Неожиданное знание немного успокаивает.

Получается, что не так уж хорошо я его знала.

Словно это делает несуществующим все, что между нами было.

— Констатирую факт. Ничего у тебя не возьму.

— Ты моя женщина. Поэтому забота о твоём благополучии лежит на мне.

— Я не твоя и не продаюсь, Шершнев.

Смеется. Встает, кладет ладони на столешницу и наклоняется так низко, что практически касается кончиком носа моего лица. Выжигает во мне дыру. Вешает рабский ошейник. Намекает на недавнюю близость.

Мудак.

— Что ты говоришь? Леночка, очнись. Выбей спесь из своей чудной головки. Ты сама озвучила цену. Не я, — пальцы подхватывают прядь волос.

Дергаюсь, словно от пощечины. Тыкает, как нашкодившего котенка.

Рядом с Олегом сложно, тяжело, больно. Он давит массой, сносит невидимые преграды. А за холодом сверкающих изумрудов в глазах мне все равно мерещится летняя зелень. Молодая и откровенная, привлекающая меня в прошлый раз.

Он не был красавчиком в университете, впрочем, я толком не присматривалась к нему. Самым умным — да. Тогда этот пытливый ум я использовала на полную катушку, о чем сейчас очень жалею. Но именно глаза мне нравились в нем больше всего. Не такие, как сейчас. Доброта, светящаяся в них, и трогательная нежность очаровывали. Только от них не осталось и следа.

Все хорошее в Олеге исчезло. Стерлось с годами. Превратилось в красивую оболочку, начиненную злобой и презрением к окружающим.

— Я вернулся и предлагаю тебе все с процентами. Не поздновато ли спохватилась?

— Это было много лет назад, — сглатываю отвратительный привкус желчи.

Страх смешивается со стыдом и влечением. Зеленоглазый демон привлекателен. Очень.

Поэтому мне нужно держаться от него подальше, чтобы не поддаться влиянию эмоций.

Только тяжесть нависших проблем мешает резко оборвать невидимые нити, которые постепенно привязывают меня к Олегу.

Отец, его серая кожа. Время уходит.

— Олег, пожалуйста. Обсудим реальные условия. Выполнимые, — вздыхаю, прижимаю ладони к лицу.

С чего я решила, будто он послушается? Ни капли адекватности, ни грамма сочувствия. Ему нужно прикрытие, чтобы покупка акций не выглядела захватом компании, а превратилась в обычное слияние. Ума не приложу, зачем ему ювелирный холдинг. IT-разработчику. Чертовски успешному разработчику.

— Условия достаточно просты, Лена. Стань моей женой и спутницей по жизни, — жмет плечами и вновь склоняется над тарелкой. — Бесконечные приемы, конечно, утомительны. Согласен. Мне они тоже не о душе. Журналисты достали. Но в этом нет ничего сверхсложного. От тебя лишь требуется обеспечить мне хорошую репутацию перед партнерами твоего отца, счастливо улыбаться и петь про внезапно свалившуюся юношескую

любовь. Через пару месяцев мы сыграем пышную свадьбу. Все, о чем мечтают маленькие наивные дуручки. А потом пойдут наследники. Двое. Мальчики.

Каждое слово ударяет тараном в грудь. Больше всего на свете ценю свободу и независимость. Сейчас же их бессовестно отбирают. Чувствую, как вокруг головы сжимаются металлические тиски.

В одном Олег прав: все это дали мне папины деньги.

Но я не золотая девочка без мозгов. И не прожигательница жизни. Всегда мечтала о реализации в бизнесе, в отличие от своих богатых друзей. Дело отца стало бы отличным трамплином для моего пути к успеху.

Пять лет я работаю в его компании и успешно иду по карьерной лестнице. Руководитель финансового отдела, пусть и совсем не большого — отличное начало. Без отцовской поддержки. Наши конкуренты много раз предлагали мне выгодные условия, чтобы я перешла к ним. У меня все бы получилось, не появись на пути Олег.

Всплыл из прошлого, как уродливый сарафан из глубин шкафа. Который ты надевала на какой-то праздник и страшно в нем опозорилась. Вот и Олег принес гору неприятностей.

— На примете нет других инкубаторов? — цежу сквозь зубы и поднимаюсь с места. — Разберусь без тебя. У меня есть знакомый из медицинской сферы.

— Давай, — довольно хрюкает. — Ты в офис?

— У меня отгул! — гаркаю в ответ. Не оборачиваясь, гордо иду к выходу.

Гадкое ощущение в груди подсказывает, что к этому разговору мы еще вернемся.

— На колесе обозрения ты точно проблемы не решишь.

Лазарев младший, закинув ногу на ногу, отщипывает кусок моей розовой ваты и с довольным причмокиванием запихивает рот. Его фирменный костюм в распахнутом вороте пальто выгодно подчеркивает широкую грудь, а черный ворот — жесткую линию челюсти.

Не удивительно, что он пользуется высоким интересом у девушек. Только вот не моим. Парень моей лучшей подруги — запретная территория.

Даже если это уже бывший парень моей подруги.

— То есть ты мне не поможешь? — презрительно хмыкаю и развараживаюсь к стеклу, за которым открывается вид на Москву. — Даже не выслушаешь до конца?

Лазарев лениво потягивается и бросает взгляд на швейцарские часы. Все это вижу в отражении.

— Ты хочешь, чтобы я попросил денег в долг у Олега, чтобы передать их тебе, — чешет кончик носа и хитро шурится, как лиса. — Ты же знаешь, что он не дает в долг?

— Даже лучшему другу? — оборачиваюсь резко, едва не вляпавшись в сахарную вату. — Женья, я уверена — тебе он не откажет.

Лукавлю. Я подозревала, что и здесь путь будет отрезан. Но мои надежды были направлены на другое.

Если Лазарев поймет, если он выслушает до конца — мы что-то придумаем вместе.

Несмотря на их отношения с Катей, Женья не был абсолютным козлом. Да, мы никогда не дружили. Даже не ладили толком.

Но если я что-то понимаю в людях, то знаю одно — несмотря на весь свой внешний лоск, напускной стиль «плохого парня», большие деньги и высокое положение с пеленок, Лазарев очень эмпатичен.

Это проглядывает в нем с самого детства. Щенки, котята, ребята, которых обижали в школе — он жалел всех без разбора. Он и с Шершневым подружился так. Сначала просто пожалел обособленного от общества парня. А после мог набить лицо каждому, кто плохо посмотрит в его сторону за спиной.

Потому что сказать Шершневу что-либо в лицо не решался никто.

Все считали, что Лазарев развлекается подобным образом. Но я не сомневалась — Женья искренне любил и заботился об Олеге. И делал это от всей души.

А чем я отличаюсь в текущей ситуации от всех этих обездоленных?

— Все же ты плохо его знаешь, — Лазарев вздыхает и наклоняется вперед, упершись локтями на колени. — Лен, если Олег не дает в долг — значит не дает. Все, точка, продолжения нет. Если у тебя есть другие предложения — велком.

— Женья, ну есть же разные варианты. Олег всегда помогает делом, да? Может ты попросишь его помочь, например, с покупкой дома...

Смех прерывает мои неуверенные попытки.

— А чем это отличается от «дать в долг»?

Тяжело вздыхаю. Нет, как с ним Катя вообще жила? Он же невыносим.

— Женья, ты не понимаешь...

— Все я понимаю, дорогая лучшая подруга моей девушки, — Лазарев внезапно улыбается, но так странно, что в горле ком поднимается и блокирует приток воздуха. —

Которая всегда считала меня каким-то дерьмом. Ты с чего-то решила, что я тебя пожалею и придумаю, как решить твои проблемы. И я пришел сюда лишь чтобы убедиться, что это не я поехал крышей, а это правда происходит.

Осоловело хлопаю глазами.

— Жень, мы столько лет чуть ли не бок о бок...

— С Катей. Да, — кивает и наклоняет голову на бок. — Да и я всегда к тебе относился хорошо. А теперь вот сижу и думаю — а с чего мне помогать девушке, которая с первой секунды нашей встречи не то что не поинтересовалась, а как мои дела, а даже не поздоровалась? — усмехается, а я готова провалиться сквозь сиденье. — Ах, да. Это притом, что моя семья по моей просьбе помогает твоей все последние пол года. И, заметь, Кате я так же, по твоей просьбе, так ничего и не рассказал.

Чувство стыда возгорается где-то на щеках яркими пятнами. Оно перемешивается с отчаянием и горячей волной наваливается на глаза.

Именно в этой кабинке, рядом с человеком, с которым мне говорить то нечего, на самой высокой точке круга обозрения, на меня внезапно накатывает понимание.

Ничего не получится.

Все бестолку.

Или умрет отец. Или я сдамся Шершневу.

Никто мне не поможет. А я сама в этот раз помочь себе не в состоянии.

Не по мне оказалась ноша.

Жуткая усталость гнет мои плечи вниз. Пытаюсь сделать вдох, но ничего не получается.

Слезы брызжут из глаз, а я, громко всхлипнув, сжимаюсь калачиком и утыкаюсь лицом себе в колени.

Лазарев не будет мне помогать.

Это конец.

Рыдания, которых никогда со мной не случалось, судорожными всхлипами вырываются из моей груди. Я зажимаю рот ладонями. Пытаюсь вдохнуть, чтобы объяснить, но ничего не выходит.

Лазарев и не обязан мне помогать.

Ужасно стыдно, но я ничего не могу поделать. Это срыв. Я просто не контролирую себя.

— Да-а, — голос Лазарева раздается совсем рядом. — Крепко тебя приложило.

Жесткая рука ложится мне на плечи, а затем тянет куда-то в сторону.

Словно огромный камень валится с моих плеч на пол. Вырывается усилившимися судороги. Я вжимаюсь в дорожный костюм Лазарев, до боли в пальцах сжимаю его пиджак.

Я пытаюсь выплакать. Выорать всю боль, что копится во мне так долго.

— Я не знаю, что мне делать. Я просто не знаю, — шуршу губами вперемешку с всхлипами. — Прости Жень. Ты прав. Ты во всем прав.

Лазарев как-то странно вздыхает. Я слышу размеренное биение его сердца.

Которое действует успокаивающе.

— Олег никогда не причинит тебе вреда, Лен. — шепчет Лазарев. — Я уверен в этом.

Его ладонь похлопывает меня по плечу. Выпрямляюсь и вытираю глаза. Похоже, истерика заняла не так много времени. Нам еще четверть пути до земли.

— Он изменился, Жень.

Мы выходим с колеса молча. Я ни о чем не могу думать. Не сейчас. Я просто хочу домой, упасть на кровать. Во мне нет сил даже на душ.

Я устала бороться с болезнью, которая быстрее меня.

— Я попробую кое-что сделать, Лен. Но ничего не обещаю, — внезапно останавливается и смотрит в небо. — У мамы был рак. Но несмотря на болезнь, она выбрала свободу.

Женя замолкает, а я не знаю, что сказать. Семья Лазарев всегда была рядом с нашей, но я не знала про рак. Все, что мы знаем — она ушла от Александра Самуиловича, когда Женя был маленьким.

На языке появляется странный привкус.

Кажется, между нами внезапно появилась тайна.

— Я попробую тебе помочь ради нее, Лен.

Едва не ломаю ноготь об несчастный допотопный звонок.

Трель разливается по всему лестничному пролету. Но шагов так и не слышно.

Сердце грохочет где-то в районе горла, а пальцы сводит болезненной судорогой.

Так и хочется сорваться с места и убежать подальше от этой злосчастной двери.

«Дай Олегу то, что он хочет. Пусть думает, что победил.»

Нервно переминаюсь с ноги на ногу. Лакированные туфли на шпильке скрипят от трения.

Вырядилась я, конечно, зря. Существует и более удобная одежда, чтобы таскать вещи.

Но я и не собиралась этого делать. Достаточно, что пришла сама.

Неужели Шершнева все еще не дома?

Хотела же сначала позвонить.

Но это было бы неестественно. Ведь по нашему с Женей плану, у Шершнева не должно остаться сомнений: я зашла в тупик, а Шершнева — единственный выход.

«Обмануть Олега у тебя не получится. Вот и не обманывай. Не притворяйся влюбленной дурой, не вешайся к нему на шею. Иди к нему и веди себя так, будто этого разговора не было.»

Мне плевать на его комфорт. Хочет меня?

Значит должен сидеть и ждать в любое время дня и ночи.

Я не собираюсь перед ним преклоняться.

Узнать адрес Шершнева не составило никакого труда. Наташа очень быстро выложила все его данные даже без стандартной взятки в виде бутылки вина.

И почему-то только сейчас я думаю о том, что адрес мог быть в принципе фикцией.

Волнение охватывает меня с ног до головы, липкими мурашками осыпая тело.

Второй раз на такое я просто не решусь.

Заслышав шаги, складываю на груди руки и нетерпеливо постукиваю ногой.

Мне нечего бояться. Он же сам хотел, чтобы я пришла.

Только коленки все равно подрагивают.

Аромат можжевельника ударяет в лицо, стоит двери распахнуться. Неужели я перепутала адрес? От Шершнева пахнет совсем иначе.

Только вот в распахнутом дверном проеме стоит именно он. Практически голый.

Одинокое болтающееся на бедрах полотенце не в счет.

С трудом отрываю взгляд от стекающей по его накаченной груди капли воды. В горле резко становится сухо, язык намертво приклеивается к небу.

— Привет, — удивленно звучит знакомый голос, пока я пытаюсь сфокусироваться на его лице.

Попробуй тут, ага. Туман надежно обволок мозг и осел где-то на глазных яблоках.

Благо, что я так и стояла на месте.

Презрительно выгибаю бровь и промаргиваюсь.

Ты меня своими штучками не возьмешь, Шершнева.

Вытянув руку, распахиваю дверь еще шире. Стараюсь не касаться горячей кожи.

— Как-то серо у тебя здесь. Неуютно, — брезгливо морщу нос и, ухватившись за ручку чемодана прохожу мимо остолбеневшего Шершнева в глубь коридора.

Мельком прохожу по модной декоративной шпукатурке. Пол без плинтуса, скрытые двери, подсветка. Все говорит о совершенно недавнем ремонте, выполненном по всем новомодным правилам.

— Пещера, а не квартира. Дверь входную мог и поменять. Устала пялиться на ваш клоповник, — отодвигаю чемодан в сторону и, заведя тапочки, громко вздыхаю.

Точно. Детские привычки так просто не выбьешь. Скидываю туфли и засовываю ноги, с трудом сдержав рвотный рефлекс. Черт знает, кто там эти тапки носил.

Но в этом доме точно принято разуваться.

— Комнат сколько хоть?

— Ты чего здесь забыла? — устало вздыхает Шершнева за моей спиной и захлопывает дверь.

Взгляд вновь скользит помимо моей воли туда, куда за тонкой дорожкой темных волос ускользнула капля воды.

Соберись, Лена. Все уже прекрасно поняли, что Шершнева привлекает тебя физически.

Но это не должно помешать моему плану.

Это главный момент сегодняшнего вечера.

«Если он что-то заподозрит — ни за что не подпустит больше. И тогда твоему отцу уже точно никто не поможет.»

Чувствую, как с лица слетает улыбка, а губы застывают в болезненной мине.

Отлично, так и нужно.

Глубоко вздыхаю и с ненавистью смотрю в сияющие в тусклом свете глаза.

— Отцу хуже. Мое время на поиски денег истекло. Поэтому я здесь, — показываю на чемодан и жмурюсь изо всех сил, прижав пальцы к трясущимся векам. — Его смогут прооперировать завтра?

Голос дрожит. Я не притворяюсь ни капли. Я в полном отчаянии.

Поэтому меня несколько не удивляет, что в ответ звучит приглушенный голос Шершнева:

— Он завтра же отправится в клинику.

Вздых облегчения вылетает непроизвольно. Опускаю руки.

Волоски на теле приподнимаются. Реагируют на приближение Шершнева.

Он подходит близко, практически вплотную.

Едва его ладонь касается моей щеки, я отклоняюсь назад, словно от раскаленного угля.

— Лен, никто не проведет операцию так быстро. Даже если я отдам все свои деньги. Но я уверен — с ним все будет в порядке. Его предыдущие анализы я все отправил еще неделю назад.

— Хорошо, — бурчу куда-то вниз, так и не осмелившись поднять взгляд. — Спасибо.

Заламываю пальцы. Женя был прав. Стоит мне прийти — все быстро решится. Остальное — вопрос моей совести и его возможностей.

Но я точно знаю — у Шершнева точно есть тайны.

И если не Женя, то они проложат мне путь к свободе.

— Лен... — волнуящее воображение шепот касается моего уха.

Как ужаленная, отпрыгиваю в сторону и одергиваю рукава белого пальто.

— А вот руки распускать не нужно, Шершнева. Уговор я отлично помню. Завтра предлагаю сесть и обсудить все нюансы нашего взаимодействия. А сейчас я предпочту лечь спать.

— Так и спала бы у себя дома, — раздраженно шипит Шершнева и резко смахивает с волос влагу, что тут же оседает на виниловый пол. — Ко мне чего приперлась?

— А у меня больше нет дома, — равнодушно жму плечами и, заведя зеркало, пальцем поправляю и без того идеальную вишневую помаду. — Не сегодня — завтра его продадут. Так что, дорогой будущий фиктивный муж, милости прошу выделить мне спальню. Желательно посветлее.

Шершнева морщится, будто съел целый кислый лимон, а мне едва удается скрыть свое недоумение.

Неужели Женя оказался прав?

«Я не буду с ним спать.»

«А ты и не спи. Боже, Лена, ты думаешь он тронет тебя хоть пальцем, если ты не захочешь? Будь хитрее. Выставляй свои условия. Увидишь — все будет по-твоему.»

Внутренне ликую, чуть ли не прыгнув до потолка.

— Звонить не пробовала, прежде чем заявляться? Я мог быть не один, — Шершнева отворачивается и, поколебавшись мгновение, движется в сторону кухни.

Закатываю глаза. Что это еще за жалкая попытка вызвать ревность? Даже бесит. Не один он мог быть. Да что вы говорите.

Смеюсь и поднимаю руку, чтобы посмотреть на наручные часы.

Я слишком рада тому, как прошел первый шаг операции.

Все под моим контролем. Моим.

Только вот тревожное чувство не покидает грудь. Видимо, из-за отца.

Трясу головой и перехватываю ручку чемодана.

— Дамы! — повышаю голос, глядя прямо в зеленые омуты, что на моих глазах превращались в сияющие изумруды. — Я в душ. У вас будет пятнадцать минут на то, чтобы собрать свои вещи и свалить в закат!

Утро настигает меня приятным ароматом свежесваренного кофе. Он пробирается в ноздри и вызывает поток слюноотделения.

Только вот я еще не планирую просыпаться.

Лениво натягиваю одеяло на голову и ежусь от ворвавшегося в комнату потока воздуха.

Кого принесло с утра пораньше?

Мягкая поступь едва слышно разносится вокруг. Больше успокаивает, чем бодрит. Ежусь и укутываюсь сильнее.

Кто-то замирает у самого изголовья кровати.

Я жду, что знакомая рука вот-вот коснется волос и, как в далеком детстве, примется вытаскивать меня из царства сновидений.

— Ма-ам, я встану по будильнику, — заспано бурчу в подушку, обхватив ту покрепче.

Сон еще такой хороший снится. Больно хочется досмотреть.

— Твой будильник орал, как резанный, еще сорок минут назад, — раскатистый бас проникает в мозг.

Распахиваю глаза и резко сажусь. Перед глазами летят разноцветные круги, пока я судорожно их тру.

События прошедших дней быстро проносятся в сознании, а с губ срывается разочарованный стон.

Я не дома.

— Шершневу, а тебя стучать не учили, прежде чем вламываться в комнату к девушке? — шиплю и натягиваю ароматное одеяло повыше, прикрывая грудь по самый подбородок.

— А я стучал. Только кто-то так громко храпел, что не слышал.

— А высказывать дамам в лицо про их недостатки — неприлично, — обиженно бурчу себе под нос.

Ему хоть бы хны. Усмехается и нависает надо мной, весь отутюженный до безобразия, ухоженный и сияющий, как стразы сваровски. Знакомый запах жженой сосны вперемешку с зубной пастой ударяет в нос.

Бесит.

Недовольно морщусь и отворачиваюсь в сторону, дабы не пересекаться с ним взглядом. В такую рань мои навыки лжи и самозащиты работают на минимум.

Попробуй удержи тут бастион, когда враг выкатывает все свои козыри.

— Ну давай, скажи, что и сегодня у тебя отгул.

— Не дождешься! Не позволю больше гробить компанию моего отца, — шиплю и вытягиваю руку, указывая на дверь. — Мне нужно десять минут и я готова ехать на работу.

— Сначала мы проводим твоего отца в аэропорт.

Недоуменно оборачиваюсь. Шершневу хмурится и, не говоря больше ни слова, направляется к выходу.

Подрываюсь с места, едва его спина исчезает. Я все еще в шоке от того, как быстро все происходит. Но это не отменяет моей радости. Не удержавшись, подпрыгиваю на месте и смеюсь во все горло.

Облегчение смешивается с эндорфинами и придает сил.

Я действительно укладываюсь в отведенные десять минут, практически забив на

макияж. Только увлажняющий крем и тушь. Последнее, чего я хочу — чтобы все сорвалось из-за того, что я долго красилась.

Да и перед кем мне красоваться?

«Большую часть браков разрушает бытовуха».

Почему бы не воспользоваться маминым советом наоборот? Глядишь насмотришься на меня в естественной среде обитания и отвалит.

Только бы папа все выдержал. А я то выстою. Нужно то немного потерпеть.

Из комнаты я вылетаю практически на крыльях. И едва не врезаюсь в широкую грудь, обтянутую белой рубашкой. От столкновения спасают те самые тапки, что мгновенно прирастают к полу.

Вот это сцепление. Резину бы для автомобилей такую делали.

С уважением смотрю на свою бежевую обувь с помпонами. Еще и сидят, как под меня куплены. А у меня размер ноги не самый ходовой для девочек. Сороковой.

Но нашел же где-то.

С подозрением смотрю на Шершнева.

Давно планировал мое порабощение, жук?

Он же с невозмутимым выражением лица протягивает мне наполненную до краев ароматную чашку.

Удивленно приподнимаю брови, а он отворачивается в сторону.

— День сегодня тяжелый, — зачем-то оправдывается и мнетя Шершнева.

Замираю. Мне кажется, или скулы покраснели?

Смотрю на потолок и вздыхаю с облегчением. Тусклые теплые лампочки кого угодно превратят в розовощекую принцессу.

Вот подсветка сделана классно.

А эту безвкусицу заменить бы на холодный свет.

— Глотни хоть, — скрипит сквозь зубы.

Что такое? Рука отсохла держать?

Злорадно хихикаю, глядя на попытки Шершнева быть галантным.

Ох, дорогуша. В сказке про красавицу и чудовище ты явно не второй персонаж.

— Сейчас, ага, — усмехаюсь и откидываю назад волосы. — А если ты меня отравить решил?

— Это зачем? — давит смешок Шершнева. — Ты мне пока не жена, я от твоей смерти ничего не получу.

— Денег сэкономил, — фыркаю и разворачиваюсь к выходу.

— Лечение твоего отца я уже оплатил! — летит в спину, пока я натягиваю туфли.

— А ты думаешь, это все полагающиеся со мной в комплекте траты?

— Не думаю, — Шершнева вновь оказывается слишком близко, отравляя воздух своим ароматом. — К моему огромному сожалению, знаю весь список.

Жму плечами и придирчиво смотрю в зеркало.

Невольно отмечаю, что сегодня мы очень гармонично смотримся.

Классический черно белый лук к лицу нам обоим, нужно признать.

И эта картинка мне нравится.

— Ну так откажись, — раздраженно отворачиваюсь и подхватываю сумочку ярко красного цвета. — Зачем тебе эта головная боль?

Пусть она вырывается из образа и портит эту тошнотворную идиллию, но мне некогда

перекладывать вещи.

— Оставить твоего отца умирать? — шипящие нотки в его голосе пробираются под ворот пальто и липким страхом окутывают меня с ног до головы.

Слова действуют, как холодный душ. Замираю и тяжело сглатываю образовавшийся ком.

Шершневу стоит и не двигается. Смотрит. С каким-то не скрываемым бешенством. Злая маска перекашивает его лицо, пока я пытаюсь подобрать слова.

Язык с трудом отлипает от неба.

— Олег, прости, я не то имела...

— Лена, — гремит он, а я затыкаюсь. — Ты пришла сюда сама. Я тебя не тащил и никого здесь не держу. Условия ты знаешь. Мое терпение не резиновое. Хочешь идти — вперед. Твой чемодан еще не разобран.

Все его очарование слетает вмиг. На языке крутятся обидные слова, но на этот раз я не позволяю им вырваться.

Глаза начинает печь. Настроение летит куда-то под пол с подогревом, сквозь этажи и проваливается глубоко под землю.

Шершневу указывает мне на мое место.

Больно, гадко и обидно. До слез.

Но он говорит правду.

Мне нужна его помощь.

— Прости, — скриплю зубами и изо всех сил стискиваю до хруста пальцев сумочку. — Это больше не повторится.

Поговорить с отцом, к сожалению, оказывается невозможно.

Мы успеваем, но автомобиль скорой помощи подъезжает прямо к трапу.

А я так и остаюсь смотреть на происходящее из здания аэропорта.

Сердце разрывается, стоит из дверей показаться тонкой фигуре отца на каталке, прикрытой одеялом.

— Все будет хорошо, — мама сжимает мою руку и поглаживает по плечу, не сдерживая слез. — Ты молодец, дочка.

— Почему не летишь с ним? — мой вопрос звучит резко. — Наняли каких-то чужих людей сопровождать. Это ужасно. Ни одной родной души. Ты просто обязана быть с ним там.

Я не хотела так говорить. Но не могу понять. Как можно прожить с человеком жизнь и остаться? Будь моя воля — я бы сама держала сейчас отца за руку, а не стояла здесь.

— Твой папа так захотел, — мама косится на Шершнева, что тактично стоит в стороне, и сильнее сжимает мою руку. — Он переживает за тебя.

— А за меня не стоит переживать, — шиплю и дергаю плечом. — Не у меня рак и сложная операция впереди.

— Леночка, — мама понижает голос до шепота, а я пытаюсь вырваться из ее хватки.

Только не выходит. Откуда не возьмись, в маминой руке оказывается столько сил, что при желании, кажется она может удержать этот самолет за хвост.

— Леночка, папа не дурак. И я пока на слабоумие не жалуюсь. Мы оба прекрасно понимаем, откуда деньги.

На этих словах она вновь кидает взгляд на Шершнева и посылает ему вежливую улыбку. Шершнев хмурится и недоуменно смотрит на меня, а я отрицательно машу головой.

Не нужно к нам подходить, Олег.

С сомнением смотрю на мать. В сердце разливается надежда. Неужели папа не так уж безоговорочно доверяет Шершневу?

И то, как сейчас смотрит мама... Словно оцупывает каждый миллиметр моей кожи. Ищет то, что может ее испугать. Строго и безапелляционно изучает меня так, что я уже совсем на нее не злюсь.

Я благодарна.

Почему-то именно сейчас я ощущаю мамину защиту. И от этого становится легче.

— Я все придумала, — быстро шепчет она, стоит Шершневу сойти с места. — Не волнуйся. Я не дам тебя в обиду.

— Тебе же так нравится Олег. Что изменилось?

— Все, доченька. Все изменилось.

В этот момент решительность в ее глазах завораживает. Из маленькой, но твердой женщины, она внезапно превращается в львицу.

— Ираида Васильевна? — Шершнев оказывается рядом со мной в момент, когда мама отпускает мою руку.

Она поправляет безукоризненную прическу и посылает свою самую очаровательную улыбку Шершневу.

— Олег, спасибо вам огромное, — мама одергивает рукава пальто и смахивает

невидимые пылинки. — Вы — наш спаситель.

Ладонь Шершнева мягко ложится мне на талию, мгновенно прожигает плотную ткань и оставляет след на пылающей коже. Нервно облизываю губы, когда Шершнева притягивает меня ближе, практически вдавливая в себя.

— Нам пора на работу, — верчусь, пытаясь выбраться из непрошенных объятий. — Олег, мы уже опаздываем.

Мама изумленно округляет глаза.

— Подождите, какая работа? А как же наша сделка?

Застываю и недоуменно смотрю на мать. Затем на Шершнева.

Олег явно недоволен тем, что мама заговорила на эту тему при мне.

Неужели эта сделка и есть часть ее плана?

— О чем речь? — хмурюсь и в упор смотрю на Шершнева.

Но тот молчит. Только кидает косые взгляды на мать. Которая, похоже, полностью оставляет где-то далеко все инстинкты самосохранения. Ибо в следующий момент выдает.

— Дорогая, а Олег тебе разве не рассказывал? Он хочет выкупить наш дом у банка.

— Ираида Васильевна, — цедит Шершнева сквозь зубы, пока я пытаюсь прийти в себя от покосившейся меня новости. — Это должен был быть сюрприз.

С трудом втягиваю воздух. Ноги подкашиваются, а удержаться на месте стоит больших усилий. Я цепляюсь за лацканы пиджака Шершнева и пытаюсь не выдать свой страх.

Если он получит наш дом — все будет кончено.

— Дорогая, тебе не хорошо? — мама подхватывает меня под локоть, пока Шершнева сканирует мое лицо. — Это же чудесная новость.

— Да и от моей квартиры ты не в восторге, — тянет Шершнева, удерживая меня в руках. — Будем жить в твоём доме.

До меня медленно доходят слова матери. Так вот значит как она собирается следить. И будь все на самом деле так, как они думают — я была бы рада.

Только все иначе.

Вместо того, чтобы помочь, мама, сама того не подозревая, отрезает мне путь к отступлению.

Голова кружится, а перед глазами летят цветные пятна.

— Лен, ты меня пугаешь, — обеспокоенный голос Шершнева достигает сознания. — Давай врача?

— Не нужно, — резво мотаю головой. — Все в порядке.

— Тогда в чем дело?

В голове крутится тысяча и одна мысль. Я мечусь между тем, чтоб сослаться на самочувствие и кинуться бегом звонить Лазареву или просто натянуть лживую улыбку и сказать, что все нормально.

Ни в одну из этих версий Шершнева не поверит. Потому что все они — ложь. Ее он чувствует, как акула каплю крови. За тысячу километров.

Гул в ушах нарастает, а паника накрывает с головой.

Страх быть разоблаченной так быстро обжигает кончик языка.

Решение приходит само.

— Я не хочу, чтобы ты выкупал наш дом, — не придумав ничего лучше, говорю все прямо в глаза Шершневу.

Мама охает, а Шершнева хмурится и трясет головой.

— Лена. Если это не сделаю я — рано или поздно дом выкупит кто-то другой. И твои родители потеряют крышу над головой.

— Я знаю, — выпрямляюсь и зло отталкиваю Шершнева. — Но я уже сказала свое мнение.

— У тебя сегодня со слухом туго? — маска Шершнева не выдерживает и трескается по швам. — Ты хочешь превратить своих родителей в бомжей?

— Будь добр, услышь меня, Олег, — спокойно беру ошеломленную мать за руку. — Я не хочу, чтобы это был именно ты. Мне твоей помощи с отцом достаточно с головой. А как помочь своим родителям с домом — я разберусь сама. В конце концов, у меня тридцать процентов акций вполне успешной фирмы.

Ноздри Шершнева яростно раздуваются, а зеленые изумруды сияют безумным блеском. Но я стою, крепко держа мать за руку.

Она придает мне уверенности и стойкости сейчас.

Что ты думал, Шершнев? Что все будет по-твоему? Как бы не так.

— Сделка отменяется, Ираида Васильевна, — рывкает Шершнев и резким движением поправляет пальто.

До работы мы добираемся в полной тишине.

В воздухе напряжение, что можно резать ножом.

Червячок вины пробирается в мозг, но я решительно трясую головой.

Плевать. Я и не собираюсь облегчать Шершневу жизнь.

Но мой жест Олег воспринимает по своему.

Его ладонь внезапно накрывает мою, как только авто останавливается на парковке.

— Все будет в порядке, Лен. Семен Вениаминович сильный и упертый, а это самое главное. Остальное сделают специалисты, — его пальцы сжимают мои, а я инстинктивно сжимаю их в ответ. — Его вытащат.

Губы поджимаются сами. Словно бессознательно блокирую потенциально возникающие слезы. Жар бросается к щекам.

Отворачиваюсь к окну. Не хочу, чтобы он видел мою слабость.

И тем не менее, ощущаю облегчение.

Наконец-то в целом мире нашелся кто-то способный мне помочь.

— Ты, Шершнев, хоть и скотина порядочная, — выдыхаю, обдавая облачком тонированное стекло. — Но я правда тебе благодарна.

— Подумай насчет дома, — хрипло выдыхает Шершнев, а в отражении видно, как он трет подбородок. — Там привычная для тебя атмосфера. Да и твои родители будут рядом.

— Может, я не хочу с ними жить? — нервно пожимаю плечами.

Опасная тема дома вновь повисает в воздухе.

Да и я не дура. Прекрасно понимаю, что не сегодня — завтра найдется покупатель.

Нужно срочно созвониться с Лазаревым и понять, как действовать.

Кожаная обивка скрипит и отвлекает от мыслей. Шершнев ерзает.

Похоже, что нервничает.

— Слушай, я знаю, что бываю резковат. Ты, знаешь ли, тоже не подарок, — изо рта произвольно вырывается смешок. — Но с этим нам придется жить. Не стоит отмечать здравые предложения только потому, что тебе кто-то не нравится.

— Мне предложение не нравится, — набрав в грудь побольше воздуха, выпрямляю спину. — Раз уж у нас такой честный разговор. Я не ощущаю себя то в безопасности рядом с тобой. А если в пределах твоей досягаемости всегда будут мои родители, — запинаюсь и трясую головой.

— Да чего ты из меня какого-то монстра лепишь, — тяжело вздыхает Шершнев, а в его голосе проскальзывают уже знакомые рычащие ноты. — Я бизнесмен, а не бандит, Лен. С твоим отцом я работаю уже давно. Он мне доверяет.

— И при этом ты попросил его ни о чем мне не рассказывать, — скептически приподнимаю бровь, хотя тот и не может видеть. — Почему?

— Потому что это наша с ним сделка и тебя она не касается.

Обреченно вздыхаю и закатываю глаза.

— И чего ты ждешь от меня?

— Ладно, ты мне не доверяешь. Я понял. Я сам в этом виноват — хорошо. Но отцу же ты своему веришь?

— Мой отец — больной человек. Но даже это не важно, Олег. Я не думаю, что им будет

крайне приятно наблюдать за нашими отношениями. Каждый день смотреть на то, как дочь давит из себя счастливый оскал — это же пытка. Отец просто закопается в чувстве вины, да и мать тоже. Представь себя на их месте. Если бы твоя дочь продала себя ради твоего блага? Ты бы смог смотреть на это каждый день?

— Да почему ты так уверена, что у нас ничего не получится? — внезапно восклицает Шершневу, а я замираю на месте. — Люди годами живут без всяких чувств.

Слова ударяют во что-то незащищенное, глубоко внутри. Выбивают из легких воздух. Хочется сжаться посильнее, чтобы защитить нечто мягкое и нежное.

Мечты. Фантазии. Желания.

Все то, что ляжет на алтарь, название которого прозвучало только что.

«Без всяких чувств».

— Есть же взаимоуважение, общее дело в конце концов. Быт. Интересы. Я же не в пыточной тебя запираю. По мне деловые браки гораздо крепче и честнее, чем все то, что основано на эмоциях, которые со временем проходят.

С трудом сглатываю собравшуюся во рту слюну. Она проваливается в желудок сложно. Камнем бухается вниз, образуя ощущение пустоты.

Могла я предположить, что так лелею юношеские воспоминания? Конечно, нет.

— Я согласна с тобой, — мой голос какой-то чужой. — Только вот мои родители, всю жизнь прожившие в любви, вряд ли останутся довольны. Да и что будет, если ты вдруг встретишь девушку, которую полюбишь?

— Опять ты в эту сентиментальщину, боже, — пальцы Шершнева исчезают.

Кошусь на него. Растирает лицо до красноты.

А сердце предательски ноет.

В такие моменты он слишком сильно похож на себя прошлого.

— Давай так, — вздыхает и откидывается на спинку кресла, глядя перед собой. — Я ни за что не рискну положением, которое выгрызал зубами, репутацией и семьей с крепкими отношениями ради каких-то мимолетных увлечений. Я готов подписать брачный контракт на выгодных для тебя условиях. Но они будут взаимными. Если вдруг ты встретишь кого-то, — Шершневу резко отворачивается и сжимает рукой коробку передач. — Никаких интрижек. Отношения мы строим в семье, а не за ее пределами.

— Хорошо, — безразлично машу рукой. — Только это все еще не отвечает на вопрос нашей совместной жизни с моими родителями.

— Я могу просто выкупить дом для них, — обреченно вздыхает Шершневу. — А как твой отец встанет на ноги — перепродам по той же цене. Лен, прекращай, правда. Это просто сделка, — вопреки своим словам, Шершневу вновь сжимает мою руку. — Выкуплю дом, а потом уже решим, кто где будет жить.

— Дай мне подумать, хорошо? — стараюсь говорить как можно более примирительно. — Я знаю, что все происходящее между нами — сделка. И я выполню всю свою часть, как по нотам. Можешь не сомневаться, роль я сыграю прекрасно.

— Но? — я поворачиваюсь и приподнимаю брови, а Шершневу вздыхает. — В воздухе повисло какое-то «но».

— Но кое-что я никак не могу понять.

— Ну и? — сквозь твердо сжатые губы пробивается улыбка.

И это, внезапно, придает мне смелости.

Я поддаюсь вперед, оказавшись нос к носу со своим врагом, парнем и будущим мужем в

одном лице.

— Зачем я тебе? Ведь вся эта история с другими акционерами и сотрудниками компании — это же бред, — развожу руками и вижу, как темнеют напротив меня блестящие изумруды. — Ты, насколько я успела понять, мастер своего дела. У тебя деньги, связи, влияние, шарм в конце концов. И зачем тратить столько денег на все...

— Я тебе уже объяснил, — грубо обрывает меня Шершнеф и нетерпеливо распахивает дверь. — То, что тебе объяснений не достаточно — не мои проблемы, Лен. Не ищи черную кошку в комнате, особенно, когда ее там нет.

Маргоша встречает нас возле кофемашины с округлившимися от удивления глазами.

— Добрый день, Олег Константинович, — выдавливая и замирает с чашкой в руках.

Шустрая блондинка успевает за долю секунды просканировать нас до мозга костей, пройдя всевидящим взглядом с ног до головы. В карих глазах шок быстро сменяет любопытство.

Легко ее понять. Шершневу судя по всему решил, что теперь не отпустит меня ни на шаг. Ибо и в здание офиса, и в маленькую оборудованную на нашем этаже кухню, я захожу с плотно припечатанной к моей пояснице ладонью.

— Лена, — она улыбается и косится из-под наращенных ресниц на Шершневу, демонстрируя новенькие виниры по акции в какой-то клинике на краю нашей необъятной родины, — Павел Андреевич тебя искал. Что-то на счет проверки.

— Я найду к нему позже, — нервно оглядываюсь на отклеившегося от меня Шершневу.

Он словно оглох. Не моргая смотрит на экран смартфона и что-то печатает. Попутно успевает задать нужные данные для своего кофе.

— Олег, мне нужно идти, — раздраженно цежу ему в затылок.

Ноль реакции. Похоже, стоит Шершневу окунуться в рабочий процесс, как все для него исчезает. За это невозможно его не уважать, но сейчас ситуация выглядит как-то глупо.

Злюсь. словно мне нужно его разрешение, чтобы куда-то идти.

В конце концов, это и моя компания.

— Лен, Павел Андреевич сказал, что что-то срочное, — Маргоша переводит взгляд с меня на Шершневу.

Похоже, не только я здесь жду реакции одного робота.

Только ее не следует.

Ну и отлично.

Тряхнув волосами, удобнее перехватываю сумку с ноутбуком, и стремительно удаляюсь.

Всплеск раздражения буквально толкает меня вперед. Без стука, я врываюсь в кабинет финансового директора. Останавливают меня только внезапные объятия.

Паша, обхватив меня в кольцо рук, прижимает к себе, не давая опомниться, чем вызывает волну возмущения. Я дергаюсь, только ничего не меняется. Он только усиливает давления, вызывая во мне приступ тошноты.

Нет, ну что за отвратительный парфюм?

— Я соскучился, — влажный, пошлый шепот достигает моего сознания вместе скольжением мокрых холодных губ по ушной раковине.

— Пусти меня, — кручу головой в попытках отодвинуться подальше.

— А что такое? — шипит Паша, до боли сжимая мои ребра. — Раньше тебе нравилось.

— Никогда мне такое не нравилось! — протестующе рычу и с силой толкаю его в грудь. — Пусти, мне больно!

Паша же, словно одержимый, толкает меня к стене и вжимает в нее вопреки всем протестам. Боль и отвращение накрывают меня с головой, когда грубые ладони вырывают мою блузку из-под пояса и скользят вверх, сжимая грудь.

— С Шершневым небось понравилось, да? — ревет он и дергает мой ремень.

Кожаный пояс до хруста вжимается в поясицу, выбивая из глаз поток искр.

— Ты совсем охренел?! — взвизгиваю и направляю колено ему в пах.

Удар приходится в бедро. Извернувшись, Паша блокирует мою ногу и демонстрирует звериный оскал. От желания плюнуть ему в рожу удерживает только одно — он взбесится окончательно.

Я не понимаю, что на него нашло. А ужас ситуации доходит до меня слишком медленно.

Я просто не верю, что это происходит.

— Паша, стой, — дергаю плечами, стараюсь втиснуть между нас ладони. — Паша, мы на работе.

— Утром ты тоже должна была быть на работе, — рычит он мне в ключицу, разодрав воротник, и зубами вцепляется в кожу. — А сама приехала в обед. С ним.

Сердце колотится, как бешеное. Кислород испаряется из легких, когда Паша накрывает мои губы свои.

Он практически высасывает из меня всю жизнь.

От этого прикосновения орать хочется еще больше.

Чужой. Он совершенно чужой.

Паша сжимает руку на моей шее, а я невольно вскрикиваю. Язык, словно острое жало, ужом проникает в мой рот, разгоняя ком в горле до нечеловеческой скорости.

Что делать в такой ситуации? Орать? В кабинете финансового директора, где шумоизоляция покруче, чем в студии звукозаписи?

Только времени размышлять нет.

Я с силой стискиваю челюсти. На моем языке оседает противный металлический вкус его крови. А Паша взвизгивает и отскакивает в сторону.

И в этот момент дверь в кабинет распаивается.

Перед глазами все плывет, а голова идет кругом. Я медленно сползаю по стене вниз и подтягиваю к груди колени, ошарашено глядя вокруг. Кажется, меня трясет. Вибрация идет по тонкой ткани на бедрах вниз и распространяется на побелевшие кисти. С силой тру предплечья и раскачиваюсь, стараясь компенсировать дрожь.

Сейчас отпустит.

Точно отпустит.

— Олег...

— Убью, тварь.

Голоса доносятся до меня словно через какую-то глухую стену. Мне даже кажется, что я слышу удары. Но перед глазами абсолютно ничего. Все расплывается в соленом потоке, что пеленой льется из глаз.

Я же никогда не была трусихой? Да и ничего же не произошло.

Только какой-то лед пробирается мне в сердце, промораживая внутри все до костей.

Как-то отдаленно понимаю, что у меня шок. В этот момент тугой ком, все еще сжимающий горло, дергается и ставит меня на колени. Жуткий спазм толкает вперед желудок и выворачивает меня наизнанку.

Не выдержав напряжения, с отвратительным звуком я выплевываю все, что скопилось во мне за эти пару минут.

Упертые в пол ладони подкашиваются. Мне не дают упасть руки, что тянут меня в сторону.

Все инстинкты самозащиты взрываются в мозгу, врубая аварийную систему. Я колочу

воздух и все, что попадаетея под руку.

Не снова. Не могу снова.

— Нет! — взвизгиваю я и дергаюсь, пытаюсь вырваться. — Не трогай меня!

— Все, все, — размытая фигура Шершнева, стоя на коленях, приподнимает руки, демонстрируя раскрытые ладони. — Я ничего не делаю, видишь?

Точно Шершнев. Стоит совсем рядом. Рубашка натянулась на груди, а рваное дыхание почти достигает моего лица. словно после забега. Или долгого подъема по лестнице. Весь растрепанный, взлохмаченный.

И с блеском беспокойства в изумрудных глазах.

— Лен?

Хмурюсь и трясую головой. Стараюсь вернуть четкость изображения. Утираю рот попавшимся под руку бумажным листом. Все это так отвратительно, что тошнота наваливается снова. Бутылка воды находится совсем недалеко на полу. Дотягиваюсь и жадно пью.

Опираюсь на стену и встаю на ноги. Пошатываюсь на неустойчивых шпильках.

Молчаливая тень Шершнева подхватывает меня под локоть, возвращая твердость. Рука исчезает, стоит мне выпрямится, словно прикосновения и не было.

В голове гудит. Понимаю только, что истерика прекратилась так же быстро, как и началась.

Не здесь. Мне нужно домой.

Медленно оглядываю кабинет. Он похож на поле битвы. Цепляюсь взглядом за лежащий у стены стул, скольжу по перевернутому креслу. Мельком отмечаю, что нужно не забыть попросить внепланово вызвать ребят из клининга. Еще только середина рабочего дня — он может кому-нибудь понадобится.

Останавливаюсь на кроваво-красном пятне на белой рубашке.

Павел сидит на столе, запрокинув голову и не позволяет дальше капающей крови стекать на его дорогой костюм. Я хорошо его помню. Мы вместе покупали. Я сама лично повязывала галстук в примерочной.

Так странно. Раньше все это значило много.

А теперь совсем ничего.

Я выпрямляю спину и поправляю блузку. Тонкая ткань никак не хочет заправляться, а оторванные на груди пуговицы открывают отвратительные красные пятна.

Не сейчас. Моей выдержки не хватит на долго.

Плюнув на пуговицы, я завязываю блузку и подбираю с пола пиджак.

— Это ты его? — поворачиваюсь к потирающему челюсть Шершневу, что стоит за моей спиной.

словно я куда-то убегу. Или Паша рискнет хотя бы дернуться в мою сторону.

Шершнев молчит и отворачивается.

Ответ мне не нужен. Он был написан на его лице.

Все это, конечно, очень благородно. И завтра я буду очень рада, что Шершнев оказался рядом. Но сейчас я не чувствую абсолютно ничего.

Подхватив один из разбросанный по полу чистых листов, я вынимаю из сумки ручку. Затем поправляю пиджак и уверенным шагом оказываюсь возле Паши.

Кладу находки на стол и прижимаю к полированной поверхности.

— Если ты вдруг своей больной головой надумаешь доложить в министерство труда,

рассказать о произошедшем хотя бы одной живой душе или окончательно тронешься и пойдешь в полицию — я тебя размажу, понял?

Паша недоуменно смотрит то на меня, то на лист бумаги.

— По-моему у тебя поводов пойти в полицию больше, — выдает он и болезненно морщится. — Не буду я заявлять на Шершнева, я же не больной.

Вздыхаю и равнодушно киваю. Плевать на все.

Внутри такая тишина, что хоть волком вой.

Пустота, что распирает изнутри. Вот-вот взорвусь.

А Паша подносит к лицу руки и растирает покрытую кровью кожу. Сейчас замечаю. Разбитую бровь, пунцовый синяк на скуле. И повернутый неестественным образом нос.

Досталось.

Только мне от этого не горячо, не холодно.

— Лен, я не хотел. Я знаю, что ты не простишь, но...

— Сейчас я не буду заявлять на тебя только из уважения к отцу и Шершневу, — обрываю и нервно обнимаю себя руками и тру предплечья, разгоняя вернувшуюся дрожь. — Они не заслужили полосканий имени компании. Финансовый директор — насильник. Это перебор.

Паша смотрит на лист бумаги и тянет пальцы к ручке.

— Бывший финансовый директор, — говорит он, а скрежет стержня по гладкому листу вызывает приступ мигрени.

Сжимаю виски пальцами и судорожно сглатываю.

— А это не важно. Для репутации одинаково, — гул в голове нарастает и я отшатываюсь от стола в сторону. — Будь другом. Придумай сам что-нибудь для HRов. Чтобы у Олега Константиновича потом с Наташей лишних конфронтаций не было. Им еще на пару мне нового шефа искать.

— И клининг вызвать не забудь, — раздается из-за спины.

Пиджак Шершнева ложиться мне на плечи теплой успокаивающей волной. Он кутает меня в него, словно в одеяло.

Запахиваюсь сильнее и втягиваю знакомый запах.

— Я позвоню тебе, — Паша поднимает глаза, но смотрит мне за спину. — На счет махинаций.

— У тебя созрело чистосердечное? — рычит Шершнев мне в затылок.

Павел Андреевич тяжело вздыхает, а я жмусь к Шершневу, как к единственному источнику тепла.

Зачем все эти обсуждения сейчас? К чему? Неужели нельзя найти времени более подходящего?

Не понимаю. Хочу домой.

— Олег, я этой компании десять лет отдал...

— Не сейчас — обрывает Пашу Шершнев и тянет меня к выходу, словно прочитав мои мысли. — Позвонишь и расскажешь.

Мне кажется, что получается идти вполне прямо и спокойно. Разве что пятки то и дело сползают в бок, да ноги подкашиваются.

До первой лестницы.

Совсем небольшой. Несколько ступенек. Но почему-то меня бросает в холодный пот. Я отступаю назад, но тихое прикосновение на талии усиливается, удерживая меня на ногах.

— Так, ну все, достаточно этого цирка, — внезапно выдыхает Олег. — Сильная и независимая, боже.

А затем одним движением подхватывает меня на руки. Не успеваю и пискнуть, как меня проносят вдоль стола Марго, прямо к лифтам... Только цепляюсь за крепкую шею и упираюсь носом куда-то в ключицу.

— Олег Константинович, — недоуменный голос помощницы Паши летит нам в след. — Тут документы на подпись.

— У меня отгул, — рывкает Шершнева и удобнее перехватывает меня. — Завтра, Рит. Все завтра. Пока займись документами Павла Андреевича. Сегодня все важное нужно подписать.

— А почему сегодня? — сквозь навалившуюся внезапно дремоту доносится полный возмущения вопрос.

— Потому что да завтра может не дожить, — так, чтобы никто не слышал, скрипит зубами Шершнева и нажимает кнопку лифта, а затем теплое дыхание касается моего виска. — Отдыхай. Скоро будем дома, малыш.

— Пей, — Шершневу протягивает стакан с янтарной жидкостью и падает рядом со мной на диван. — Полегчает.

Послушно принимаю бокал двумя руками. Подушечки пальцев холодит, и я без раздумий выпиваю все залпом. Горло обжигает древесный вкус. Жадно втягиваю носом воздух, затем осторожно выдыхаю.

Докатилась. Пью посреди рабочего дня у себя дома.

Спасает только то, что шторы в малой гостиной задернуты и не пропускают свет. Поэтому эта комната и стала моей любимой в доме: уютный камин, потрескивание дров и мягкий диван. Здесь в любое время суток создана атмосфера приятного вечера. Понятия не имею, как Шершневу догадался привести меня сюда.

— Где мама? — спрашиваю, плотнее кутаясь в мягкий плед.

Откуда бы ему знать? Но кажется, что у Шершнева есть ответы на все вопросы.

— Сказала, что сегодня дом в нашем распоряжении, — уклончиво отвечает.

Снова выглядит уставшим. Темные круги под глазами плотно обосновались на коже, а морщины на лбу не уберет ни один косметолог. Его вид почему-то не радует. Помятая рубашка с закатанными рукавами, расстегнутый ворот, опустившиеся уголки губ и руки, которые постоянно растирают виски.

Шершневу вызывает не злорадство, а жальщее чувство беспокойства в груди.

Поджимаю губы и отворачиваюсь. Я жалею его? Недоуменно смотрю на стакан в руке. Похоже, что алкоголь и шок так на меня повлияли.

— Еще бы она тебе перечила, — давлу усмешку и тянусь к стоящей возле дивана бутылке. — Ты же у нас великий спаситель.

— Лена, — желваки на лице Шершнева напрягаются. Наклоняется. — Я решил, что здесь тебе будет спокойнее, а...

— ... Моей маме не стоит видеть меня в таком состоянии, — послушно продолжаю и наклоняю бутылку. — Ты прав. Спасибо.

Шершневу отнимает ладони от лица и смотрит с недоверием. Равнодушно пожимаю плечами. Взгляд скользит к пустому стакану возле него. Приподнимаю бутылку и киваю.

— Я не алкоголичка. Побудешь моим другом на день?

Шершневу недоуменно вздергивает бровь, затем щурится. Мысленно бью себя по лбу, тяжело вздыхаю и закатываю глаза.

«Почему ты такой тугой, Олег?»

— Или пей со мной, или я не стану. Но мои моральные травмы останутся на твоей совести.

Колеблется. Смотрит то на бутылку, то на меня с подозрением.

— Ты же с Воробьевой дружишь, — хмурится и нервно барабанит по стакану. — Она не лучший кандидат на эту роль?

— Шершневу, ты жениться собрался, — смеюсь, глядя в растерянное лицо. — Разговаривать мы, как будем?

— Как все, — бубнит под нос.

Давлю смешок, затем откидываюсь на спинку дивана.

— Во-первых, сейчас Кате хватает своих проблем, — делаю большой глоток из стакана

и морщусь. — Во-вторых, не хочу, чтобы про мою ситуацию кто-то знал. Катя, конечно, никому не расскажет, но зажалееет до смерти.

— А жалость тебе не нужна, — протягивает Шершнева и забирает из моих рук бутылку.

— Бинго, — салютую стаканом. Допиваю остатки, затем прикладываю ладонь ко рту. — Видишь, ты уже справляешься.

Пьем в полной тишине. Я молчу, Шершнева тоже ничего не спрашивает. Но атмосфера не кажется давящей. Наоборот. Под размеренное потрескивание дров накатывает облегчение. В груди тепло то ли от выпитого алкоголя, то ли я, наконец, согреваюсь.

— Я тебя, кстати, вспоминала, — выдаю и, поджав под себя ноги, выпрямляюсь.

От выпитого покачивает, в голове клубится туман. Шершнева усмехается; уголки губ тянутся вверх, а тень от огня в камине дорисовывает горькую улыбку.

Или это игра моего воображения?

— Нет, я серьезно, — икаю и хмурюсь.

Сколько мы выпили?

Шершнева кашляет в кулак, маскирует смех. Обида пронзает тело горячей волной.

Что такое? Я ему тайны рассказываю, а он смеется.

Отбрасываю в сторону плед и подползаю к нему на коленях. Бесстыжие глаза оказываются напротив моих.

— Не веришь?

— Верю, верю, — тянется к почти пустой бутылке и выливает остатки в бокал. — Так вспоминала, что не узнала при встрече.

— О-о-о, — улыбаюсь во весь рот. — Ты обиделся, что ли? Уколело?

Шутливо хлопаю Шершнева по плечу. Его кожа через ткань кажется огненной. Задерживаю ладонь. Он напрягается и крепче сжимает стакан, затем молча тянет ко рту.

Очнувшись, убираю руку и ерзаю на месте.

Неудобно вышло.

— Ладно, чего ты? — дую губы и с удобством устраиваюсь рядом. — Правда вспоминала. Твою группу, и то, как ты на гитаре играл. У тебя талант, в курсе? Кстати! — восклицаю, хватаюсь за него. — А что с музыкой? Играешь?

— Нет, — пальцы Шершнева выскользывают из моей ладони.

Вздыхаю с сожалением, после чего устраиваю голову на его плече. Впервые за долгое время легко и спокойно. И то, что подобное происходит в компании Шершнева, несколько меня не беспокоит.

Вдруг все и правда не так уж плохо?

— Жалко, — поджимаю губы. — У тебя талант.

— Спорное утверждение, — в голосе проскальзывают хриплые ноты. — Относительное.

— Относительно меня, точно талант, — упрямо повторяю. — И прекрати со мной спорить!

— Даже не думал, — вздыхает и крутит пустой стакан в руке.

— Мне всегда нравилось, как ты играл, — мечтательно протягиваю и довольно шурю, когда погружаюсь в воспоминания. — Потому что становился другим. Смотришь, а это словно и не ты. Погруженный, глубокий, неземной. Думала, когда найду дело своей жизни, стану такой же. Слышишь меня?

Недовольно толкаю Шершнева коленом.

— Слышу, — с шипением потирает бок. — Не лягайся только.

— Вот, — чешу нос о его плечо, — сбил меня с мысли.

— Опять я виноват, — трет лоб и зарывается пальцами в волосы.

— Не я же. Сижу, распинаюсь. Хоть слово, хоть половина. Ничего не вытащишь. Что за мужики пошли?

— Спроси что-нибудь, и я отвечу, — тихо говорит Шершнев, и я замираю.

Атмосфера в воздухе неуловимо меняется. Он становится каким-то тяжелым и вязким. Застревает в легких, затем оседает на губах, словно сладкий сироп. Сердце колотится о ребра. Так сильно, что, кажется, вылетит из груди. Унесется за воспоминаниями в прошлое, где все было гораздо проще.

Облизываю губы. Вопрос вертится на кончике языка, но что-то мешает. Страх сталкивается с неуверенностью, горечью оседает внутри. Ладонь скользит по груди Шершнева и останавливается там, где бьется сердце.

Слышу его пульс. Он бьется с моим в безумном ритме, перебивает все вокруг.

— Олег, — Шершнев оборачивается, и изумрудное свечение окутывает меня.

Закусываю губу, когда его взгляд темнеет. Сдерживаюсь, чтобы не отпрянуть.

Он же все сказал сегодня, верно? Я слышала. Никаких чувств. Но почему смотрит так, словно мы вернулись в далекое прошлое?

— Спрашивай, Лен.

Отрезает путь к отступлению. Хочу отвести взгляд, но не могу. Как и в нашу первую встречу после долгой разлуки.

— А ты вспоминал обо мне? — выдавливаю с трудом.

Не знаю, какой ответ мне нужен. Не понимаю. В голове дурман, а внутри разгорается дикое пламя. Шершнев отворачивается, будто желает уйти. Кажется, что сейчас все разрушится. Исчезнет. Вся эта магия момента, что витает в воздухе.

Уверена, что он встанет и уйдет. Скажет какую-нибудь глупость на прощание, потому что с его губ готов сорваться ответ. Но до того, как его произнести, Шершнев вновь смотрит на меня, и все меняется. Время останавливает бег, когда он открывает рот.

— Никогда не забывал.

Кончики его пальцев невесомо касаются щеки, затем исчезают.

— Лен, тебе пора спать, — сурово произносит он. Но взгляд противоречит его словам.

— Как бы не так, — зло шиплю.

Вмиг седлаю его бедра. Придвигаюсь вплотную, обхватываю руками и ногами. Зарываюсь пальцами в волосах и тяну, словно желаю вырвать с корнем. Возбуждение бурлит в венах, спускается к низу живота.

Сталкиваюсь губами с его ртом. Взвизгиваю от восторга, когда чувствую отклик. Шершневу перехватывает инициативу и, содрав с волос резинку, тянет за затылок к себе. Мы ударяемся зубами, раз или два, затем все тонет в волнах восторга.

А потом он исчезает.

Хватаю ртом воздух, точно выброшенная на лед рыба, и недоуменно смотрю на Шершневу. Он закрывает глаза, его мышцы напряжены. Уворачивается от меня, хватается за плечи и сжимает их до боли.

— Лен, это плохая идея, — цедит сквозь зубы.

— А по мне так просто замечательная, — шурюсь и тянусь рукой к его ремню. — Кое-кто здесь со мной тоже согласен. Я же чувствую.

— Лена, — стонет Шершневу, когда моя ладонь накрывает выпуклость под его ширинкой, — ты сейчас ничего не соображаешь.

Обхватывает мое запястье, а я подпираюсь вплотную. Не даю отстранить себя. Прижимаюсь грудью, провожу кончиком языка по шее. От пульсирующей венки к мочке уха. Солоноватый вкус кожи с примесью парфюма ударяет током по оголенным нервам.

Нет, Шершневу. Сегодня мы дойдем до конца.

Не придумав ничего лучше, цепляю зубами мочку.

— Мне и не нужно соображать, — шепчу, оставляю дорожку влажных поцелуев. — Хочу тебя, Олег. Хочу, как никого и никогда. И ты меня хочешь. Теперь заткнись и возьми меня уже.

Замолкаю, потому что неведомая сила мощным рывком подбрасывает Шершневу в воздух. Чувствую крепкие объятия, слышу скрип обивки. Лечу вниз, сталкиваюсь лопатками с диваном, а горячее тело Шершневу накрывает меня сверху.

Больше не сдерживаюсь, потому что он слишком далеко. Тугой ремень поддается быстро, одежда моментально растворяется. Тянусь к Шершневу, выгибаюсь навстречу его рукам. Пара ловких движений, и мои брюки вместе с бельем валяются где-то на полу.

Ладони скользят по рубашке на его груди. С садистским удовольствием хватаюсь за нее, тяну в разные стороны и вцепляюсь ногтями в загорелую кожу. Стук пуговиц по паркету прерывает мой стон. Шершневу замирает только на секунду. Потом накрывает рот своим, прежде чем мы сливаемся воедино.

Его прикосновения сводят с ума. С каждым толчком они ощущаются ярче. Мужские губы и ладони ласкают тело. Больше не в силах сдерживаться. Хватаюсь за Шершневу, как за спасательный круг.

Тону, захлебнусь в бесконечном море оргазма. Зубы впиваются в его кожу, когда по телу проходит финальная судорога. Мы обессиленно скатываемся на пол.

И я безмолвно радуюсь своей победе.

Утро наступает слишком рано под шум крови в ушах. Сквозь треск в голове с трудом фокусирую взгляд на загоревшемся экране телефона.

Пять тридцать.

Со стоном валюсь обратно на подушку и пытаюсь продрать веки. Тянусь и хватаюсь руками за голову.

Что вчера было?

Локоть упирается во что-то твердое. Невольно распахиваю глаза.

Что за новости?

Тяжелая рука ложится на талию и мощным рывком тянет куда-то в сторону. Спина сталкивается с горячей грудью, затем ночной гость зарывается носом в мои волосы и глубоко вздыхает.

— Мы подпишем соглашение завтра, — бурчит во сне Шершневу и крепче прижимает меня к себе.

Изумление и шок разгоняют остатки сна. События прошедшей ночи проносятся в памяти, пока я выстраиваю план бегства. Рваные стоны, безумные поцелуи, крепкие объятия. Потом сильные руки прижимают к груди. Похоже, что Олег отнес меня в кровать. В мою бывшую комнату, которую запомнил.

Как я такое допустила?

Мысленно бью себя ладонью по лбу. Неужели Катя права? И нам нельзя находиться в одном помещении?

Стыд жаром приливает к щекам. Я же на него набросилась.

— На две партии пингвинов, — продолжается сонный диалог.

Прижимаю ладонь ко рту, чтобы сдержать смех. Даже сильные мира сего имеют маленькие слабости. Повинуясь порыву, кручусь в объятиях и оказываюсь нос к носу со спящим Шершневым. Он недовольно морщится, ерзает. После чего сминая ладонью мое бедро и успокаивается, опрокинувшись на спину.

— Да, мадагаскарских, — сдвигает брови и морщится. — Проблемы?

В голове всплывает старая серия мультфильмов. Невольно улыбаюсь. Еще одно воспоминание из прошлого. Кажется, что именно оно сейчас крутится в голове у Шершнева. От этого в груди становится невероятно тепло.

Смаргиваю наваждение и опираюсь на локоть. Длинные ресницы дрожат. Прошлый сон сменился на что-то новое. На лбу с тонкими полосками морщин проступает испарина. Выступающие скулы окрашиваются в розовый цвет. Темноволосая голова дергается на подушке.

Неожиданно для себя прикладываю ладонь к его щеке, затем успокаивающе глажу. Шершневу прижимается ближе, хватается за руку и тянет на себя. Очнувшись от наваждения, дергаюсь в сторону, чтобы вырваться из непрошенных объятий.

— Любимая, — морщится и мягко шепчет, пронзая словами до дрожи. — Малыш, ты куда?

Соображаю, откуда взялись шипы, которые до крови царапают горло.

Без чувств, Шершневу?

Догадка поражает в момент, когда Олег снова пытается заключить меня в объятия.

Действует, словно холодный душ и больно ранит сердце.

У Шершнева кто-то есть. Или был. Кто-то, с кем он больше не вместе: то ли из-за личных установок, то ли другим причинам.

Поэтому он вчера мне отказывал?

Теплые объятия больше не кажутся уютными. Постельное белье колется, запах перегара жалит обоняние. Выкручиваюсь из кокона рук и свешиваю ноги. Судорожно ищу признаки хоть какой-нибудь одежды.

В этой комнате я не живу с момента, как окончила институт. Она теперь используется, как место для прислуги.

— Куда ты? — Шершнева кашляет, и я оборачиваюсь.

Олег садится и трет лицо, затем оглядывается вокруг. После чего поворачивается ко мне и с ожиданием приподнимает бровь.

— Пить хочу, — выдаю первую мысль, которая приходит в голову. — Могу и тебе принести.

Шершнева хмурится и смотрит на меня в упор, будто пропускает через рентген. Трясет головой со взъерошенными волосами. Потом, словно приняв какое-то сложное решение, подается вперед.

А я отодвигаюсь и тяну одеяло на себя. Инстинктивно прикрываю грудь. Жест не остается незамеченным. Он замирает. Взгляд припечатывается к моему кулаку, который крепко сжимает плотную ткань.

— Буду благодарен, — уголок рта Шершнева дергается, когда я отвожу взгляд. — Мне отвернуться?

— Какой ты догадливый, — бросаю в ответ. — Чем быстрее сделаешь, тем скорее получишь воду.

Он зло усмехается, затем натягивает одеяло и отворачивается.

— Ясно. Давай быстрее. Голова лопнет сейчас.

— Потерпишь, — недовольно цыкаю. — Нечего меня спаивать.

Голос Шершнева застает меня на пороге комнаты.

— Тебе ночью Лазарев звонил.

Останавливаюсь, как вкопанная. Оборачиваюсь. Шершнева лежит, укрытый одеялом по самую макушку. По нему ничего не поймешь. Страх оплетает липкой паутиной. Вцепившись в дверной косяк, глубоко вздыхаю. Стараюсь, чтобы голос звучал спокойно.

— Что сказал?

— Я не ответил.

Облегчение накатывает волной. Надо позвонить Жене. Особенно после всего случившегося. Добыл интересную информацию про махинации или выяснил насчет акций. Еще не помешало бы узнать о возлюбленной Шершнева.

От мысли о той, кого он звал во сне, становится дурно.

Теперь наш план претерпит изменения. Я пустила Шершнева туда, куда не следовало.

— Лен.

Замираю, когда слышу его голос.

— Что? — шиплю и сглатываю.

Скорее бы почистить зубы. Это все, что меня беспокоит сейчас. К черту девушку.

— Лазарев, — Шершнева прочищает горло и выглядывает из-под одеяла, — у вас с ним что-то есть?

Хлопаю ресницами. До меня не доходит смысл вопроса. А он закатывает глаза, затем поправляет одеяло.

— Отношения, — морщится и потирает кончик носа. — Раньше. Не знаю. Неважно. Ты поняла. Вы спали?

Отворачивается к окну, и на лице замирает нечитаемое выражение. На кончике языка крутится один-единственный ответ. С Лазаревым у нас никогда ничего не было и быть не могло. Парень подруги — запретная территория.

Но тут в голову лезет брошенная сквозь сон фраза.

«Любимая».

Злорадно шурюсь и смахиваю волосы с плеч.

— Наши отношения тебя не касаются, — равнодушно отвечаю и, высоко задрвав подбородок, покидаю комнату.

Утренняя рутина быстро приводит меня в чувство. С тревогой кошусь на телефон. Лазарев не перезванивает, а самой звонить в такое время неудобно. Хотя на моей памяти Женья или работает, или с Катей...

Или пьет.

Когда он умудрялся ей изменять, до сих пор остается загадкой.

В отличие от нас у ребят отношения были нормальными. Один детский сад, школа, университет. Мама Кати много лет помогала по хозяйству Александру Самуиловичу после ухода его жены.

Следила за Женей, как за собственным сыном.

Всем казалось, что они с Катей проживут бок о бок до гробовой доски.

Но я хорошо знаю подругу. Она скромная и часто довольствуется малостью, поэтому не разводит скандалы на пустом месте. Да еще такие серьезные. Уже три месяца прошло с разрыва, а она по-прежнему к нему не вернулась.

Я считала, что через пару недель самостоятельности Катя сдастся. Для нее подобные вещи — слишком кардинальная смена в жизни. Неприятно осознавать, что думала о подружке хуже, чем она есть.

Но дни превращались в месяцы, а она с упорством муравья выстраивала свою новую жизнь по кирпичику. Пока Лазарев давал ей время на раздумья, Катя вымела остатки воспоминаний о нем из сердца и завела новые отношения.

«Сергей Воробьев, владелец сети клиник детской нейрохирургии. Не сильно разбираюсь во всем этом. Неважно. Она все равно вернется ко мне».

Лазарев рассказал об этом внезапно. Поддался порыву, показал целое досье. Он узнал о нем все: где живет, с кем спит, сколько у него пациентов и какого цвета волосы у санитарки ночной смены.

Достал даже информацию о его погибшей жене.

«Жаль, Лен, что детей у них не было. Тогда все стало бы проще. Голодные до денег наследники сыграли бы мне на руку».

От воспоминаний ежусь и, подхватив емкость, наполняю водой кофемашину. Тогда во взгляде Лазарева промелькнула искра безумия, отчего мурашки табуном помчались в кругосветное путешествие. Как при просмотре фильмов ужасов.

Лазарев заметил. Мою реакцию. Рассмеялся и очень быстро сменил тему. Но я уверена, что в кошмарах увижу этот одержимый блеск, застывший ледяной коркой на его аквамариновых радужках.

Трясу головой и тянусь за кофе, только пакет с зернами стоит пустой. Разочарованно вздыхаю. Скоро здесь не останется ничего привычного. Понимание сего факта доставляет дискомфорт.

Помню, как радовались родители, когда выбрали этот дом. А теперь все исчезает.

Разочарованно плюхаюсь за барную стойку и щелкаю чайник.

— Кофе нет? — бурчит Шершневу, оказавшись на пороге.

В одних брюках и без рубашки, растрепанный и потирающий глаза, он совсем не выглядит грозно. Наоборот. От его вида становится спокойнее.

Пожимаю плечами и тянусь за чашкой, которая на полке над моей головой. Шершневу

сонно потягивается и разминает плечи с красными следами от моих ногтей и зубов. Поджав губы, делаю вид, будто меня занимает материал, из которого сделан сервиз.

Более неловкой ситуации на всем белом свете не сыщешь.

— Как твое моральное состояние? — Шершневу поворачивается ко мне спиной и распахивает шкафчики. — Где у тебя чай?

— Третий слева, — равнодушно бросаю, а взгляд намертво припечатывается к обтянутым кожей мышцам на его спине. — Или справа.

Шершневу хорошеет собой. Есть ли криминал в том, что я получаю эстетическое наслаждение от его вида? Он же мой будущий муж. И сейчас с любопытством разглядывает полки и крутится на кухне, словно красуется.

Раздражает.

— Прекрати копошиться, — недовольно скриплю ногтем по столешнице. — Еще бы в трусах выперся. Бесишь.

— Потерпишь, — усмехается Шершневу и тянется выше. — А сказала, что кофе нет.

Оборачивается с видом победителя, зажав непечатую пачку. Недовольно шикаю и обреченно смотрю на вскипевший чайник.

— А я чай хочу.

— Ну и пей свой чай.

Довольно насвистывая, Шершневу заправляет кофемашину, не обращая на меня никакого внимания. Скриплю зубами, заливаю кипятком несчастную чашку и бью ложкой по краям.

Что за человек? С ним же невозможно разговаривать.

В полной тишине пьем каждый свой напиток.

— Расскажешь, где мама? — отодвинув в сторону ненавистное пойло, сверлю взглядом витающего в облаках Шершневу. — Дома ее до сих пор нет.

Пожимает плечами, затем выныривает из собственных мыслей.

— Банк попросил ее освободить дом для просмотра новым хозяевам, — кидает равнодушно и осушает чашку. — Зря от кофе отказалась. Вкусный.

Хмурюсь и недоверчиво смотрю на Шершневу. Хоть бы бровью повел. Но нет. Стоит себе спокойно. А до меня, наконец, доходит смысл сказанных слов.

Возмущение горячей волной бьет фонтаном по венам. Сжимаю кулаки и подскакиваю с места.

— Ты выкупил дом?! — кричу в невозмутимое лицо.

— На него нашелся покупатель, — отставляет чашку в сторону. — Времени ждать твоего решения не осталось.

Трясет от того, как он спокойно говорит о покупке дома.

В груди клокочет обжигающая ярость. Разлетается по всему телу. Жалит пальцы.

Так и хочется вцепиться в невозмутимое лицо.

— Почему ты такой? — выдаю со стоном, прижав ладони к щекам. — Что с тобой не так, Шершневу?

— Со мной? — бровь удивленно летит вверх. — Лен, ты себя слышишь?

Массирую пальцами веки, глажу виски.

Хочу убежать. Подальше от всей его холодности.

Он никогда не поймет, как я себя чувствую.

Это бесполезно.

Трясу головой и разворачиваюсь на пятках.

— Я понимаю.

Его голос, приглушенный и какой-то далекий, парализует. Заставляет замереть и обратиться в слух. Это настолько неожиданно, что вводит в ступор.

— Ты думаешь, что тебя загнали в угол, — выдает Шершневу и тяжело опускается на высокий стул.

Немое приглашение к диалогу я, к собственному удивлению, принимаю не колеблясь ни секунды. Моя злость куда-то испаряется в момент, когда я усаживаюсь напротив.

Уступает место осторожности и лучу надежды.

Если он поймет и не будет давить — то все выйдет гораздо проще.

Шершневу складывает на столе руки и сцепляет их в замок.

— Ты — мой руководитель, — поджав губы, глажу столешницу. — Теперь мы вместе работаем, — усмехаюсь и поправляю складки халата на коленях. — Мы живем вместе. Стоило приехать в больницу к отцу — оказалось, что и там — ты. Да, я чувствую себя загнанной. Я пришла к тебе сама, да, но...

— ... Потому что у тебя не было выбора.

Останавливаюсь и глубоко втягиваю воздух. В носу першит, в горле оседает горечь сказанных слов.

— А теперь еще и дом, — смаргиваю мутный туман перед глазами и нервно облизываю губы. — Слушая, я тоже понимаю. Я не дура. Ты купил этот дом не для того, чтобы окончательно запереть меня. Тебе это просто не нужно.

— Но? — иголки зрачков внутри изумрудных радужек буравят меня насквозь.

— Но куда бы я не повернулась, Олег, — везде только ты. А я так не умею, понимаешь? Не чувствую себя в безопасности.

Шершневу кивает и обнимает ладонями кувшин с водой. Отводит помутневший взгляд, смотрит сквозь прозрачную жидкость.

А на меня накатывает облегчение.

Даже если ничего не изменится — эти мысли перестанут меня отравлять. И я больше пойму про Шершневу.

Сейчас его реакция мне не ясна.

Но даже то, как он слушает, кажется мне хорошим знаком.

— Этот дом — твой и твоих родителей, — пожимает плечами Шершневу не отводя

взгляда от кувшина. — Я в нем просто гость.

Разочарованно вздыхаю и тру лоб.

— Олег, ты его купил, — наклоняюсь к Шершневу и касаюсь пальцев на запотевшем стекле кувшина, привлекая внимание.

Олег переводит взгляд на меня, но не дает установить зрительный контакт. Смотрит куда-то в сторону.

А меня посещает странное чувство.

Он растерян?

— Это много значит, понимаешь? — подаюсь вперед и нервно облизываю губы. — Понятно, что родители и я будем крутиться, как это возможно, чтобы выкупить его у тебя, но сколько на это уйдет лет?

Шершневу молчит. Хмурится и стучит пальцами по кувшину.

А мое сердце замирает.

Взгляд сам скользит по изящным длинным фалангам, а к лицу невольно приливает жар.

Слишком свежи воспоминания о том, что он ими вытворяет.

Невовремя.

— Ты чувствуешь себя заложницей? — голос Шершнева выводит из ступора.

Щурюсь. Прогоняю слова в своей голове, пробую на вкус.

Они словно не отражают всего.

— Скорее загнанным зверем, — вздыхаю и убираю руки.

— На тебя никто не нападает.

— Знаю, — поспешно отвечаю и часто киваю. — Олег, я и не говорю, что ты нападаешь. У нас сделка, все верно. Я все помню. И благодарна тебе за помощь...

— Неужели, — бормочет себе под нос Шершневу, а я с трудом сдерживаюсь, чтобы не прервать свою вдохновенную речь.

— ...И за дом тоже. Я рада, что отцу будет где восстанавливаться, а маме не придется никуда уезжать. Только мне бы хотелось, чтобы это место продолжило быть моим домом, — Шершневу удивленно округляет в глаза. — Не в смысле жить, нет. В смысле, чтобы я знала, что это родительский дом. Родовое гнездо, не знаю, — всплескиваю руками в попытке объяснить.

— Что сейчас ему мешает быть родовым гнездом?

— Это грубо прозвучит, Олег. Но как есть, — набираю в грудь побольше воздуха и выпаливаю на одном дыхании. — Я хочу, чтобы ты к этому дому не имел никакого отношения.

— Ну так давай я заберу залог, — Шершневу пожимает плечами, а я со стоном поднимаю голову. — И делайте со своим домом что хотите.

Невозможно.

И почему мне показалось, что мы сможем договориться?

Все рушится. Снова перед глазами маячит этот тупик.

А самое плохое то, что построила его я себе сама.

Ведь согласись я на самом деле на предложение Олега, без попыток найти способ от него бежать — все было бы иначе.

— У каждого есть место, в котором можно укрыться от всего мира. Даже от себя самого, — бормочу, не особо во что-то веря.

Больше на эмоции.

Все предельно понятно. Шершневу прав, даже я это понимаю.

Тяну колени к себе. Прижимаю к груди и обнимаю, пытаюсь заполнить вновь возникшую внутри пустоту.

— Ты и так сделал много, — выдаю, уткнувшись лбом в колени. — Гораздо больше, чем должен был. Не надо ничего забирать.

Шершневу ходит практически беззвучно.

Это я обнаруживаю внезапно. Когда его пальцы приподнимают мой подбородок.

Заставляет смотреть в глаза.

Всматриваться сквозь серую дымку в изумрудный омут, сводящий с ума.

— Я не собираюсь сюда заявляться, как к себе домой, — спокойно говорит он, а я шмыгаю носом.

— То, что мы здесь сегодня — твое состояние вчера, а не мое желание оценить новые владения. Я уже говорил — это дом твоих родителей. Я даже не знаю, где у тебя здесь кофе, — легкая улыбка скользит по его губам, мгновенно преображая лицо.

Словно лет десять потерял.

А я ведь и забыла, что мы практически ровесники.

За вечными костюмами и сведенными бровями сложно не ощущать несуществующую на самом деле разницу.

— Только ты его в итоге нашел, — хитро прищуриваюсь и улыбаюсь в ответ.

Шершневу вздыхает и наклоняется ниже, обдавая меня ароматом геля для душа.

— Что ты еще подразумеваешь под словами «не имел никакого отношения».

Улыбка сама сползает с лица, когда до меня доходит смысл вопроса. Шершневу смотрит так, словно вот-вот пригвоздит меня к стулу.

Рой мыслей атакует со всех сторон.

Что еще я могу у него просить?

Понятно, что мне нужно, чтобы Шершневу документально не имел отношения к этому дому. Только как такое заявить? Даже в голове все звучит глупо.

«Прости, милый, а не мог бы ты оформить дом на мою маму. Да, да, без всяких залоговых бумажек. Мы же почти женаты».

— Олег...

Шум в коридоре подрывает нас обоих с места. Какой-то грохот и отборный мат заставляют задуматься о самом плохом.

Только все оказывается еще лучше.

От увиденного мы с Шершневым замираем на месте и переглядываемся.

Посреди прохода, уперев руки в бока, в элегантном розовом костюме с зонтиком наперевес, стоит моя мать и взглядом кровожадного убийцы смотрит на Шершневу. А за ее спиной, с ошалелыми глазами, вылезшими практически на лоб, подает какие-то тайные сигналы зашуганный тощенький полицейский.

— Ну привет, зятек, — шипит она словно натуральная кобра и бросается вперед. — Вячеслав Юрьевич, за мной!

— Ираида Васильевна, — Шершневу вытягивает вперед руки.

Тормозит маму на подлете, ладонями упирается в плечи. Вячеслав Юрьевич умоляюще смотрит на меня, а я не могу отвести взгляд от матери.

Она, смахнув с лица выбившуюся из прически челку, шлепает по предплечьям Шершневу.

В этом жесте столько ярости и отчаяния, что душит и меня. От злости мамы заряжается воздух. Кусает за щеки, вызывая стыд.

Мы спали с ним в доме, пока она сходила с ума.

— А ты меня не трогай! — рывкает мама. — Нашелся хозяин жизни. Будет еще в моем

доме мне указывать, как себя вести!

Едва нахожу силы сдвинуться с места.

Мне отчаянно хочется защитить ее.

И Шершнева.

Губы раскрываются сами, когда ладонь мамы с треском врезается в оголенное плечо Олега.

— Ма...

— Ираида Васильевна, — лепечет Вячеслав Юрьевич.

— Молчать всем! — вскрикивает мама, а мы резко захлопываем рты. — Вячеслав Юрьевич, вы документируете? Он только что меня чуть не покалечил.

— Скорее, наоборот, — неловко мнетя полицейский.

Мама ошарашено открывает и закрывает рот. Оглядывается назад.

В ее взгляде вижу то, от чего щемит сердце. Бессилие. Отчаяние. Оно так явно, что во рту собирается ядовитая горечь.

Она потеряла все, над чем работала вместе с отцом долгие годы.

Плечи мамы опадают. За мгновение от ее ярости не остается и следа. Она горбится, уменьшается в размере, будто шарик, из которого выпускают воздух. Кажется, что она упадет.

Это непременно случилось бы, не окажись Шершнева рядом. Олег подхватывает ее за локоть и усаживает на скрипнувший стул.

На его плече — красный след от ее ладони. Совсем рядом со следами моих ногтей.

Она не могла не заметить.

— Воды, — мама закрывает ладонями лицо и тяжело вздыхает.

— Сейчас, — засуетился Вячеслав Юрьевич. — Вы только не нервничайте, Ираида Васильевна. Олег Константинович человек цивилизованный. Я уверен, что сейчас вы успокоитесь и мы все тихо, мирно решим.

Шершнева на автомате кивает.

Немая сцена затягивается под звуки возни полицейского, стук стакана и шуршание воды.

— Вы будете жить здесь, как и прежде, — твердо произношу я и, помявшись, обнимаю маму за плечи. — Олег купил этот дом для вас...

— Для себя он его купил, — мама делает глоток и кашляет, отставляя стакан в сторону. — Не так скажешь, Олег Константинович?

В ее голосе не слышно ни злости, ни провокации. Он бесцветный и неживой.

Мне хочется схватить ее за плечи и хорошенько потряхнуть.

Где моя мама, что подобно львице бежала меня защищать?

Хочется кричать. Невысказанные слова обжигают горло, кислотой растекаются по телу. Отравляют все нервные клетки. Я чувствую их даже на кончиках онемевших пальцев.

— Не так, — Шершнева смотрит мне в глаза не отрываясь.

Голос Шершнева становится спасительной прохладой.

Я выдыхаю с облегчением и отправляю Шершневу наполненный благодарностью взгляд. Он же так и стоит не двигаясь. Его глаза словно покрываются тонкой дымкой.

Кончик языка скользит между губами и исчезает, стоит ему моргнуть.

Странное ощущение. Я вздыхаю одновременно вместе с ним. Только сейчас понимаю — эти несколько секунд он был предельно напряжен.

Словно принимал для себя какое-то очень важное решение.

— Конечно, — кивает мама и вытягивает на столешнице руки. — Ты же не дом покупаешь, а мою дочь.

Челюсть Вячеслава Юрьевича отвисает, а я давлю внутренний стон.

Еще не хватало, когда Шершневу в хорошем расположении духа, поднимать эту тему перед полицией.

Протестующе машу руками и посылаю Вячеславу Юрьевичу самую очаровательную свою улыбку.

— Мама просто переутомилась. У нас были разногласия с женихом, но теперь все в полном порядке.

Полицейский подозрительно щурится, но я не пробиваема. Сохранить лицо помогают недавние воспоминания. Близость с Шершневым, моральная, физическая. Она мгновенно румянцем раскрашивает щеки.

В конце концов, мы оба стоим на кухне полуголые с явными следами прошедшей бурной ночи.

Именно за них и цепляется взглядом полицейский. Проходится по моей шее, сканирует в профиль стоящего Шершнево.

И смущенно отворачивается.

— Тогда я пойду? — почувствовав неловкость, замялся у выхода Вячеслав Юрьевич.

Усиленно киваю. Для верности, переплетаю наши с Шершневым пальцы. Тепло его ладони действует странно. Вселяет уверенность, добавляет сил. Невольно сжимаю руку крепче, ощутив, как он сжимает мою руку в ответ.

— Дом ваш, — слова Шершнева гулко звучат в тишине.

Я не верю своим ушам. Мама недоуменно хлопает глазами. Мы переглядываемся и с сомнением смотрим на Олега.

— Олег Константинович? — прокашливается мама, прижав ладонь к груди.

За короткие секунды меняется все. Температура воздуха, уровень освещения. Даже улегшаяся на полках пыль словно растворяется.

Он не говорит больше ни слова. Но больше ничего и не нужно. Я вижу, как он смущенно морщится, пытается нацепить ледяную маску. Но ничего не выходит. На бледных скулах проступает румянец.

Пусть Шершнев не идеален, но сейчас я точно могу сказать одно.

Никто и никогда не делал для меня подобного.

Я смотрю на него и словно вижу впервые.

Мой личный волшебник Изумрудного города.

Мама закрывает ладонями рот и всхлипывает.

А я чувствую, как в уголках глаз собираются слезы облегчения.

Между мной и Олегом словно обрушивается стена. Она валится к моим ногам. Растворяется от солнечных лучей.

Звон ее стекал становятся праздничной мелодией чего-то абсолютно нового и неизведанного.

Не в силах сдержать эмоции, я кидаюсь ему на шею.

— Спасибо, — шепчу ему в ухо, уткнувшись носом в ароматные и влажные после душа волосы. — Спасибо тебе большое.

Недомогание сваливается на меня сразу, как только приходит новость о прошедшей операции отца.

Казалось бы, я должна летать на крыльях, что все получилось и скоро закончится. Но как бы не так.

По мне словно проехал танк.

За почти месяц Лазарев звонил еще пять раз, но я так и не набралась сил ни ответить ему, ни перезвонить.

Потому что Шершневу молча, без всяких просьб, вечером того же дня передал маме документы на дом. Все, как я и хотела.

Он оформил все на моих родителей.

На наш с мамой вопрос про деньги, лишь напомнил, что в долг никогда никому денег не дает. А воспринимать свалившееся счастье, как подарок я просто не могла.

Потому что не заслужила. Предала его в самом начале, даже не попытавшись всерьез отнестись к его предложению.

От этого на душе было так мерзко, что каждое утро я решительно поднималась и шла в его комнату, чтобы все рассказать. Но так и не доходила.

У меня язык не поворачивался признаться.

Завтра, завтра. Все завтра.

Только каждый день находились все новые обстоятельства, оттягивающие этот момент. Перенос операции отца, мамин отлет, аудиторская проверка, поиск нового финансового директора, блокировка счетов. И все это при том, что где-то внутри компании по-прежнему сидит крыса.

Не говоря про корпорацию самого Шершнева.

Все наши с Олегом разговоры или сводятся к работе, или крутятся вокруг отца. Что такое выходные я забыла в тот день, когда согласилась сама временно заменять отсутствующего финансового директора.

Мы оба устаем так, что по-моему даже не замечаем присутствия друг друга в одной квартире. Нас там просто нет. Я приползаю к ночи, Шершневу — часто за полночь, когда я уже давно сплю.

Осторожный стук в дверь дергает меня с подушки, но поднять голову я так и не решаюсь. Ведь стоит ее повернуть, как желудок подпрыгивает, грозясь выплюнуть содержимое прямо на пол. Лишь немного меняю свое положение, чтобы видеть дверь

— Входи, — сиплю простуженным голосом и кашляю, приложив ладонь ко рту.

Ворвавшийся в комнату аромат жженой сосны действует подобно успокоительному бальзаму на воспаленной слизистой. С удовольствием втягиваю воздух.

Перед глазами встает образ, как я утыкаюсь носом в отглаженную рубашку и, свернувшись калачиком, засыпаю в теплых объятиях Шершнева.

Жмурюсь, прогоняя внезапный фантом. Это все простуда.

Шершневу уже готов к выезду. В своем сером костюме, что в его гардеробе тысячи. Обреченно кидаю взгляд на часы.

Выехать мы должны были пятнадцать минут назад.

— Ты не едешь? — Шершневу кидает на меня обеспокоенный изумрудный взгляд.

Меня уже не удивляют ни круги под его глазами, ни тонны кофе, что он нещадно проглатывает. Невольно вспоминаю, что отец рассказывал про Олега, а я не верила.

Сейчас я убеждена — их с отцом сделка была по инициативе отца.

Потому что ни один человек в здравом уме просто не вынесет такой объем работы.

— Буду после обеда, — прокашливаю под противный скрежет в горле. — Сейчас приму что-нибудь и приползу.

— Заболела, — констатирует факт Шершневу, а я отрицательно машу головой. — Я

вызову врача.

Закатив глаза, приподнимаюсь с места и скептически смотрю на Олега.

— Из-за температуры тридцать семь и два? Не смейся людей, Шершневу. Оклемаюсь и буду, как штык.

— Не вызову, если обещаешь на работу сегодня не приезжать, дома ноут не открывать и даже о ней не думать, — парирует Шершневу и опускается на краешек кровати.

От его близости становится тепло. Тошнота исчезает, а противный озноб испаряется, стоит мне поерзать и оказаться рядом.

Нет, ну я же болею? А больным все прощается.

Мне просто нужно немного человеческого тепла.

Наплевав на то, что там себе думает Олег, я обвиваю его, уткнувшись носом в бедро. Он напрягается, от чего мое сердце миготом замирает.

Без чувств.

Я уже почти жалею о своем порыве, как вдруг ладонь Шершнева зарывается в мои волосы. Ласкает уставшую кожу, перебивает пряди, вызывая стаю приятнейших мурашек.

Мне кажется, что я могу пролежать так вечность.

Дремота наваливается на веки и я зеваю.

— Обещаю, — недовольно бурчу я и шмыгаю носом. — Если ты вечером мне что-нибудь сыграешь. И придешь пораньше.

Рука Шершнева исчезает. Он ерзает, а затем мягкие губы медленно и нежно касаются моего виска. Я не замечаю, когда Олег успел вытянуться на кровати рядом со мной. Но улыбаюсь приятной ласке.

— Хорошо, — шепчет он, а я утыкаюсь лицом ему в грудь. — Сегодня буду раньше. Если ты этого хочешь.

— Шутишь? — хмыкаю я и обвиваю Шершнева руками. — Мне иногда кажется, что ты создан из железа. Робот какой-то. Если бы я так хорошо не помнила, как ты играл, решила бы, что вот тут, — я приложила ладонь к его груди. — Пусто.

— Ну спасибо, — недовольно сопит Шершневу куда-то мне в волосы.

А я закатываю глаза.

— Просто хочу сказать, что ты слишком много работаешь. Я не понимаю, как ты в принципе все это выдерживаешь. Мой лимит уже исчерпан.

— Скоро станет легче, — пожимает плечами и поправляет мою голову, чтобы не зацепить волосы. — Я тебе говорил, что работать без выходных — плохая идея. Ничего, выйдет новый финансовый директор, вычислим крысу и все. Вернешься в свои спа.

— Да я же не о этом, — шиплю и толкаю Шершнева под ребра. — Я про тебя спрашиваю. Ты когда отдыхать будешь? У тебя вон, в конце концов, невеста молодая тут без ласки может быть сохнет, а ты все на работе.

— Мне перебраться к тебе в спальню? — вопрос звучит шутливо.

Но в голосе Шершнева сквозит что-то неуловимое. Нежное. Как легкое дуновение ветерка оно проходится по коже, щекоча волоски. В груди разливается приятная тяжесть.

— Ты мне сначала сыграй, а потом решим.

Я чувствую, как учащается его пульс. Бьется мне в ладонь барабанной дробью восторга. Дыхание Шершнева опалаяют кожу на моем лице.

Тянусь вперед, навстречу знакомым губам. Кажется, что это лучшее из лекарств.

Только Шершневу, обхватив ладонями мое лицо, целует меня в лоб.

— Мне пора, Лен.

Он поднимается резко, одним рывком. Разочарованно вздыхаю и отворачиваюсь. Кто его там поймет, что в этой голове?

После заряда успокоительных объятий все равно хочется только спать.

С кровати я поднимаюсь после обеда. Ожидание вечера приятно волнует и придает сил. Ощущаю себя ребенком, что учит стишок в преддверии подарков от Деда Мороза. От нетерпения хочется прыгать до потолка.

Шершев сыграет. В этом я уверена.

От одной мысли об этом сердце бьется чаще, а по коже пробегают мурашки. Волшебный голос, волшебная музыка и все это — только для одной меня. Как давно этого не было.

На сегодня я разрешаю себе забыть о чувстве вины. Игнорирую возросшую тревогу и нехорошее предчувствие.

Шершневу сказал — не работать. Вот я и не собираюсь.

Пусть сегодняшней вечер будет волшебным, а с остальным мы разберемся.

Потому что глупо отрицать.

Между нами что-то происходит.

Чтобы не говорил Шершневу, его действия диктовали обратное. Взгляды, случайные прикосновения, наполненные электрическими разрядами.

Мне это не приснилось.

Я, как минимум, ему нравлюсь. Да и он не совсем соответствует образу монстра, созданному в моей голове.

А значит у нас есть шансы.

И сегодня я планирую сдвинуться с мертвой точки под названием «без чувств».

На приготовления у меня всего пара часов.

Распахнув дверцу холодильника, внимательно изучаю содержимое. Последнее время мы едим вне дома, поэтому пустота полок не удивляет. Открыв приложение доставки на телефоне, накидываю короткий список продуктов для легкого ужина на двоих.

Уж пасту с креветками в сливочном соусе я точно осилю приготовить.

В баре не без труда откапываю бутылку шампанского. Количество алкоголя на минуту вводит меня в ступор.

Никогда не видела Шершневу пьяным дома.

Да и когда ему пить, если он работает круглосуточно?

И все же нехороший червячок где-то буравит подкорку мозга.

Нужно это обсудить.

Напевая себе под нос, мчусь в ванную.

На волнах вдохновения решаю даже не укладывать волосы — оставляю висеть мокрые пряди, лишь хорошенько пройдясь по ним полотенцем. Сегодня не хочу никакого пафоса. Легкий мейк, потертые веками джинсы и белые носочки с поллюбившимися мне тапочками. Загвоздка выходит только с верхом.

Чтобы я не примерила, это или слишком открыто, или слишком нарядно. Или слишком... слишком. Добрый час я трачу на то, чтобы с перерывами на готовку, перебрать весь свой гардероб. Пока мой взгляд не падает на футболку Шершневу, что я вытянула из стирки для того, чтобы встретить курьера.

Не долго думая, я выбираю такую же, белую, среди тщательно выглаженных и довольно люблюсь собой. Она достигает мне середины бедра и гораздо сексуальнее смотрится на голом теле, но мне нужно не это.

Я словно хочу вернуться в то время, где еще не обидела Шершнева.

Хоть паста с креветки в это никак и не вписывались, как и квартира вместо обшарпанной комнаты Олега в общежитии или доисторической студии звукозаписи. Зато все остальное было вполне в точку.

Набравшись смелости, я залезаю в гардероб Олега и после тщательных поисков, выуживаю черную потрепанную футболку с какими-то странными символами и такие же джинсы. Я готова поклясться, что они сохранились с тех самых времен.

И от этого окончательные сомнения развеиваются.

Он наденет.

— Значит, переехать в мою спальню? — говорю я и задумчиво зависаю в коридоре. — А почему бы и нет!

Устроить ужин прямо на полу уже не кажется мне авантюрой. Добыть свечи не составляет труда — у меня свои из запасов. Довольная результатом своих трудов я потираю руки.

Как по мне, так все вышло очень уютно. Не хватает лишь гитары, но ее, хоть я и отыскала висящей на кронштейне в комнате Олега, в руки я взять не решилась.

Это слишком личное.

Гораздо более важное и интимное, чем нижнее белье.

Даже при одном взгляде на нее мне стало не по себе. Настолько, что я даже подумала все отменить. Но вовремя вышла из комнаты.

Из размышлений меня вытаскивает настойчивая вибрация телефона.

От имени Лазарева на экране желчь поднимается в горле.

Решившись, я таки подношу смартфон к уху.

— Ну что, красавица, — словно я не игнорировала его звонки последний месяц, весело выдает Женя. — Танцуй.

Желудок моментально сжимается, а перед глазами пляшут цветные пятна. Я опираюсь ладонью на косяк и с силой жмурюсь.

— Жень, тут такое дело, — проглотив горькую слюну, жмусь спиной к косяку.

— Слава яйцам! — восторженно вскрикивает Лазарев, а внутри все холодеет. — Ты поняла, что Олежа — любовь всей твоей жизни, и вы пошли плодиться и размножаться?

Он говорит это весело, но как-то странно. В его голосе слышно облегчение, но при этом проскальзывает нечто, напоминающее его отца. Жуткое. Липкое. От чего хочется забиться куда-нибудь подальше в угол.

«Ты поняла»

— Я думаю, что мы можем найти общий язык...

— Ты его любишь?

Смысл вопроса сбивает меня с ног.

За прошедший месяц мы толком и не разговаривали. О какой любви может идти речь? Разве что-то изменилось?

Сердце замирает, испарина покрывает лоб.

Да, мне приятно с ним находится. И в юности было так. Тогда между нами стояли мои взгляды на жизнь. Сейчас...

Судорожно втягиваю носом воздух.

Меня всегда к нему тянуло и тянет до сих пор.

Голова раскалывается. Трясу ей, выбиваю бессвязный поток.

Шершнева все еще Шершнева. Человек с горой тайн, деньгами вместо сердца и холодным расчетом.

А мне нужно совсем другое.

Вспотевшая ладонь липнет к разогревшемуся до максимума телефону.

— Я, — во рту окончательно пересыхает, а язык липнет к небу. — Нет, не в этом дело. Мне кажется, что мы сможем выстроить партнерские отношения. Любовь же — это не главное.

— Лена, — внезапно резко рубит Лазарев, а я замираю. — Он был и всегда будет моим другом. Если ты не можешь ответить на простой вопрос — тогда оставь его в покое. У меня есть то, что без ущерба для него, тебя освободит.

Мираж казалось навеки потерянной свободы вновь показывается на горизонте и призывно машет хвостом.

Поджимаю губы. Цепляюсь зубами за омертвевшую кожу.

Это подло. Это очень подло.

— Ты еще думаешь? — внезапно смеется Лазарев, а кожу облепляет ледяной холод. — Жесть, Лена. Зря я думал, что у тебя глаза откроются.

— Да пошел ты! — рывком в трубку, сомкнув трясущиеся пальцы. — И все, что нарыл, знаешь куда засунь себе? Мораль мне тут читает. Ты изменял мой подруге, святоша, забыл?!

Лазарев тяжело дышит. Каждая секунду жду, что сорвется. Слышу сдерживаемые крики так явно, что стучат барабанные перепонки.

С Лазаревым что-то не так.

Поджимаю губы. Сожаление о собственной резкости тянет в груди. Мы с ним оба не святые. И уж я точно не имею права его осуждать.

— Жень...

— Расскажи ему все. Иначе это сделаю я, — обрубает Лазарев. — Время у тебя до полуночи.

— Я расскажу ему все сегодня же, обещаю, — сжимаю трубку до посинения пальцев.

Он сбрасывает вызов. А я все еще стою с телефоном в руках, когда в двери звенит ключ. Каждый поворот замка отпечатывается черными кляксами на сказочной картине моего вечера. Уродует его, превращает в ничто.

Так и встречаю Шершневу. Бессмысленно глядя в пустоту перед собой. Чувствую себя разбитой, раздавленной.

Словно через лист кальки разглядываю его. Анализирую каждое движение. Улавливаю удивленный взгляд при виде меня в коридоре. Замечаю тень улыбки, что тут же исчезает, стоит ему отвернуться.

Неторопливо снимает пальто. Холодный запах осени проникает в легкие, когда он ерошит влажные волосы.

Я должна ему сказать.

— Выглядишь болезненно, — ладонь Шершнева оказывается на моем лбу, обжигая кожу

холодом. — Хуже?

Машу головой и отстраняюсь. Внутри сразу становится пусто. Все ожидание вечера испаряется. Чувствую себя золушкой в 23:59.

Меня трясет. Обнимаю себя руками и умоляюще смотрю на Шершнева.

Будто он может с этим помочь.

Пронзающий блеск острых изумрудов сканирует меня. Отворачиваюсь, едва сдерживая дрожь.

Я не понимаю, как о таком говорить.

— Олег, мне надо что-то тебе сказать, — лепечу крепко зажмурившись.

Это так глупо. Второй раз в жизни я не могу посмотреть человеку в глаза. Смело выдать все, что хочу.

И второй раз — это снова он.

Может быть потому что я совсем не хочу это говорить?

Перед глазами вновь проносится злосчастная вечеринка. Мои слова вновь звучат в ушах.

И сегодня в разы больше, чем обычно.

При попытке открыть рот, челюсть сводит болезненной судорогой.

— Вкусно пахнет, — выдает он, а я ошарашено распахиваю глаза. — Слушай, я голодный, как волк.

Шершневу рывком ослабляет галстук. Резко скидывает пиджак на тумбу. Его движения дерганые, напряженные. Он делает вид, что все в порядке.

Но сам уходит разговора.

Словно знает, что после моих слов все закончится.

Но у меня же еще есть время?

Поджимаю губы, до боли впиваюсь ногтями в кожу.

Все это не честно, не правильно.

Но я очень хочу провести этот вечер с ним.

— Ты обещал сыграть на гитаре, — вскидываю подбородок и смотрю с вызовом. — Я приготовила ужин и накрыла в моей спальне.

— И моя кухня еще цела? — язвит Шершневу, хитро прищурился.

Закатываю глаза. Что за невыносимый мужчина.

Махнув рукой, отворачиваюсь и решительным шагом отправляюсь в спальню. Слышу, как Шершневу идет следом. Ощущаю его присутствие всем телом.

И от этого на лице невольно расплзается улыбка.

Я останавливаюсь только на секунду, перед самой дверью.

— Стоп, — круто разворачиваюсь на пятках.

Шершневу тормозит и едва не теряет равновесие. Его ладонь впечатывается в стену за моей спиной. В нос бьет знакомый запах, а зеленые отблески глаз в тусклом свете коридора опаляют лицо. Тело мгновенно предательски наполняется ватой.

С трудом нацепляю на себя серьезный вид. Получается плохо, так как Шершневу давит смешок.

— Это закрытая тематическая вечеринка. В костюмах и без гитары вход воспрещен.

— Ну и какая тематика?

— Не важно. Твоя одежда готова. На подготовку у тебя пара минут, а то я одна все съем.

Олег заходит в комнату очень быстро. На миг мне становится стыдно, что даже не дала времени ему принять душ. Но это чувство пропадает, стоит посмотреть на него.
.К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Вздохмаченный, но все такой же серьезный, в старой одежде, он выглядит так знакомо и мило. В груди щемит от предвкушения, когда он пускается рядом и кладет гитару.

— Я не играл тысячу лет, — бурчит Шершневу и тянется к тарелке.

— Угу, — бурчу, запихивая очередную порцию спагетти.

— Уже ничего не помню.

С набитым ртом киваю головой, стараясь сдержать рвущийся наружу смех.

— Я чувствую, как ты ржешь, — бубнит Шершневу и смешно морщится.

С трудом проглатываю все, едва не подавившись от разрывающего меня хохота.

— Это плохая идея.

— Тогда отдай тарелку, — наигранно грозно выдаю я и тяну руку. — За что кормить тебя, троглодита?

— За то, что я такой красивый?

Шутливо выгнутая бровь доводит меня до истерики. Содрогаясь от смеха, я валюсь на пол, несколько не стесняясь своего ребячества.

Перед таким Олегом мне не стыдно. Дурачится, шутить. Быть собой.

Словно долгие годы меня сдерживали тяжелые оковы. А сейчас они разорвались, стоило Шершневу переступить порог комнаты.

— Я даже не знаю, что исполнить, — где-то через полчаса выдает Шершневу.

На дне его тарелки давно ни крошки. Пузырьки от шампанского уже успели сделать свое дело. В голове приятная легкость после выпитого бокала.

Пожимаю плечами.

— А как ты делал это раньше?

Шершневу задумчиво тянется к гитаре и устраивает ее на коленях. Старенькая акустика. Вместо той электронной, что висит у него на стене.

— Раньше я был полон желаний, амбиций и надежд. В юности каждый день нес что-то новое и невероятное. Перед тобой словно весь мир, а ты жаждешь его познать, — Шершневу хрустит шей и осторожно поглаживает пальцами колки.

Грусть в его голосе слышна так явственно. Чувствуются все ее оттенки. От серо-голубой холодной дымки дождя, до желтых солнечных лучей, что придавали этому ощущению ностальгическую теплоту.

— Там не нужно было думать, что играть. Играла сама жизнь. Только успевай записывать и воссоздавать эту мелодию.

— У тебя же все получилось, — обняв колени, удобнее устраиваюсь на мягком ворсе. — Ты можешь получить все, что захочешь. Мне сложно представить, что может быть тебе не подвластно. Это же так здорово, Шершневу. Ты победил эту жизнь.

— Это она победила меня.

Горький смешок вплетается в первый звук, что издают струны. Фальшивый. Я это вижу по знакомому выражению глаз Олега. То, как он наклоняет голову. Прислушивается. Затем осторожно крутит колки и вновь перебирает струны.

Я смотрю, словно загипнотизированная, не в силах оторвать взгляд. Стая мурашек пробегает вдоль позвоночника, когда вижу удовлетворение в глазах Олега.

Ему даже не нужен тюнер, чтобы настроить инструмент.

Абсолютный природный слух.

— Предположим, что есть что-то, чего у тебя не получилось достичь. Разве одна какая-то мелочь сравнится со всем, что ты сделал? Разве она настолько важна, что перечеркивает все остальное?

— Жизнь и состоит из таких мелочей, — Шершневу недовольно морщится и вновь проводит рукой по струнам. — Некоторые более важные, некоторые менее. А какие-то и есть суть и смысл всей жизни.

Первый волшебный звук сливается со вторым и третьим. Олег словно вытаскивает из себя все чувства и материализует их в неповторимую мелодию. Она похожа на все, о чем он говорит.

Воздух словно наполняется неповторимой чистотой горных вершин и морского бриза. Крики чаек и шелест деревьев гармонируют с первым плачем младенца.

И сладким стоном удовольствия, что раздается спустя долгие годы томительного ожидания.

Я перестаю дышать. Волоски на затылке и шеи приподнимаются от происходящей магии момента.

Хочу чувствовать все это. Все и сразу. Историю, которая выходит из-под рук Шершнева. Неповторимую, единственную. Историю момента. Я знаю, что он никогда ее не играл и не сыграет вновь. Это тоже слышно. То, что случается лишь однажды и возможно только здесь и сейчас.

Понятия не имею, как Шершнев это делает, но все мое тело словно растворяется и сливается с этой мелодией.

— Понимаю, — я киваю и жмурюсь от удовольствия. — Есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги. Но ведь они открывают больше возможностей. Если бы не ты — моего отца уже не было в живых, а мы с мамой остались на улице.

— Но несмотря на это, ты все равно желаешь свободы, — в голосе Шершнева скользит улыбка. — Разве ее можно купить за деньги?

— Смотря с какой стороны посмотреть.

— Ты стала более чувствительной, но не утратила своего очаровательного прагматизма, — смеется Шершнев.

Но в мелодии я слышу другое. Вижу, как небо заволакивают тяжелые тучи, а где-то вдали раздаются раскаты грома.

И это так же прекрасно.

— А ты только хочешь казаться циником, а на самом деле остался романтиком, — с легкостью парирую я. — Ты соткан из эмоций и чувств, Шершнев. И так всегда будет.

— Каждый видит то, что хочет, — уклончиво отвечает Олег.

— Ты говоришь, что разочарован в мире, но продолжаешь его ощущать таким, как никто, — парирую я, недовольно заерзав на месте.

Шершнев молчит, но мне слова не нужны. Наш отвлеченный разговор прекрасно поддерживает музыка. Она говорит громче любых слов.

— Знаешь, чем бы ни была та самая мелочь — я думаю ты в итоге ее получишь, — услышав грустные переливы, распахиваю глаза. — Не сдавайся и будь собой.

— Отлично, у меня в квартире завелся Тони Робинс местного разлива.

Я замолкаю и полностью погружаюсь в удивительный мир звуков. Собственные мысли прекрасно с ними гармонируют.

Забываю обо всем. Отец, мама, Катя, Лазарев — все испаряется из моей головы. Сонная дымка заволакивает сознание.

Такое впечатление, что за эти годы я ни разу по настоящему не спала. Крепко и спокойно. И сейчас вся скопившаяся усталость уносилась куда-то прочь, под подушку из

мягкого облака, созданную Шершневым.

— Боже, как же я скучала по этому. Олег, неужели ты сам не видишь, как это прекрасно? — сквозь сон бормочу, подперев ладонью щеку.

— Это просто набор нот, — скептически выдает он.

Но я слышу радостные ноты и улыбаюсь во сне.

— Нет, — широко зеваю и довольню причмокиваю. — Это все ты.

Мелодия заканчивается не скоро. Плавая на ее волнах, я совсем теряю счет времени. В себя прихожу, только когда чувствую нежные прикосновения Шершнева.

— Ты понесешь меня на кровь? — приоткрыв один глаз, крепко обхватываю шею склонившегося надо мной Олега.

— Еще не хватало, — шикает он, но не вырывается из хватки. — Ножками не дойдешь?

— То есть вот так ты бросишь девушку после свидания? — недовольно дую губы, не особо вдаваясь в смысл произносимых слов.

Мне слишком легко. Хорошо и спокойно.

Я не хочу ничего контролировать.

Взгляд сам останавливается на приоткрытых губах Шершнева. Его дыхание щекочет мое лицо, а изумрудный отблеск в глазах сияет безумным голодом.

— Почему ты такая? — шепчет он, а я недоуменно приподнимаю брови.

— Какая?

Уголок его губ дергается, но сдерживаемая улыбка так и не отражается на его лице.

— Сумасшедшая.

Он поднимает меня с пола резко, вынуждая прижаться ближе. От его тела исходит жар, что проникает под кожу. Напитывает кровь, что горячей волной приливает вниз живота. Пульсирует и тянет. Стонет и бьется в конвульсиях.

— Завтра в больницу, — хрипло говорит Шершневу, опустив мою голову на подушку. — Ты горячая.

Его лицо замирает в опасной близости от моего. Едва сдерживаюсь, чтобы не выгнуться навстречу всем телом. Дыхание сбивается, стоит его руке случайно коснуться моей груди.

— Это не от болезни, — едва слышно выдыхаю я.

Не знаю, кого срывает первым. Мы встречаемся посередине. Яростно сталкиваемся зубами, пугаемся в руках. От желания прикоснуться сносит крышу. Это больше похоже на битву, чем на поцелуй.

Противный голос Лазарева из воспоминаний ледяной волной обрушивается на меня сверху.

Я должна рассказать.

— Олег, постой, — пытаюсь увернуться от безумных ласк. — Шершневу, да стой же ты.

— Лена, давай потом, — стонет он в районе моей шеи и прикусывает кожу.

Но несмотря на весь соблазн, расслабиться я не могу.

Весь настрой улетает за секунду.

— Шершневу, да остановись же ты! — рывкаю я и резко усаживаюсь на кровати, столкнувшись с ним лбом.

Он тяжело дышит. Вижу по его вздымающейся оголенной груди. Футболку, похоже, я сняла с него сама. В его глазах утихает страсть, а затем приходит непонимание.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — виновато лепечу и касаюсь его руки. — Это оч...

Незнакомая мелодия взрывается барабанным сетом прямо рядом со мной.

От неожиданности я подпрыгиваю на месте и ошалело оглядываюсь вокруг. Внутри все сжимается в один ледяной ком, а слова застревают в горле. Олег подозрительно смотрит на меня, а затем на имя на экране смартфона.

«Евгений Лазарев».

— Ты знаешь, что он хочет мне рассказать, — без тени вопроса говорит Шершневу.

Он берет телефон в руки, пристально глядя мне в глаза. В изумрудных радужках металлический блеск, а в голосе звенит сталь.

От Олега, который минуту назад был здесь и играл на гитаре, не остается ничего. Он растворяется, как и его музыка, в гуле надвигающегося шторма.

— Да, — киваю, решительно сжав кулаки. — Послушаешь меня или его?

Шершневу зло усмехается и недобро щурится.

Разочарование тысячей льдинок впивается в мою кожу.

Все становится неуместно. Мое присутствие здесь, эта близость. Даже проведенный вместе вечер обращается в фарс.

Шершневу все и всегда делает только для собственной выгоды.

— Лазарев — козел, — Олег тянет телефон к уху и поднимается с кровати. — Но он меня не предавал.

Я отворачиваюсь первая. Чтобы не видеть то, как он идет к двери. Не слышать этих шагов. И не надеяться, что он передумает.

В конце-концов, через пару минут я получу свою свободу.

Тогда почему мне так больно, когда хлопает дверь?

Шершневу — не тот, за кого себя выдает. Вся его наигранная мягкость, все его уступки — это часть плана расчетливого дельца.

Он сделал свой выбор.

Сворачиваюсь клубком, тяну к себе одеяло. Тело пронзает желание подскочить на ноги и догнать его.

Все объяснить. Как я и хотела.

Злость на Шершневу заполняет собой все. Неужели нельзя было просто выслушать? Зачем тогда жить с человеком, которому не доверяешь даже самую малость?

К своему удивлению замечаю, что совсем не злюсь на Лазарева.

Думаю, что с самого начала он задумал все именно так.

Он бы никогда его не предал.

План Лазарева становится понятным, как ясный день. Словно с моих глаз падает плотная штора.

Он дал нам время. Ужиться, поработать вместе. Притереться друг к другу. Ведь не будь у меня какой-то надежды на свободу — я бы так и не пошла на предложение Олега.

И угробила бы своего отца.

И ведь Лазарев оказался прав. Только не во всем.

Этот Шершневу не любит меня.

Я уверена — никакой информации на Олега Лазарев и не искал. Да и зачем? Чтобы Шершневу выгнал меня из дома, достаточно рассказать о нашем договоре.

Ведь я не собиралась исполнять условия сделки с Шершневым. Только ждать, пока

Лазарев найдет способ подставить Шершнева. Делать вид, что у нас все протекает хорошо. И что я в него влюбилась.

Разве после этого Олег сможет поверить в то, что сегодня все было по настоящему?

Глаза странно печет и я осторожно тру их пальцами. Все это бредни. Я просто сама же поверила в свое притворство.

С шумом вздохнув, выдавливаю улыбку.

Все хорошо. Папа жив, дом наш.

А я свободна.

Все остальное — никому ненужные сентименты.

Когда дверь распахивается, я уже складываю в чемодан вещи. Остатки нашего ужина моя рука так и не поднимается убрать.

Но все равно застываю под прожигающим взглядом между лопаток.

— Только. Не. Ори, — чеканю я и тяжело сглатываю слюну.

Она комом распирает пищевод и задевает сердце.

Глухой удар под ребрами выбивает остаток кислорода, когда Шершнев грубо хватает меня за шею и разворачивает к себе. Его пальцы сжимают так крепко, что я морщусь от боли.

Страх накидывается на меня удушающей волной в момент, когда я вижу пылающую ярость в черных глазах Шершнева.

— Мне больно, — как можно более равнодушно говорю я, но чувствую, как дрожат губы. — Отпусти.

— Какая же ты дрянь, Лена, — прошипел он мне в лицо, обдавая волнами гнева.

— Я хотела тебе рассказать! — вскрикиваю я, широко разводя руками. — Но куда там. Ты же никому не доверяешь, кроме своего дружка.

И без того широкие зрачки разливаются, заполняя собой остатки изумрудного обода. Рука на моей шее оживает. Кажется, что еще чуть-чуть и затрещат мои позвонки.

Треск действительно раздается. Только это его суставы. Словно у него уходят все силы на то, чтобы разжать руку.

— Ты — чудовище, — скрипнув зубами, пячусь назад к спасительному чемодану.

— Ты была готова меня кинуть под нож конкурентам, завладеть акциями других моих компаний? Подставить, может и посадить? Уничтожить дело всей моей жизни, нося при этом лицо влюбленной дурочки? — Шершнев смеется и хлопает себя ладонью по лбу. — Так может и махинации твоих рук дело? Умело убрала с пути Павла Андреевича, села на кресло финансового директора? И я после этого чудовище?

— Я бы никогда не причинила вред компании отца! — рявкаю я.

— Компании твоего отца больше нет! — рычит Шершнев и я вновь отступаю. — Ты ее разрушила, до тебя это доходит? Пока еще это моя компания. Моя и Лазарева судя по всему? Твои же тридцать процентов уходят ему, верно? В момент, когда за твою свободу ты обещала передать свои акции их холдингу ты не подумала о своем отце? Ты хотя бы на секунду своей маленькой головой прикинула, а зачем им эти тридцать процентов?

— Олег, — внутри меня что-то обламывается и я оседаю на край кровати.

— Так вот я тебе расскажу, — Шершнев тяжело приваливается к стене и трет лоб. — У меня их было пятьдесят пять. Но для покупки вашего дома, я посоветовался с твоим отцом и продал пятнадцать процентов Лазареву старшему. Даже с сорока процентами — у меня оставался контрольный пакет. У твоей семьи, Лена, оставался контрольный пакет. Но теперь

у Лазаревых сорок пять процентов.

С громким стеклянным треском выстроенные хрустальные замки падают на пол, оседая зеркальной пылью.

Олег бьет в точку. Я и на секунду не подумала, что Лазарев может использовать ситуацию так. Женя, искренний, заботливый. Любящий Олега. Он бы не отобрал у негс компанию.

Он не мог так поступить.

— Но ты же остаешься в управлении компанией...

— Лена, милая, до тебя не дошло еще? Даже если я остаюсь — у тебя ноль. Ноль. Ты разрушила финансовое будущее своей семьи, дорогая, — усмехается Шершнева и наклоняется вперед.

— Мы же можем не допустить эту сделку? — лепечу я одними губами. — Я не должна эти тридцать процентов Лазареву, если мы не расстанемся.

— А зачем? — пожимает плечами Шершнева. — Мне моих сорока вполне достаточно. Ты же не собиралась со мной спать? — виновато отвожу взгляд. — Тем более, становится со мной одной семьей. А ради чужой я устал горбатиться. Хватит с меня этого цирка.

— Олег, мы можем поехать в ЗАГС хоть сейчас, — я решительно поднимаюсь на ноги, но поднятая вверх ладонь Шершнева останавливает меня.

В комнате становится очень холодно. Я ежусь и обнимаю себя руками под равнодушным взглядом Олега.

Все кончено.

Я вижу это за мгновение до того, как Олег открывает рот.

Но внутри что-то противно хрустит с каждым его словом сильнее.

— Проваливай, — рявкает Шершнева и отлипает от стены. — У тебя пять минут на сборы. Оставшееся вышвырну в мусорку.

Ощущение отложенной жизни захватывает меня с головой на весь следующий месяц. Вплоть до сегодняшнего дня.

Рука дрожит, стоит ее поднять и прикоснуться к звонку. Его гладкая поверхность обжигает кожу. Напоминает, что я не имею права здесь находиться.

Трель звонка мягко касается слуха.

Ожидание коллочками впивается в кожу, заставляет приподняться все волоски. Я тяжело вздыхаю и мнусь. Теряю в руках лист бумаги.

И как я вновь оказалась около этой двери?

Невольно перебираю все события прошедшего времени.

Сначала я все делала на автомате. Увольнение проходит быстро. Никто не просит отработать оставшиеся недели. Только и помню, как мельком столкнулась в коридоре с Лазаревым. Его покосившийся нос и плохо скрытая синева под глазом поднимают настроение.

Хоть немного компенсируют причиненный ущерб.

Шершневу же, сколько я не мялась у дверей, так и не появляется.

Поиск работы отбирает совсем немного времени. К своему удивлению, Паша берет меня работать сразу же, стоит мне разместить резюме. Мы практически не пересекаемся, что упрощает жизнь. Его небольшое финансовое агентство дает нагрузки ровно столько, сколько я могу вынести.

Потому что недомогание превращается в постоянное. Тошнота, головокружение и небольшая температура мучают меня ровно до тревожного взгляда матери.

«Милая, а ты не беременна?»

Тогда я лишь отмахиваюсь. А уже вечером сижу в больнице для выяснения причины своих симптомов.

«Будем наблюдать. Но я бы настоял на стационаре».

Новость о моем состоянии ошарашивает меня не меньше, чем следующая.

Недели реабилитации отца идут по плану. Он улыбается и начинает ходить самостоятельно. Даже новости о компании похоже не в силах его сломить.

«Ничего страшного, дочка. В этой жизни все имеет свой конец».

И я верю, потому что хочу верить. Папа же поправляется? Он все так жевесел и полон оптимизма. С охотой выполняет все предписания, занимается физиотерапией и строго принимает лекарства. Мы же вместе с медицинским персоналом делаем все, чтобы он выздоровел. И у нас, как нам кажется, получается.

Пока в один барбекю вечер он не сваливается на землю из своего кресла.

«Я боюсь, что вашему отцу нужна еще одна операция. Новый стресс спровоцировал рост раковых клеток. Но даже в случае ее успеха, я ничего не гарантирую. Мне очень жаль».

Не понимаю, как мы не заметили ухудшений. Врачи говорят не корить себя. Так случается. Мы ложно приняли за ремиссию то, что ею не было.

Но разве бывает так?

«Подумайте о себе».

В тот же день я звоню Шершневу. Я почти уверена, что все происходящее — это наказание за мою ошибку.

Мне плевать на гордость и все, как это выглядит.

Потому что все, кто мне так дороги, под угрозой.

Отправляю сотни сообщений, растирая по щекам бесконечный поток слез. Но ни он, ни Лазарев мне не отвечают.

Ад возвращается.

Я их не виню. Я корю себя за глупость каждый день, пока отец гаснет прямо на глазах, а мой врач с каждым приемом становится все строже. Он запрещает мне нервничать и напоминает про стационар.

Но как здесь успокоиться?

Все то небольшое, что у нас было, включая злосчастный дом, мы продаем и снимаем маленькую однушку на окраине. Паша разрешает работать удаленно, оплачивает работникам расширенный ДМС.

Но этого не достаточно.

Я словно оказываюсь в чертовом дне Сурка, где вновь происходит тоже самое, только с каждым разом все становится только хуже.

«Ваше состояние требует постоянного медицинского наблюдения. Раз вы не можете себе обеспечить нужные условия — этим займемся мы. Это уже не шутки».

Но я же не могу позволить себе лечь в больницу сейчас. И даже если я соглашусь — мои переживания не растворятся сами собой.

Из-за того, что я сделала, даже маленькая искорка счастья оказывается под угрозой.

У меня нет денег не просто помочь отцу.

У меня нет возможности даже помочь самой себе.

Единственным лучом надежды светятся брошенные слова Шершнева.

«Я устал горбатиться ради чужой семьи».

Кладу ладони на живот и с силой прижимаю. Так, чтобы чувствовать собственное тепло.

Он не оставил Лазарева даже после его предательства. Что они решили с компанией — мне не известно, но никакой шумихи не было. А значит он если и не простил старого друга, то как минимум не стал ему вредить.

Может и мне повезет?

Взгляд сам скользит по сжатому в руках медицинскому заключению. Гора непонятных терминов с прикрепленными степлером черно-белыми снимками. Я осторожно глажу размытое изображение и поднимаю взгляд.

Дверь распаивается с такой скоростью, что мне приходится отпрыгнуть в сторону. Сердце скулит, стоит мне увидеть растрепанную макушку Олега.

Он словно стал еще красивее.

— Я тебе звонила, — в привычной манере говорю я.

Осекаюсь. Шершев пригвозждает меня взглядом к полу.

А мне кажется, что на заднем плане раздается женский смех.

Он режет ухо и болью пробивает сознание. Ставшее ежедневным головокружение возвращается. Хватаюсь за дверь, чтобы удержать равновесие.

— Я видел, — отсекает он.

Неприступная крепость. Таким он кажется мне сейчас. И не будь вопрос настолько острым — я бы ушла. Сбежала под гнетом собственного стыда и страха.

Но сегодня на карте нечто гораздо более важное, чем моя жизнь или жизнь моего отца.

Сегодня решается судьба ребенка.

Нашего с Олегом ребенка.

И на этот раз я не отступлю.

Больше книг на сайте - Knigoed.net